

Ирина Семина

при участии Евгении Колядиной

Ты не одна, девочка

Сказки Эльфики

РЕЧЬ
Санкт-Петербург
2014

Оглавление

Художник обложки Е. Плаксина

Семина И. К.	
С30 Ты не одна, девочка / И. К. Семина ; при участии Е. Колядиной. — СПб. : Речь, 2014. — 176 с. — (Сказки Эльфика).	
ISBN 978-5-9268-1619-5	
Книга «Ты не одна, девочка» предназначена для женщин, потерявших ребенка во время беременности, родов или сразу после них. В ее основе — реальная история женщины, дважды перенесшей потерю ребенка на поздних сроках беременности.	
Эта книга шокирует своей правдой и в то же время вселит веру: в ней есть боль — и есть надежда. Множество вопросов — и множество ответов. А главное, в ней есть Путь, который поможет выбраться из пучин отчаяния и обрести ориентиры — куда, как и, главное, зачем дальше двигаться.	
ББК 88.4 УДК 159.9	
<i>Глава 2.</i>	
<i>ЗЛАЯ СКАЗОЧНИЦА</i>	27
<i>Глава 3.</i>	
<i>ВЕЧЕР В ШОКОЛАДЕ</i>	33
<i>Глава 4.</i>	
<i>ОБРЕСТИ ОПОРУ</i>	38
<i>Глава 5.</i>	
<i>О ЖАЛОСТИ И НЕ ТОЛЬКО</i>	44
© И. К. Семина, 2014	
© Издательство «Речь», 2014	
Художник обложки Е. Плаксина	
От автора	7
Наши благодарности	9
О книге	11
ЕЩЕ ДО НАЧАЛА	13
Плач по нерожденному	14
С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ	17
Глава 1.	
СТРАШНАЯ СКАЗКА	20

<i>Глава 6.</i>	
ШКОЛА ЖИЗНИ	50
<i>Глава 7.</i>	
ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ	55
<i>Глава 8.</i>	
В ПОИСКАХ РОДСТВЕННОЙ ДУШИ.....	60
<i>Глава 9.</i>	
СТРАШНЫЙ СУД.....	67
Страшный Суд.....	70
<i>Глава 10.</i>	
ЗАЧЕМ ТЕБЕ РЕБЕНОК?.....	76
<i>Глава 11.</i>	
ЗАЧЕМ ТЕБЕ РОДИТЕЛЬ?.....	89
Детский мир.....	89
<i>Глава 12.</i>	
ДЕЛО ВРАЧЕЙ-ВРЕДИТЕЛЕЙ.....	96
<i>Глава 13.</i>	
МОЯ ПЕРВАЯ СКАЗКА.....	109
Безоблачная палата	109
<i>Глава 14.</i>	
ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД СНОВ	117
Город Снов.....	118
<i>Глава 15.</i>	
НАЧАЛО СВЕТА.....	127
Конец Света	131
<i>Глава 16.</i>	
ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТИ	143
Мама Люба и ее сем'я.....	145
Первая в своем роде.....	153
<i>Глава 17.</i>	
ПРОБА ПЕРА	163
Сиреневый	166
<i>Глава 18.</i>	
КРУГ СИЛЫ.....	170

От автора

та книга — для вас.

Или не для вас, а для кого-то из близких или знакомых, кто пережил или переживает сейчас этот трудный период. Или для тех, кто страшится такое пережить. Она пригодится и тем, кто так или иначе причастен к драматической ситуации, описанной в книге: психологам, медикам, социальным работникам. Но в первую очередь она для вас, дорогие женщины. Для тех, кому самой природой предназначено продолжать жизнь — рожать детей. И конечно же, это книга для тех, кто пережил самое страшное — потеряв ребенка во время беременности, родов или сразу после них.

Книга одновременно и художественная, и публицистическая, в ней сплетены воедино реальные события и их сказочная интерпретация, а главное — в ней есть практические советы: что делать и как выжить. Сначала в ее создании участвовали только двое: Евгения, которая дважды пережила подобную драму, и я, Ирина Семина, для друзей и читателей — сказочница Эльфика, психолог, писатель, автор множества сказочных книг для взрослых.

Евгения нашла в себе силы еще раз шаг за шагом пройти через тяжелые воспоминания, осознать и проанализировать свои чувства и ощущения, поделиться самым сокровенным, чтобы помочь другим женщинам, попавшим в подобную ситуацию. Именно ей принадлежит идея создания книги. Я же согласилась быть ее ступенькой в этом легком путешествии по внутренним мирам и пропустить через себя все переживания Евгении, чтобы из этого впоследствии проросли сказки, исцеляющие душу.

Затем в работу включились многие, очень многие, и каждый поделил кусочек своего опыта и своего душевного тепла. На каких-то этапах к нам присоединялись разные люди, наши друзья и единомышленники

из самых разных уголков земного шара, которые делились своими мыслями, знаниями, опытом, мудростью, сказками. Они встали в не-зримый Круг Смысла, и их светлая, позитивная энергия вмилась в эту книгу. Мы безмерно благодарны им за участие.

В книге есть боль — и есть надежда. Множество вопросов — и множество ответов. А главное, в ней есть Путь, по которому можно пройти, чтобы выжить, выбраться из пучины отчаяния на твердую почву и обрести ориентиры: куда, как и, главное, зачем дальше двигаться.

Прочитав эту книгу, вы уже не будете прежней. Вы станете сильнее, мудрее и спокойнее. Возможно, вы получите ответы на самые актуальные вопросы. Возможно, для вас забрезжит свет в конце тоннеля. А может быть, это станет самой важной ступенькой на вашем пути к великому счастью материнства или к не менее великому дару смириения.

И в любом случае — знайте, что вы теперь не одна. Вы большие никогда не будете одна. С вами будут Ирина и Евгения, прошедшие через Тьму ради того, чтобы зажечь для вас Свет.

В добрый час!

Наши благодарности

Глубокий поклон всем, кто участвовал в создании книги:

Валентине Ильиничне Полян (Россия) — культурологу, практическому философу и валеологу, исследователю законов эволюции, писателю.

Татьяне Дмитриевне Зинкевич-Евстигнеевой (Кипр) — ученному, доктору психологии, писателю, создателю Комплексного метода сказкотерапии.

Нехаме Мильсон (США) — врачу-реаниматологу, мастеру рекламинга.

Кристине Эххманн (Германия) — добром волшебнице и сказочнице.

Светлане Шевляковой (США) — инфотерапевту.

Ларисе Лошининой (Кыргызстан) — врачу, целителю-космоэнергету.

Анне Князевой (Россия) — клиническому и перинатальному психологу.

Любови Репиной (Россия) — маме троих собственных и двоих приемных детей, счастливой женщине.

Рецензия:

Тамерлану Казбековичу Гогичаеву (Россия) — главному врачу роддома № 18 г. Москвы, акушеру-гинекологу высшей квалификационной категории.

Галине Григорьевне Филипповой (Россия) — доктору психологии ческих наук, профессору, ректору Института перинатальной психологии и психологии репродуктивной сферы, главному редактору научно-практического журнала «Перинатальная психология и психология репродуктивной сферы».

Марине Алексеевне Чижовой (Россия) — клиническому и перинатальному психологу, проректору Института перинатальной психологии и психологии репродуктивной сферы, директору тренинговой компании «Этицентру».

Татьяне Романенко (Москва) — телеведущей Тутте Ларсен.

Евгения Колядина шлет благодарности всем, кто помог ей спасти с белой и пережить горе:

Родителям Николаю и Людмиле Боковым.

Сестрам Валентине Ефремовой и Жанне Попадопулос и их семьям.

Крестному Анатолию Лазебному и его семье.

Друзьям: Алине Кутиневой, Тимуру Абдуллину, Светлане Медведевой, Андрею Филиппову, Алине Князевой, Григорию Мазарскому, Елене Розорвиной, Галине и Дмитрию Тарасовым, Елене Жуковой, Дарье Кондратьиной, Елене Михайловой, Ольге Баниковой, Ирине Анатольевне Арефьевой, Марине Леонидовне Кухарук.

И всем, кто ее поддерживал в те трудные дни! Храни вас Бог!

О книге

Телеведущая Тутта Ларсен:

«Когда человек сталкивается с большой бедой, ему важно понять, что он не одинок. И несмотря на то, что ему очень больно и чего-то не исправить, он не один, он — живой, и у него есть надежда на лучшее!»

Мой личный опыт говорит о том, что все происходит к лучшему и так надо. Именно об этом книга «Ты не одна, девочка»: о любви, наядже и, в конечном, о радости.

Я верю в то, что она станет добрым другом и эффективным лекарством для тех, кому это необходимо».

* * *

Главный врач роддома № 18 (г. Москва)
Тамерлан Казбекович Гогичаев:

«Книга, которую вы держите, посвящена личному горю — потере ребенка. Автор простым и доступным языком описывает личные переживания и страдания.

Мертворожденные дети... Сколько ужаса, боли, отчаяния! Сколько обиды на Мир! Как сохранить свою целостность и не похоронить себя под грудой «разноцветных фантиков»? Где найти новый смысл жизни и правильно ли этим смыслом жизни наделять кого-либо, кроме самого себя? Где черпать живительные силы в подобной ситуации? Извечные вопросы: «За что мне это?», «Кто виноват?», «Что делать?» и «Как дальше жить?» — приводят героянью к новому взлету, личностному росту и НАДЕЖДЕ. Надежда на счастливое материнство и вере в собственные силы, в то, что все мы любимцы Вселенной и нет у нас важнее задачи, чем испытывать счастье и радость каждого дня. Помогает герояне разобраться и познать истину чудесница и сказочница

Эльфика. Применяя метод сказкотерапии, Эльфика озаряет сердце и душу женщины живительной смолой всепрощения, наполняя Любовью и Светом.

Авторам удалось поднять ряд крайне актуальных на сегодняшний

день вопросов, в том числе об осуществлении психологической поддержки женщин, попавших в аналогичные жизненные ситуации.

Книга предназначена для широкого круга читателей и может быть полезна не только тем, кто потерял ребенка, но и семьям, планирующим беременность».

* * *

*Доктор психологических наук, профессор,
ректор Института перинатальной психологии
и психологии репродуктивной сферы
Галина Григорьевна Филиппова:*

«Большим достоинством книги является очень грамотное психологическое построение материала, в котором последовательно представлены этапы переживания горя и выход героини под руководством психолога в конструктивную позицию. Действительно, сказкотерапия в подобных случаях очень полезна, а нередко может стать главным инструментом в работе психолога. В данном случае читатели имеют возможность познакомиться с высокопрофессиональной работой психолога-сказочника, имеющего свой индивидуальный стиль работы.

Книга написана живым, эмоциональным, понятным языком, и в то же время тонко соблюдены профессиональные нюансы психологической работы. Книга очень актуальна, несомненно, принесет большую пользу как самим женщинам, так и психологам, работающим с этими проблемами, а также другим специалистам, родным и близким, причастным к этой сложной жизненной ситуацией».

ЕЩЕ ДО НАЧАЛА

Меня зовут Евгения. Я хочу поговорить с тобой. Даже если тебе не хочется никого видеть и ничего обсуждать, просто послушай меня.

Просто послушай!

Первое, что я хочу тебе сказать: В ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, НЕТ ТВОЕЙ ВИНЫ. Это не вина, это беда, но ты с ней справишься. Нет, не так: Мы с ней справимся. Я имею полное право говорить «мы», потому что тоже прошла через ЭТО. Даже дважды. Да, дважды мои дети умирали во время беременности, затем следовали искусственные роды, отчаяние, опустошение... темнота. Я знаю, каково тебе сейчас. Но точно так же я знаю, что это пройдет. ЭТО ПРОЙДЕТ!! Все еще будет! Там, впереди, тебя ожидает много хорошего: и любовь, и счастье, и ты сама — более сильная, более мудрая, более стойкая. Можешь мне верить или не верить — сейчас это не так важно. Сейчас я тебя попрошу только о двух вещах.

Первое: выброси из головы фразу: «Я виновата» и замени ее на другую: «ЭТО БОЛЬШОЕ ГОРЕ, НО Я С НИМ СПРАВЛЮСЬ».

Второе: ПРОЧИТАЙ ЭТУ КНИГУ. Здесь собран весь мой (и не только мой!) опыт, все, что я узнала, пережила и поняла в эти трудные времена. Я не знаю, как ты к ней отнесешься, насколько близки ми тебе покажутся мои мысли. Ты будешь соглашаться или возражать, разражаться или плакать, швырять книжку в угол и снова открывать ее, сравнивать свои ощущения с теми, что в ней описаны... но в любом случае тебе волей-неволей придется как-то реагировать, и это будет ЖИЗНЬ.

Поверь мне: и ты, и я далеко не первыми и не последними прошли через этот горький урок. Это УРОК. УРОК. ОБУЧЕНИЕ. ИСПЫТАНИЕ. ВИНОВАТЫХ НЕТ.

Это произошло не только с тобой. Это случалось миллионы раз, и летел в небеса женский крик, глач по нерожденному. Им было больно, очень больно — так же, как и тебе. И каждой из них пришлось пройти через эту боль, принять и отпустить ее — ведь только так можно накопить силу, чтобы попробовать снова. И сейчас, в это трудное для тебя время, каждый раз, когда будет темнеть в глазах, когда будут опускаться руки, когда отчаяние протянет к тебе свои цепкие щупальца, — повторяй, как заклинание: «ОНИ СМОГЛИ, И Я СМОГУ!»

Знаешь, как это было у меня? Я расскажу.

Плач по нерожденному

卷之三

— вает мои внутренности, застилает мозг!!! Раздирает его на куски!!! Почему больно в голове?? Чтобы не думать. АААААА... больно!!! Крик рвет глотку, в клочья, в ошметки, в брызги. Челюсти отрываются одна от другой, жизнь выходит из меня криком. И смерть выходит из меня. Моя жизнь и твоя смерть. Боже!!! Эта боль должна

принести счастье, она должна созидать, сотворить... И только я рвусь не ради жизни, а ради смерти. Это тельце внутри меня, то, что должно было стать моим мальшом, моей крохой, моей родинкой, кроиной, это тельце давно умерло. Я знаю, что рожаю смерть. Грудь взрываются, горло в клоцья, голова в осколки, мой крик превращает Вселенную в груду никчёмных атомов! Я сама Смерть... гримаса, несущая в мир ужас, застыла на моем лице и вытягивает этот дикий, не звериный и не человечий, крик. Так не кричит живое, это крик самой Смерти. Я Смерть, и я рождаю смерть. Там, где должно болеть, я ничего не чувствую, ведь там мертвое. Болит в груди, в горле, в мозгу.

Крик спасает. Крик — целитель, он помогает не думать: пока я кричу, мозг скжат, как резиновая игрушка в кулаке ребенка. Живого ребенка, радующегося игрушке в руках. А мой ребенок мертв. Он был уже мертв тогда, когда все вокруг еще ждали от меня радости. А я уже знала, чувствовала, что он не живет во мне, но не верила, не могла поверить...

Какая дикость... Я перестала кричать, а он не начал. Так не бывает. Я же видела в кино, я читала, я знаю, как это бывает. Кричит мать, когда она застихает умиротворенно, раздается писк малыша. Я уже не кричу, он вышел из меня, но он молчит. Я знала, что не раздастся писк жизни в этой комнате сегодня, но как же дико... отзнучал рык матери, а писка детеныша не раздалось. Дикость... так не бывает. Вы ждали от меня новой жизни, а я принесла в мир новую смерть.

Плачь, Мать, плачь. Ему твои слезы не нужны, он не слышит их. В нем нет жизни, давно нет. Смерть его имя. А я — мать Смерти.

Боже, как же ты так... Как же ты мог??? Как я теперь... **КАК МНЕ ТЕПЕРЬ ДОЖИВАТЬ?** Все разрушено. Все...

Авторство принадлежит Нехаме Мильсон.

руками и ногами, стремясь к нему. «Я здесь... я сейчас... пожалуйста, пожалуйста, только не потухни», — лихорадочно шепчу я.

И вроде бы огонек не увеличивается в размерах, но становится четче и ярче, и я уже вижу, что это действительно свеча, я даже смутно различаю руки, которые ее держат. Это женские руки. «Не бойся, девочка, я с тобой, — ее голос звучит не снаружи, а внутри меня, — Иди на свет... просто или на свет».

Я изо всех сил стараюсь, я плаву на свет, и вот я уже совсем рядом. «Спасибо, я так боялась, мне было так одиноко, так страшно, я была одна на всем белом свете!» — лепечу я.

«Одна? — удивляется Женщина Со Свечой. — Этого не может быть. Погляди вокруг...»

Я оглядываюсь — и с удивлением вижу, что совсем рядом есть еще огоньки... и поодаль... и совсем далеко. Это выглядит как звезды в ночном небе — мерцающие жемчужинки в кромешной тьме. Или как свечи в огромном пустынном зале. И они не иссят в пустоте: каждую свечу держат чьи-то руки. «Но здесь же никого не было!» — потрясенно говорю я. «Были всегда. Просто ты никого не хотела видеть, — отвечает женщина. — Ты позвала — и узрела свет. Так всегда бывает, стоят только позвать».

Да, теперь я вижу. Здесь много людей, и свега становится все больше. Я уже различаю фигуры, даже лица. «Кто это?» — спрашиваю я. «Это ты. Все поймешь и узнаешь, но в свое время. А пока просто ощути, почувствуй каждой своей клеточкой: ты не одна!»

Я не одна.. боже мой, благодарю тебя — я не одна! И тьма начинает потихоньку отступать.

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Евгения:

«Ирина, добрый день! Я потрясена Вашими сказками, большое спасибо за них! Если коротко, суть моего предложения такова: мне дважды не удалось нормально выносить ребенка (мои дети умерли еще во время беременности), и сейчас у меня есть идея, как поддержать женщин, оказавшихся в моей ситуации, пройдя которую, я смогла полностью реабилитироваться.

Ваш стиль очень подходит для книги, которую я Вам предлагаю написать для поддержания морального духа таких женщин. Поверьте, зачастую их поддержать совсем некому. Если идея Вам интересна, я подробнее напишу или готова встретиться с Вами или Вами представителем. Женщины, потерявшие ребенка, очень, очень нуждаются в помощи! Я хороший оратор, и уже есть идея, как это все воплотить. С уважением, Евгения».

С этого письма все и началось. Я никогда не переживала потерю ребенка и никогда бы не взялась писать об этом, если бы не одна моя природная особенность — у меня очень развита эмпатия (сопереживание). Когда я пишу сказку на заказ по проблеме другого человека, я на какое-то время начинаю мыслить и чувствовать, как он. Я принимаю на себя его боль, чтобы через сказку собрать ее воедино, превратить в слова и потом бережно вынуть и вернуть их в информационное поле мира. А вместо ушедшего вселить в душу человека нечто новое — свет, надежду, веру, любовь.

Когда я прочла письмо Евгении, то по своей реакции сразу поняла — да, тема нужная и важная... она зацепила и вызвала душевный отклик. Явственно представила и ощутила боль, страх и вселенское одиночество, которые сопутствуют потере ребенка, и сразу сказала «да». Единственный вопрос, который я тогда задала Жене, это в чем она видит суть будущей книги.

Евгения:

«Идея поддержки женщин родилась у меня на основании своего проиленного опыта, в тот момент, когда я поняла, что могу рассказать об этом ВСЛУХ, ведь обычно женщины про это не рассказывают. А боль потери зачастую не дает в дальнейшем строить нормальную жизнь и разрушает отношения с родственниками, да плюс страх, что все может повториться, и, как следствие, разводы, психологическое бесплодие и даже суициды.

Суть книги: сказать женщине, что надо жить дальше, что есть надежда, что все будет хорошо. ЧТО ОНА НЕ В ОДИНЧЕСТВЕ. Отвлечь от черных мыслей, от уныния. Ведь чтобы принять, надо сначала понять! И обязатель но нужно всплыть нотку позитива, поэтому я и обратилась к Вам. Моя идея в том, чтобы написать ПОЗИТИВНУЮ книгу и чтобы ее рекомендовали прочитать специалисты в роддоме. Ведь часто женщины лежат там еще какое-то время (например, пока антибиотик проколот и хоть немного восстановят здоровье), и это САМОЕ тяжелое время. И знаете, женщинам с нормальными родами дарят в это время и информационный материал, и подарок от мэрии (чепчики там всякие, пеленочки и пр.), и открыточку от роддома, и родственники поддерживают. А здесь — полное безмолвие, говорить не с кем, да и не хочется, с родственниками вообще не знаешь, как себя вести, как жить дальше — не понимаешь, и за что все это и что с этим делать — тоже не знаешь. Пожалуйста, напишите, что вы об этом думаете. «Женечка, а какую поддержку Вам бы хотелось тогда получить — в первую очередь?» — спросила я и получила в ответ:

«В первую очередь мне хотелось бы, конечно же, объяснений от человека, которому я доверяю или поверию, ПОЧЕМУ ТАК ПРОИЗОШЛО. И еще — НАДЕЖДЫ, что так будет не всегда, и в следующий раз наверняка все получится. Хотелось, конечно, любви и поддержки от мужа (у меня с этим был полный провал, к сожалению...) Но я спрашивалась, и теперь хочу помочь многим другим. Я хочу крикнуть на весь мир, так, чтобы они услышали: ТЫ НЕ ОДИНКА, ДЕВОЧКА!»

«Женя... Я готова пройти с Вами через этот опыт. Но готовы ли Вы? Ведь Вам придется вспомнить все, вновь погрузиться в тот тяжелый период, „поднять“ чувства и эмоции, которые были в тот момент. Мне придется задавать Вам неудобные и неприятные вопросы, а Вам — заглянуть в самые темные уголки своей памяти. Это очень больно, я знаю, но без этого никак».

«Ирина, я понимаю. Я готова пережить заново всю боль, я ведь сознательно на это иду. Я позитивный и креативный человек, и от этого проекта хочу лично для себя следующего результата: я хочу убедиться, что мне досталась такая непростая судьба для того, чтобы появилась эта книга и, возможно, как продолжение, — сайт по поддержке таких женщин, а в идеале — психологическая помощь в роддомах. Начнем с книги. Я готова, спрашивайте».

А дальше началась работа. Мы с Женей шаг за шагом заново прошли весь путь — от радостного ожидания, через тревогу и ужас, через боль и отпущение, через крик и отчаяние — к принятию, пониманию и спокойной уверенности: это — не конец всего, это — начало нового. И сейчас, если вы держите эту книгу в руках, если вы тоже проходите этот нелегкий опыт, знайте, что мы, Ирина и Евгения, с Вами, мы разделяем вашу боль и попытаемся вместе поискать ответы на многие вопросы, которые так мучают вас сейчас. Вместе мы выберемся. Даже не сомневайтесь!

Глава I. СТРАШНАЯ СКАЗКА

Мой самый страшный кошмар по законам жанра приходит по ночам, когда мне некому помочь, в час, когда тьма спускается на землю и заливает изнутри мою душу, заставляя вновь и вновь переживать то, что случилось со мной уже во второй раз. Я почти не могу спать, но когда все-таки забываюсь в полуслне-полуяви, оно и начинается...

Я слышу тоненький голос, откуда-то очень издалека, он плачет, он зовет меня. «Мама, мамочка, мне страшно, мне темно, спаси меня, мама...» — просит мой малыш, и я бросаюсь ему на помощь, но вокруг кромешная темнота и сплошные стены, я ничего не вижу и натыкаюсь на них, мне больно, но я должна, должна его найти, схватить на руки, вывести на свет... «Мама, мамочка...» — все зовет он, а я слепо мечусь из стороны в сторону, и я плачу от бессмыслицы, от отчаяния, от шемящей жалости к своему детенышу и к себе, но стены непоколебимы, и в них нет ни окон, ни дверей, ничего нет, я не могу выбраться. ВЫХОДА НЕТ. Я всей кожей ощущаю, что стены вдруг начинают сдвигаться, наступать, сжимать кольцо, нависать надо мной, пространства становится все меньше, мне уже не хватает кислорода — господи, я же сейчас задохнусь! Я кричу — и просыпаюсь от собственного крика, с залитым слезами лицом, судорожно хватая воздух открытым ртом. Ох, слава богу, это всего лишь сон, я просто спала, а на самом деле ничего не было, не было, я уже проснулась, и все будет нормально...

прихожу в себя.

Ни в какой я и не в палате, я дома, в своей комнате и в собственной постели. Вернее, сейчас рядом с ней, на полу. Никого нет, я совершил одна в квартире, и дверь закрыта на оба замка. Мне просто снова приснился кошмар. Впрочем, такие приключения я теперь переживаю каждую ночь. И поделом мне! Я заслужила, я виновата. Я потеряла ребенка.

Сегодня мне больше не уснуть. Я встаю, зажигаю торшер, бреду на кухню, чтобы попить волчки. По дороге мельком вижу себя в большом зеркале, что висит в коридоре — ой, мама... Все мои кошмары — налицо. Точнее, на лице. Рыдаю-то я хоть и во сне, но настоящими слезами... Невнятная фигура в измятой ночной рубашке. Мило страшное, опухшее,

качет головой: «Да-а-а, кто бы мог подумать, что ты такая слабенькая, не сможешь выносить, с виду-то кобыла здоровая...» «А я тебе говорила, что все так и закончится, что добра от вашего союза не жди!» — присоединяется мама. «Не реви, ты молодая, еще нарожаешь, — безжалостно рубит дед. — И нечего нюни распускать!» А вот и муж. Он совершенно «не здесь». «Ты не справилась... не смогла... не способна... не женщина...» — на разные голоса внушают мне они, и я понимаю, что все они правы, и мне нечего возразить, да, я виновата, я не смогла, мой малый умер, и я хочу умереть, дайте мне умереть!!!

— А ну прекрати орать! — сурово требует соседка по палате, осторожно тряся меня за плечо. — Надоела, вогиши, людям спать не даешь... Ты что думаешь, у тебя одной проблемы? У тебя вообще совесть есть? Я тебя сейчас придушу! — И она действительно выдергивает из-под моей головы подушку, кидает ее мне на лицо и сама наваливается сверху, я хрюплю и пытаюсь разорвать ее мертвую хватку, я сучу ногами, извиваюсь, рву подушку зубами, и мне как-то удается выскользнуть, я отбрасываю ее, пытаюсь вскочить и падаю, запутавшись в одеяле, больно ушибаюсь коленями, и только тут окончательно

всклокоченные волосы, черные провалы глаз... И еще прихрамываю — коленками приложилась серьезно. Дряхлое, унылое привидение на пороге полного небытия. Интересно, привидения стареют?

Я включаю холодную воду и жадно глотаю ее прямо так, из-под крана. Она остужает мое солнечное, горячее лицо, и я немножко прихожу в себя. Господи, так нельзя, я так разрушусь, погибну. Надо взять себя в руки и что-то делать. «Ты уже сделала все, что могла, — язвительно подсказывает мне кто-то внутри меня. — Вернее, НЕ сделала...»

— Заткнись! — яростно кричу я.

Голос испуганно замолкает, но я испугана еще больше. Я понимаю, что вот так и сходят с ума. Претираются со своими внутренними голосами, сначала наедине, потом — и на людях, а затем кто-нибудь добросердечный отводит тебя к внимательному и вдумчивому дяде-психиатру, там тебе говорят, что надо полечиться, дают направление в стационар, где всячими препаратами помогают отпустить и забыться, разогнать мысли и чувства по углам, и потом все сочувственно взывают: «Да и немудрено, сломалась, бедненькая, да и то сказать — такое горе, такое горе! Потерять ребенка — это трагедия, да...» Да, трачеградия! Но в психушку я не хочу. Я хочу жить. По возможности — еще и радоваться жизни. И родить ребенка — это обязательно. Но для этого мне нужно сначала прекратить бесконечный внутренний диалог, перестать рыдать по ночам и, виляя, сделать «работу над ошибками». Ну, я так думаю.

Поэтому я иду в ванную, пускаю душ ледяной струей и, поскучувши и скжавшись, становлюсь под нее. Вот так, хорошо, чем хуже — тем лучше. Тело мигом приходит в тонус, мозг вбрасывает в кровь хорошую порцию адреналина. Я пускаю то горячую струю, то снова ледяную и постепенно прихожу в себя. Я вылезаю, растираюсь жестким полотенцем, накидаю махровый халат и снова смотрю в зеркало. Да, не Царевна-Лебедь, но уже и не Кисель-Размазня. Просто женщина, пережившая кораблекрушение. Ключевое слово — ПЕРЕЖИВШАЯ.

— Если не умерла — то жизнь продолжается, — говорю я своему отражению. — Надо искать ориентиры. По ним куда-нибудь да придешь.

Я возвращаюсь в комнату, закидываю одеяло на кровать и решительно включаю компьютер. «К черту такую жизнь, мне нужна другая!» — решительно бормочу я, уставившись на экран. Какая это «другая», я пока и сама не знаю. Но надеюсь, что с течением времени разберусь. Глупо будет сдаваться, даже не попробовав что-то изменить.

И я решительно набираю слова: «SOS! Я ПОТЕРЯЛА РЕБЕНКА! ПОМОГИТЕ КТО-НИБУДЬ!»

На мой призыв о помощи откликается столько народа, что я и не ожидала. Правда, не все поняли, о чем речь (видимо, я нечетко сформулировала), потому что письма и ссылки были разные. Но я все равно копировала их в отдельный документ. На меня обрушилась лавина чужой боли, и я была просто ошарашена этим потоком. Со всех сторон меня обступили чужие истории, одна страшнее другой, и их было очень много...

«Да, это страшно — терять детей. У нас был сложный порок сердца, операции не дождались, просто не успели, ему было всего два месяца от роду. Это очень тяжело, но что поделать, так уж вышло. Мне помогла вера. Молюсь каждый день, чтобы его душе было хорошо, буду молиться и за вас. Ольга Г.».

«Не отчайайтесь. Может быть, ваш ребенок еще найдется. Моя доченька пропала пять лет назад, ей было шесть. Но мы не теряем надежды. И вы верьте! Татьяна».

«Я так вас понимаю. Моему Андрюше был всего месяц, и произошла спонтанная остановка сердечной деятельности, во сне. Причин не установили, никто не виноват. Мужайтесь! Жизнь продолжается. Живите за него и за себя».

«Мой сыночек погиб, исполняя интернациональный долг, через восемь месяцев после призыва. Будь проклята эта война. Нам, матерям, труднее всех. Тоже думаю: зачем же я его рожала? Неужели за этим?»

«Чертова акушерка! Одно неосторожное движение — и все, нет у меня ребеночка. До сих пор не могу простить, проклинаю ее, проклинаю себя за то, что именно в этот родом приехала рожать, проклинаю судьбу. Все черно, и нет просвета, только ненависть и дает силы...»

«Не плачьте. Его (или ее?) душа сейчас на небесах. Ему уже хорошо, он дома».

«Попробуйте обратиться в передачу «Жди меня». Вот адреса...»

«Смиришься. Никому не дано знать, почему Господь так распорядался, но ему в любом случае виднее».

«Моя дочь тоже потеряла ребенка и не смогла с этим жить. Теперь ухаживаю за двумя могилками. Пожалуйста, держитесь, не слаждайтесь, наверное, у вас тоже есть мама. Подумайте, каково ей будет, если еще и вы...»

«Да что вы тут солли развезли? Помогите, спасите... Ну, потеряли, ну, еще родите, если возраст позволяет. Это же не вы умерли? И долго вы собираетесь жить на весь белый свет? Имейте в виду, пока вы в таком состоянии, ничего в вашей жизни не изменится, так и знаете! Каара-без-Карла».

«А я вообще против того, чтобы быть родильной машиной. Делают успешную карьеру, получаю второе высшее, есть время и на выставки, и на салоны, выходные — для себя, любимой. А для души у меня есть Додик (породы чихуахуа). Я обязательно рожу, но попозже, лет в 35. Или не рожу. Не надо так уж зависеть от детей, в жизни еще много интересного, поверьте».

«...Его все спасали, спасали, а я все рыдала и молилась, только бы выжила. Он выжил, и что? Ему почти два года, а он еще ни разу не был дома, он в больнице, гидроцефалия головного мозга, и еще легочная недостаточность, страшное внутричерепное давление, день и ночь криком кричит, живет только потому, что подключен к аппаратам. Медицина бессильна, и я бессильна, я ничего не могу сделать,

и все мысль покоя не дает: зачем я ему жизнь вымолила, на мучения? Господи, за что??»

«...А все проклятые наркотики. Двоих сыновей потеряла, двоих! На старости лет совсем одна, умру — оплакать некому будет. Но живу! И вы живите».

«...Куда смотрит милиция? Сколько еще детей должны потеряться, чтобы правительство что-то начало реально делать? (аноним)».

«Я тоже потеряла ребенка, на восьмом месяце беременности, после автокатастрофы. Потом долго не могла забеременеть. Ходила, лечилась, говорили, что случился шок. Столько психологов прошли, экстрасенсов! Уже отчаялась совсем. А через пять лет поехала к святой Ксении Петербургской, молилась, просила, и она мне помогла!!! Сейчас моей Ксюше пять лет, чудесная девочка, уже почти все буквы знает. Не отчайвайтесь, все у вас будет хорошо. Мисс-Кисс».

«А я пять раз беременела, и на третьем месяце каждый раз выкидали — как заговоренная. Муж пить начал. Тогда я быстренько его в охапку и в детский дом, ребенка выбирать. Усыновили, стали растить, смысл жизни появился, счастье! А через два года я снова забеременела — и выносила, даже не заметила как, ни токсикоза, ни сохранения, вы представляете? И так вот бывает. Может, и вам так же поступить? Какая разница — свой, чужой, живая же душа! Дважды Мамочки».

«И без детей жить можно. Найдите себе важное дело и занимайтесь им не за страх, а за совесть. А дети, если суждено, так еще будут, а если не суждено, так чего и суетиться? Ф. Ф.».

«Милая моя, как же вам сейчас тяжело. Примите мои соболезнования, такое горе трудно пережить... Вы плачете, легче будет. Главное, не держите в себе, а то с ума ведь можно сойти».

С ума можно сойти — это точно... А можно и не сходить. Я вдруг с увлечением осознала, что не я одна лью слезы, и не сплю ночами, и мечусь, и ишу ответы. И что я далека не самая несчастная!

Я представила, каково было тем женщинам, которые уже взрослых детей теряли — кто от наркотиков помер, кто на войне погиб. Или тот, вымолненный, с гидроцефалией — это как же страшно-то... Да... Я-то со своими детскими даже познакомиться не успела — ни с одним, ни с другим, и мучений их мне видеть не пришлось. Хотя мне от этого ничуть не легче. Но то, что не только я такая, обиженнная судьбой, все равно как-то поддерживает. Вроде бы уже и не одна...

«Я легей не теряла, у меня другая проблема (была!!!), но я знаю, кто вам может помочь. Вам нужна Злая Сказочница. Вот ее координаты, напишите ей. Она поможет. Алиса».

Злая Сказочница? Это что-то новенько... Только вот хватит с меня сказок... Я уже замучилась слушать о том, что «все будет хорошо», что «время лечит», что «перемелется — мука будет» и все такое прочее. Хорошо не становится, время не лечит ничего не перемалывается, сказки все это. Так что, пожалуй, не буду торопиться. Подожду я со сказочницами связываться, тем более со злыми. Хватит уже зла в моей жизни...»

Тем не менее со Злой Сказочницей мне все-таки пришло встретиться, причем гораздо быстрее, чем можно было ожидать. Итак, в мою жизнь добавилось хоть что-то новое — слава Интернету.

Я читаю письма — в них чужие судьбы (иногда пострадавшие, чем моя!), разные советы (иногда вроде бы полезные, иногда ужасно глупые!), но на их выполнение меня все равно не хватает. Просто нет сил. Да и желания нет, если честно. Но я уговариваю себя, что это пока, ведь все равно я сдвинулась с мертвоточки, я хоть что-то начала делать...

О советах. Наверное, они правда умные и могли бы помочь, но все скользят по краю сознания и не цепляют. Я не знаю почему. Наверное, потому, что я слишком сосредоточена на вопросах, которые крутятся у меня в голове: «За что?» и «Кто виноват?». Мне нужна какая-то встряска, которая выбила бы меня с накатанной колеи и вывела из моего полусонного состояния, и она случается.

Это произошло, когда мне позвонили из некого ток-шоу. Я была дома и, как всегда, апатично хрюпала печеньем у телевизора, когда включил мобильник. Номер был незнакомый, но я почему-то ответила. Приятный женский голос выразил мне свои соболезнования и предложил довольно приличную сумму за участие в программе. Тема — «Я потеряла ребенка». Я сначала даже опешила: «Предлагать ТАКОЕ? Мне??» Но она была настойчива и убедительна. Уж она-то, наверное, точно была хорошим психологом. Она уверяла меня, что, мол, моя история будет исключительно полезна для других женщин, что меня услышит вся

Глава 2. ЗЛАЯ СКАЗОЧНИЦА

страна и даже весь мир, что будут выявлены виновные в моей трагедии и их обязательно накажут, что я могу потребовать денежной компенсации, и все такое прочее. На каждое мое «нет» она становилась еще настойчивее, и у нее находились все более веские аргументы. Когда я была уже придавлена их тяжестью и начала задыхаться, я вдруг поняла, что во мне поднимается гнев. Мне предлагают наживаться на собственном горе? В какой-то глупой передаче, которая все равно ничего не решит и, главное, не вернет? Чтобы брызгущие слюной экзальтированные тетки в студии перекрикивали друг друга, навязывая свое и только свое мнение? Чтобы то и дело звучала фраза «если нет детей, то зачем жить?»

Пока я пыталась прийти в себя, голос уже увомил сумму. И тут я взорвалась. «Пошли вы в пень!!» — зарыдала я так, что мобилка вздрогнула и погасла, а я еще и отшивырнула ее на диван, подальше от себя.

Я пытала холодной ненавистью. Я сразу связала концы с концами и поняла, что сведения обо мне и номер сотового они получили или в родном, или в консультации (а где же еще?) и что им на меня и мою белу посты, наплевать — им нужны лишь сюжеты и рейтинги, а самое главное, — что, ПРОДАВ свою историю, я окончательно перестану себя уважать. Ого, оказывается, остаткиуважения еще плещутся где-то на дне души?

Я разозлилась. Я обрадовалась этой злости, как родной, — все-таки какое-то чувство, а я уже подумывала, что во мне все чувства умерли. Горе заставляет замирать, злость — выводит из оцепенения. Главное — не держать ее в себе, как-то реализовать. Вот сейчас мне очень пригодилась бы Злая Сказочница. Нет, даже так: ОЧЕНЬ ЗЛАЯ СКАЗОЧНИЦА!

Я кинулась к компьютеру, нашла ее адрес... Она отозвалась почти сразу (и хорошо, иначе бы я остыла и снова погрузилась в анабиоз!), и вот я с трудом проговариваю вслух фразу, которая вот уже два месяца меня медленно убивает:

— Недавно я потеряла ребенка.
— Сочувствую. Моя соболезнования.

Далые воцаряется молчание. Я молчу — и она тоже. Почему она молчит?

— Почему вы молчите? — спрашиваю я.

— Жду продолжения, — сообщает она.

— Что мне надо рассказать?

— Для начала расскажи, чего ты от меня хочешь.

— Как — чего? Я же говорю — я потеряла ребенка!

— Я уже выразила соболезнования. И если у тебя ко мне все —

давай прощаться.

— Нет, погодите... — протестую я. — Вы что, отказываетесь мне помочь?

— А ты меня пока ни о чем не просила. Я в неголовании. Мне кажется, что она абсолютно равнодушна к моему горю. Наверное, прозвище Злая Сказочница ей не просто так дали. Ну разве не понятно, зачем я на нее вышла?

— Видишь ли, я не умею читать мысли, — тем временем продолжает она. — Пока что ты констатировала факт, и это все, что я о тебе знаю. Хочешь получить конкретный результат — делай конкретный запрос. И не жди от других понимания, если сама не прилагаешь усилий к тому, чтобы быть понятой. Это, между прочим, раздражает.

В целом она, конечно, права. Я и сама порой беспомощна, когда слышала от мамы: «Ты сама могла бы догадаться». Не могла. Сделать, когда попросят, — легко, а догадаться — нет. Она обижалась на меня, а я на нее. Так что да, лучше сразу формулировать четко и внятно.

— Мне сейчас очень плохо. Я хочу, чтобы вы мне помогли.

— Какой именно помоши ты от меня ожидаешь?

— Мой ребенок... Он так и не родился. Хочу, чтобы этого не было.

Или не со мной. Хочу вернуться туда, в тот момент, и все изменить.

— Это не ко мне. Я не умею менять прошлое, — говорит она.

Уж извини. Все, что я могу, — это вернуться с тобой туда, чтобы еще раз вместе с тобой пройти этот путь и кое-что завершить.

— Что завершит?

— Помочь тебе перестать себя казнить и начать жить. Поискать ответы на кое-какие вопросы. И еще — сделать для покинувшей этот мир души то, что должно и нужно. Отпустить! А ты этого хочешь?

— Не знаю. Наверное, я все-таки другого хочу. Хочу все поправить, — говорю я.

— Что — «все»? Как — «оправить»? — продолжает меня прессовать она.

— Не знаю. Как-нибудь. Сделать, чтобы у моей страшной сказки оказался хороший конец.

— Аааа... Ну тогда ладно, можем обсудить. Сказки — это моей части.

— Вы правда сказочница?

— Правда.

— А почему злая?

— Потому что никого не утешаю и не говорю, что «все будет хорошо». Я не знаю, как там у тебя будет, может, и плохо. От тебя зависит. Зато никого и не обманываю. Режу правду-матку в глаза, а это бывает больно и неприятно. Потому честно предупреждаю — злая я. А чего это ты разговор переводишь? Я вопрос задала! Так чего хочешь?

— Чего я хочу... Чтобы мой ребеночек был жив, а я сейчас была бы счастливой мамочкой. Чтобы все, что я пережила, оказалось страшным сном. Чтобы честные и невнимательные врачи были чуткими и добрыми, а муж не предал бы меня в самую трудную минуту. Вот чего я хочу, если честно.

— Ну, тогда и я честно. Все УЖЕ случилось, возврату и обмену не подлежит. Добавлять тебе иллюзий не намерена, здесь ты и без меня справишься.

— Погодите! — торопливо кричу я, испугавшись, что она сейчас отключится. — А тогда как? КАК МНЕ С ЭТИМ ЖИТЬ?

— С этим жить не надо, лучше без этого, — отвечает она. — С этим надо разобраться, учесть ошибки, чтобы больше их не допускать, и жить дальше. Надеюсь, счастливо.

— Да! Да, я согласна, — говорю я. — Именно это я и хотела сказать.

— Ну что ж, можно попробовать. Только, знаешь ли, я за тебя работу выполнять не собираюсь. Помочь — могу, да. Но имей в виду: легко не будет, — предупреждает она. — Придется тревожить болевые точки, заново переживать очень неприятные моменты, погружаться в весьма травматичные воспоминания, возможно, вскрывать нарывы, и сердце будет кровью обливаться, это я тебе обещаю. Ну и сам процесс выздоровления будет зависеть от того, НАСКОЛЬКО ты хочешь закрыть эту горестную страницу и начать все с чистого листа.

— Я хочу, — говорю я. — Я больше не могу так. Чем так — лучше вообще никак.

— И еще: если ты ждешь, что я буду тебя жалеть и утешать, то это ты напрасно. И не мечтай! Тебя нужно встряхнуть.

— Уже встряхнули, — вздыхаю я и рассказываю ей о настойчивом приглашении на телепередачу. Я опять начинаю закипать от негодования. — Злишься? — с любопытством спрашивает она. — Это хорошо... Значит, оживешь потихоньку. Вот и чувства включаются... Как же мир тебя любит, я просто удивляюсь!

— Мир? Меня? Любит?? — я в растерянности. Да она что, издаваясь надо мной? После того, как он отнял у меня все???

— Ну конечно. Ведь если бы не звонок с телевидения, ты бы, может, и дальше пребывала в оцепенении... в своей страшной сказке, лада? — Она и сейчас страшная, — поразмыслив, говорю я. — Но звонок, конечно, меня вывел из себя. Разбудили Сияющую Красавицу, как говорится... Только при чем здесь «мир любит»?

— Ну а кто же, как не Мир, связал воедино эти две ниточки — тебя, телепередачу и меня? — удивленно спрашивает она. — Вот уже

и очнулась, и силы у тебя появились! Так что поблагодари мир за работу — и в путь.

— Ага, я поблагодарю. А в какой путь?

— Ну, если ты забрела в болото — надо выбираться. Постепенно, потихоньку, так и нащупаем твердую почву под ногами. И вот тебе домашнее задание для следующей беседы. Опиши мне, как нынче проходят твои вечера. Только, пожалуйста, без приукрашивания. Имея в виду, я вранье нас kvозь вижу, и мне «все в шоколаде» не интересно. Мне интересно, как на самом деле.

— На самом деле — так оно и есть, все напрочь в шоколаде, — невольно усмехаюсь я, теребя конфетный фантик — их у меня на столе разбросано ужас сколько. — Я поняла, я напишу.

Вечер — страшное время для меня. Время, когда все в шоколаде. Я вот думаю: хорошо, что у меня есть работа. Поэтому что днем мозги заняты ею, и можно жить. Но в 18.00 нужно уходить домой, и настроение у меня сразу портится (оказывается, даже самое никудышное настроение может стать еще гнуснее). Я уже знаю, что будет, когда я вернусь домой, и ничего хорошего не жду. Конечно, можно было бы куда-то пойти, но я никого не хочу видеть и поэтому обреченно бреду в свою одиночную берлогу. Брякают ключи, мягко проворачиваясь в замке, хлопает дверь... Все. Я снова наедине со своими мыслями.

После первых искусственных родов со мной был муж. От него полтержи было мало: он сам нуждался в ней еще больше, чем я, но все-таки он был — теплый, живой, о нем надо было заботиться, утешать, кормить, и это отвлекало. Сейчас его нет.

В квартире полный бардак, протоптанная дорожка между раскиданными вещами, пыль и запустение. Вообще-то я люблю чистоту (или правильнее сказать «любила»?), но сейчас мне как-то фиолетово. «Надо бы, что ли, убраться немножко», — эта мысль лениво проплывает где-то на краю сознания и облачком уходит за его пределы. Сейчас у меня другое занятие. Сейчас мне надо бинтовать грудь.

В одиночку это делать трудно, но яприноровилась. Это уже стало ритуалом — ежевечерним и ежевечерним. Мой организм не понимает, что ребенка нет. Он никак не хочет в это верить и исправно вырабатывает молоко. Я тоже не хочу в это верить. Поэтому мы вместе вырабатываем, а потом боремся с молочными реками. После первой ка-

Глава 3. ВЕЧЕР В ШОКОЛАДЕ

вроде приходило в норму, а потом вновь возвращалось на крути своим.

И приходилось опять покупать бинты и тую бинтовать грудь, аж не продохнуть. Вот я и хожу словно в корсете, как будто мне переломили хребет. Да что там «как будто», так оно и есть... Из глаз постоянно соленые слезы, а из груди молоко, и мне кажется, что это жизнь вытекает из меня по капле. А еще из-за кровопотери при родах и после них у меня очень низкий гемоглобин и анемия, от которой руки и ноги цепенеют и отнимаются, часто падает давление, вялость, и вечно хочется спать.

Ну вот, грудь забинтована туго-натянуто, не надо нам молока, слизи, организм? Ничего нам не надо, раз детища нет, и напоминающий о нем тоже не надо. Все, готово. Теперь я со своими притухшими от слез веками напоминаю себе печальную японку (они тоже грудь бинтуют, только для красоты!). А вся моя красота ушла вместе с нерожденным ребенком. Волосы вылезают, ногти ломаются, кожа бледная и вялая... Да, явно не мадам Баттерфляй.

Я вздыхаю, накидываю халат и ташусь на кухню.
Я открываю холодильник и озираю припасы. Нет, мне вовсе не хочется есть, аппетита нет. Мне хочется просто набить себя изнутри, все равно чем. Потому что во мне поселилась сосущая пустота, вселенский вакум, и его нужно постоянно заполнять.

Еда — прекрасный суррогат материнства. От нее живот раздувается и становится почти как у беременной, и в нем такая приятная тяжесть, словно ничего не было, и ты все еще на сносях. Слово-то какое красивое, весомое — «на сносях»... Готовить мне лень, поэтому холодильник забит полуфабрикатами — пельменями, колбасами, какой-то ерундой. Да, и еще мне все время хочется сладкого. Я килограммами покупаю и немилосердно жру шоколадные конфеты.

«Жрү» — грубое слово, но правильное, потому что я даже не замечаю их вкуса, просто механически логаю одну за другой. Повсюду валяются разноцветные фантики, смятые и жалкие, как мое несостоявшееся материнство.

Пока закипает вода для пельменей, я тупо жую конфеты. Потом пельмени. Потом снова конфеты. Запиваю все это кружкой кофе — он хоть как-то взвадривает. А, чуть не забыла принять лекарства — ладаюсь, запиваю, снова заедаю конфетами. Фф-ууу, кажется, все. Отяжелела и отвалилась. Все в шоколаде.

«Посуду бы помыть», — алапично думаю я, но нет, не сейчас, поглощая вазочку с печеньем и конфетами и перебираюсь в комната. Мне надо срочно включить телевизор, чтобы ничего не слышать. Глупый лучше диктор бубнит, чем голоса.

В моем доме тонкие стены, и мне прекрасно слышно, как в соседних квартирах вариат борши, воспитывают детей, да даже просто разговаривают. А тут, в моей берлоге, — полное молчания. Телефон ломашний я и вовсе выдернула из розетки, потому что на звонки отвечать не хочется. Особенно бывшим соседкам по палате. Парочка из них особенно назойливо звонит и звонит с жадными расспросами о подробностях моей «жизни после смерти» и восторженными рассказами о своем новорожденном младенце... Или они думают, что мне только и радости, что послушать о своих несбыившихся мечтах? То ли это просто беспакость, то ли умышленное вредительство. Ну как они не понимают, что не могу я сейчас о младенцах беседовать?? В общем, счастья им, но мне их не надо. Так что я — в телевизор.

Но и тут нет мне покоя. В сериалах то и дело кто-то теряет ребенка, находит ребенка, рожает ребенка, воспитывает ребенка, везде дети, дети, дети... В ток-шоу тоже то и дело возникает тема детей и родителей. Вот переслача о детях-индиго, а вот о детях-правонарушителях, а вот «Устами маленка», да что ж такое... Наконец, я включаю канал «Fashion-TV» и успокаиваюсь. Смотрю на тоших манекенши с холодными индифферентными лицами, с мрачной решимостью шагающих по подиуму, и расслабляюсь: уж они-то точно не думают о детях. По крайней мере, пока «в обоях». Они и дети несовместимы. Они не женщины — они движущиеся манекены.

Как и я... Поэтому можно просто смотреть. Я плаюсь на бесконечные молчаные колоколики, хрушу печеньем и стараюсь ни о чем не думать.

Звонит мобильный — кто это, интересно? Ага, моя двоюродная сестра. Отвечу.

Тогда, в первый раз, она меня буквально спасла — приехала, собравшись, силовым методом доставила на вокзал, отвезла в другой город, и я провела целый месяц в ее семье: она с мужем, трое ребятишек — двух, пяти и восьми лет, собака и кошка. Там меня никто не жалел, там было шумно, весело и бестолково, я возилась с ее детьми, помогала старшему делать уроки, играла с младшими, выгуливала собаку, а кошка приходила ко мне спать, и я как-то забылась, оттаяла, решила, что все еще впереди, я еще ОБЯЗАТЕЛЬНО рожу. Сейчас, когда это случилось снова, я не могу к ней ехать, хоть она и зовет, потому что она снова беременна, уже на девятом месяце, ей скоро рожать, и я этого просто не вынесу. Да и моя унылая физиономия в ее интересном положении тоже противопоказана: ведь недаром говорят, что горе зарано. Но поговорить с ней я не против.

Хотя где-то на периферии бьется гаденская мысль: «Ага, ты-то беременна, тебе-то хорошо, у тебя и так трое, и еще четвертый на подходе, а у меня ни одного, у меня вообще ничего не осталось, я одна во всей Вселенной...»

Мне сейчас кажется, что так оно и есть. Что я выброшена из теплого уютного кораблика в открытый космос, и мое заледеневшее тело медленно летит в никуда среди далеких равнодушных звезд. Почему, ну почему это случилось именно со мной? И почему уже аважды? Не знаю. И никто не знает. Врачи ничего внятного не сказали — просто на седьмом месяце беременности мой организм уже во второй раз избавляется от плода. Я не вынашиваю собственного ребенка. Или не выношу? Вот такая я невыносимая...

Мой муж тоже не вынес моей невыносимости. Если в первый раз все еще как-то устаканилось, то теперь — нет. Он подо сбежал, он меня предал, и нет ему прощения. Не хочу даже думать о нем. Все, он изгнан из моей памяти, как в песне: «Сотри его из памяти», и я стерла. Еще и эту

потерю переживать — меня просто не хватит. Я нервно закидываю в рот еще одну печеньишку — ведь чтобы не так переживать, можно пережевывать. И я жую, жую... Скоро спать, может, сегодня повезет, и я не буду помнить снов, а утром снова на работу, и все будет в шоколаде, ура...

А теперь скажите, хотите ли вы повторить мои ошибки: превратиться от жалости в разваренную лапшу или, стиснув зубы, держать все в себе, чтобы оно разрывало изнутри? Сидеть в оцепенении, тупить, есть без меры или же отказываться от пищи, расплываться в ширь или, наоборот, усыхать до размеров мумии, молча гонять невеселые мысли, плохо спать по ночам и от всего этого медленно, но неуклонно разрушаться? Я не буду смягчать выражения и скажу то, что думаю: это — один из способов самоубийства, только в медленном варианте. Рано или поздно сбылась бы моя тайная мечта: я отправилась бы следом за своими нерожденными детками, если бы не Анечка, мой добрый гений. Я еще расскажу о ней.

Вообще есть две ужасные ошибки: первая — это делиться произошедшим со всеми подряд, без разбора, вторая — держать все в себе. В первом случае есть опасность превратиться в профессиональную жертву и окончательно раскваситься, во втором — свихнуться ими заболеть. Делиться надо! Но с теми, кто не просто похает и поплачет вместе с тобой, а сможет оказать реальную помощь. Для одних это может быть муж, для других — родные, для кого-то — подруга, имеющая схожий опыт, священник в храме или другой компетентный человек, но все-таки лучше пусть это будет специалист. Он либо незаинтересованное и не будет вас ни жалеть, ни осуждать — он просто встряхнет вас, поможет вам увидеть, куда и как двигаться. К специалистам в данной ситуации можно отнести некоторых врачей, психологов и просто мудрых людей. Ищите их — через знакомых, в Интернете, на форумах, в психологических центрах и центрах материнства. Возможно, такие есть и в некоторых больницах, но далеко не везде. Мне с этим, можно сказать, повезло, но далеко не сразу.

Глава 4.

ОБРЕСТИ ОПОРУ

— А что еще?

— Оглянись-ка вокруг и расскажи, что ты видишь. Обстановка, интерьер и все такое.

Вечером я зачитываю Злой Сказочнице свое эссе про «жизнь в

шоколаде». Читаю — и сама ужасаюсь: вот это все — обо мне?

— Похоже, я ем, чтобы не думать, — рассуждаю я. — И еще — чтобы все время чувствовать тяжесть в животе. Тогда можно полумать, что ничего и не случилось.

— А еще можно носить платья для беременных, — подсказывает она. — Ну, уж для полной иллюзии. Тем более что габариты распологают...

Я бурчу что-то невнятное в ответ. Крыть нечем: все так и есть. Фигура расплылась, для работы есть мешковатое платье-колокол, а дома могу напялить только трикотажные треники или комбинезон для беременных. Но его — тяжело, сразу воспоминания о несостоявшемся материнстве одолевают, так что я его только на улицу надеваю.

— Можешь продолжать в том же духе, — разрешает Сказочница. — Только имей в виду: пока твой организм считает себя «немножечко беременным», у него нет шансов подготовиться к нормальной беременности и даже просто качественно восстановиться.

— А что делать? — уныло спрашиваю я.

— Принять реальность. Да, ты больше не беремена. Но ты молода, здорова — а ты здорова! — и в будущем намерена родить ребенка.

Поэтому чем скорее ты расстанешься со своими «засущенными цветами из прошлого», тем скорее подготовишь плацдарм для будущего.

— Ладно, завтра отдам кому-нибудь комбинезон, — вяло обещаю я. — И займусь своим гардеробом. Ну и фигурой, конечно.

— И это правильно, — поддерживает меня Сказочница. — Но это не все.

Я отрываюсь от экрана и честно озираюсь, и открывшаяся картина мне не нравится. Словно с меня черные очки сняли, и я вижу, во что превратилась моя квартира. Веши разбросаны, повсюду пылиша, разруха и запустение. И фантики, фантики...

— Скажи, если бы ты была ребенком, ожидающим воплощения, тебе было бы приятно попасть в этот «райский уголок»?

О господи, о чём это она?? Не знаю, существует ли ад, но вот его финал сейчас у меня дома, это точно...

— Я поняла! — покаянно говорю я. — Можно, я не буду рассказывать? Можно, я лучше делом займусь? Нужен тайм-аут до послезавтра, чтобы произвести некоторую реконструкцию «райского уголка». А то он, если честно, не особенно райский. Только откуда вы могли это знать?

— Нетрудно догадаться, — смеется она. — Хорошо, тайм-аут принят. Хватит себя жалеть! Мир своей пожалей... А то представь, какую ауру ты вокруг себя распространяешь. И вот еще что. Руки у тебя будут заняты, а голова свободна. Так что во время трудов праведных подумай, какую пользу можно извлечь из твоей ситуации.

— Пользу? Да какая же от нее может быть польза?? — не верю я.

— Может. И есть. Все, что с нами случается, происходит для нашей пользы, только она не всегда видна на первый взгляд. Это твое домашнее задание. Имей в виду, спрошу по всей строгости. В общем, прояви смекалку!

Все выходные я истово занимаюсь уборкой. Чишу, мою, гляжу, выbrasываю. Мне тяжело: мешает животик, образовавшийся от слишком тесной дружбы с холодильником, но я стараюсь обходиться без швабры. Действительно, хватит себя жалеть, пора позаботиться об окружающем пространстве и поправить его ауру. Кстати, занявшиеся делом, я перестаю постоянно жевать. У меня появилась конкретная

цель, а это как маячок и ориентир. Кроме того, я думал над домашним заданием. Кручу и так, и эдак — ишу неведомую (и для меня весьма сомнительную!) пользу.

Ставые себе конкретные цели — они заполняют голову, вытесняя тягостные воспоминания. Говорил же кто-то: «Сон разума рождает чудовищ». А разум нуждается в конкретных и выполнимых задачах, и уборка была как раз таковой.

К вечеру воскресенья мой мир упорядочился и сиял новенькой, чистенькой аурой. Во всяком случае, мне было приятно так считать. Да и я сама чувствовала себя более и здоровее. Появилась энергия (странны — ведь должна была устать!).

— Это от того, что застой кончился, — объяснила мне Сказочница, когда мы снова вышли на связь. — Во время любых неприятностей главное — побольше двигаться, не давать негативным энергиям застrevать. И тебе полеза, и миру хорошо.

— Да, мне и самой как-то получше стало, — подтверждала я. — На душе посвежело — что да, то да. Даже не представляю, как я могла жить во всем этом бардаке.

— Бардак в душе немедленно отражается на физическом плане, — говорит она. — Неважно, где ты начнешь наводить порядок — там или тут, все равно одно потянется за другим.

— Это точно, в голове прояснилось, — киваю я. — Вроде бы как ориентиры появились.

— Это хорошо. Есть ориентиры — есть целенаправленное движение. А как с домашним заданием? Получилось найти пользу?

— Получилось, — не без гордости объявляю я. — Сейчас расскажу...

Смекалку я проявила. Дело в том, что я никак не смогла найти в потере ребенка пользу для себя. Видимо, это было выше моих сил. Для вдохновения я решила выйти в Интернет, полазить по сайтам, может, наведет на нужную мысль. И вскоре на меня снизошло озарение, да какое!

— Я тут углубилась в тему и вот что выяснила, — начала докладывать я. — Я уже говорила, что самое тяжелое — это время в больнице, когда я была одна-единешенка, а отношение персонала — или словно ты пустое место, или сугубо официальное, без сантиментов. И муж самоустранился. Я думала, это только у меня так — оказывается, нет. Очень многие с этим сталкиваются. Тогда, когда я пришла в себя, оклемалась после первого раза, я задавала этот вопрос врачам — почему женщины бросают один на один с бедой? И знаете, что мне ответили? Мнение врачей — да пусть «варится» сама. Прямо так и сказали, открытым текстом: «Ведь ей же надо дать время побывать одной, отплакать свое. Да и для этого подруги есть и мужья». А я говорю: «А как же быть тем, кого мужья не поддерживают или их просто нет?» А они: «Ну тогда им еще и с проблемой семейных отношений надо идти к психологу или самой работать с этим». Вот так...

— Да, это бывает, — соглашается Сказочница. — И что?

— А то, что в роддомах, как выяснилось, с психологией тупо. То есть психологи, конечно, есть — один-то точно, а кое-где и два, но в наше отделение психолог не заглядывал. Я узнавала потом, почему, пыталась доскакаться, понять. Оказывается, не существует какой-нибудь разработанной единой программы поддержки женщин, потерявших ребенка. Штатные психологи в основном занимаются подготовкой беременных к родам и материнству, я тоже на такие занятия ходила. Но вот случилось со мной несчастье — и где они, психологи эти? А отношение врачей... Они, конечно, лечат, но вот в смысле душевности — глухо. То есть это не лично ко мне невнимательно отнеслись — это вообще обычное явление! А от этого с ума можно сойти, между прочим, особенно в первые дни.

— Получается, выживает сильнейший? — задает вопрос она.

— Получается, так. Но это неправильно! Этого не должно быть! — Да-да-да? — с интересом спрашивает она. — То есть именно ты знаешь, как правильно и это должно быть на самом деле? Ты у нас кто, господь бог или министр здравоохранения?

Я уже начинаю привыкать к ее манере говорить колкости и задавать подначивающие вопросы. Поэтому не обижайся и отвечаю твердо:

— Не то и не другое. Но я — та, которая дважды прошла через этот кошмар потери и одиночества. И в этом я пока что нашла только одну пользу: я могу пройти через этот опыт, выбраться и помочь другим. Это и есть позитивный смысл моей ситуации.

— Ага! Домашнее задание, стало быть... Ну что ж, молодец. Такая цель заслуживает уважения. А как ты будешь помогать? Ходить по родом и вести душеспасительные беседы?

— Да нет, меня на всех не хватит. Да и не пустит меня никто: туда и родных не пускают, не то что чужих. Я вот подумала — может, клуб создать?

— Ну что же, и клуб — хорошо. Вот вытишется женщина, и сразу начнет клуб искать. Ты же так и делала?

— Нет... Я не так. Мне и в голову не приходило про клубы. Первое время тяжело, больно и выходить никуда не хочется.

— Наверное, не одной тебе. Значит, клуб отпадает?

— Да нет, пусть будет. Но он на потом. Вот я читала, что раньше моишки ходили по госпиталям, поддерживали тяжелобольных. Разговаривали, объясняли, книги читали. Это было бы хорошо...

— Да! Осталось к каждому роддому пристегнуть по шеффскому монастырю. А ты — в роли матери Терезы, координатора и вдохновителя.

— Не смейтесь, — сердито прошу я. — Конечно, никакая мать Тереза из меня не получится, и к монастырям я никакого отношения не имею.

Я просто считаю, что это был бы выход, если каждой женщине дать понимающего, чуткого собеседника, который поймет, поддержит, не будет осуждать и сможет многое объяснить. Желательно круглогодично.

— Ну-ну! И кто бы это мог быть?

— Не «кто», а «что»! — торжествующе говорю я. — В том-то и заключается моя идея, что это будет не конкретный человек. Я подумала о книге!

Она молчит, и я торопливо объясняю свою идею:

— Книги в роддомах разрешены. Читать можно даже лежа. Если в книге будут ответы на вопросы, полезные советы, может быть, даже какие-то несложные задания, это и отвлечет, и займет время, и вправит мозги. По крайней мере, женщина уже не будет чувствовать себя такой одинокой. Осталось только такую книгу написать и найти издателя, но это вопрос решаемый, и я готова за это взяться. Если уже все это со мной случилось, так пусть хоть другим польза будет. Вот это и есть ответ на ваше домашнее задание. Ну как, зачтено?

— Еще как зачтено, — говорит она, и в ее голосе я даже слышу уважение. — Генеральная уборка явно пошла на пользу. Голова у тебя варит!

— Уже варит, — соглашаюсь я. — У меня вообще впечатление, что я начала выбираться из болота и уже нашугала твердую почву под ногами.

— Так и есть, — подтверждает Сказочница. — Ты нашла-таки полезный момент в твоей истории и поставила себе четкую конкретную цель, а это всегда дает опору. Причем чем грандиознее цель, тем тверже опора.

Ее слова меня воодушевляют. Нет, мое горе не отступило, не ушло, но в нем появился какой-то высший смысл. Ну, я стала думать, что все не напрасно! И тут, набравшись храбрости, я говорю ей:

— Я умею работать, я трудолюбивая, я хороший организатор, я наблюдательная, и грамотность у меня на уровне, но у меня нет опыта в написании книг. Вы мне поможете? Вы будете руководить мной?

— А что же я, по-твоему, делаю? — удивляется она. — Не бойся, девочка. Ты не одна. Все получится! И хватит болтовни, давай-ка трудиться.

Глава 5. О ЖАЛОСТИ И НЕ ТОЛЬКО

«Жизнь в шоколаде» для меня кончилась — начались трудовые будни. Меня это нескованно радует. Мысли в голове перестали скакать по замкнутому кругу и приняли совершенно конкретное направление.

У меня есть цель: написать книгу для тех, кто пережил то же, что и я. И хотя я не знакома с ними лично, они для меня сейчас как сестры, как подруги, даже, можно сказать, часть меня.

Теперь я знаю точно: чтобы выбраться из пучины отчаяния, нужна хоть какая-то зацепка за внешний мир. После того как с вами случилась такая потеря, вы, скорее всего, ощущаете себя никчемной и ненужной. Со мной так и произошло: я потеряла и ребенка, и мужа, и надежду, и себя заодно.

Знаете, как я спасалась в роддоме? Как только смогла вставать и ходить, помогала тем, кому было еще хуже. Помочь умыться, наливать воды, просто подержать за руку и утереть слезы. Это отвлекало, и сейчас я думаю, что с этого начался обратный отсчет, возвращение к жизни. ПОМОГАЯ ДРУГИМ, ПОМОГАЕШЬ СЕБЕ. Всегда. Может быть, начинаешь ощущать собственную нужность? Во всяком случае, это один из способов выжить, доступных в условиях роддома.

А вот когда я придумала себе высокую цель — книгу, я по-настоящему поняла, что я нужна, и опыт мой тоже нужен, потому что обязательно кому-нибудь пригодится. Это зацепка, и она меня спасает, потому что я вижу цель.

— Вы как будто зажгли для меня свечу, — говорю я Злой Сказочнице. — Тьма вроде бы начинает рассеиваться. Странно... ведь ничего не изменилось!

— Изменилась ты, — говорит мне она. — Пока немного, совсем чуть-чуть, но процесс запущен и будет набирать силу.

— Я готова двигаться, — с энтузиазмом говорю я. О, Господи,ожается, во мне просыпается интерес к жизни! — Я хочу поскорее приступить к книге. Руководите мной, пожалуйста!

— Хорошо. Давай для начала определимся с целью. Что мы хотим получить в результате? Как по-твоему, в чем больше всего нуждается женщина, которая только что потеряла ребенка? Чтобы пожалели? Встряхнули? Объяснили? Отстали? Что мы должны ей дать?

Я думаю недолго, все эти мысли я уже передумала на сто рядов.

— Да, я уже размышляла над этим. Если одним словом, то цель книги: ДАТЬ НАДЕЖДУ! Это именно то, что теряется при такой ситуации. Если же подробнее, то сразу после этого хотелось только плакать, а в таком состоянии читать сложно. А вот когда ты немного приходишь в себя, то понимаешь, что тебе жить дальше, но не знаешь КАК. Планы-то были совсем другие... От окружающих в первую очередь, конечно, хочется разбора ситуации, чтобы просто ее понять. Потом начинаешь искать виноватых: себя, врачей, мужа, кармическое проклятие — да что угодно может быть, или даже все сразу: недогляди, недодумали, плохо заботились (и сама в том числе). Принять такую ситуацию очень ведь тяжело...

«Объяснили» — это, пожалуй, нужно поставить на первое место.

«Пожалели» — да, но не всякими словами это можно сделать.

«Встряхнули» — тоже да, но не сразу, надо отплакаться и собраться с мыслями и силами.

««Вообще отстали» — это вряд ли.. Одной еще труднее пережить все это.

В общем, главное — понять, что произошло, почему и что теперь с этим делать.

— Что ж, именно этим мы и займемся. Рассказывай.

— Что? В смысле, о чем рассказывать?

— Что считаешь нужным.

— Я не знаю, с чего начать.

— Ну хоть про жалость, например. Как это коснулось тебя?

Как коснулось... Я прошла и через жалость, и через отстранение, и оба этих варианта, как оказалось, неконструктивны. Думаю, стоит об этом рассказать, чтобы кто-то другой мог миновать эти ловушки. У меня это было так...

* * *

На работу я прихожу вовремя, как всегда, подтянутая, собранная, причесанная, с легким макияжем. Конечно, следы ночных блений до конца ликвидировать не удается, но в целом очень даже ничего. Можно даже подумать, что это женщина, утомленная после «безумной ночи», только вот «безумие» совершенно не связано с любовными переживаниями и счастья уж никак не приносит.

Это ночь, во сне, я не могу противиться эмоциям и поневоле погружаясь в кошмары с продолжением. Днем же я стараюсь контролировать ситуацию и растпускаться себе не позволяю. Никаких жалостливых глаз, охов и ахов, всех сочувствующих — за сто первый километр. Попытки вторжения в личную жизнь — решительно пресекать прямо на корню. После первого раза мне пришлось сменить работу, и повторения я не хочу. Это я сейчас, после второй катастрофы, стала такая умная, а два года назад, когда я потеряла своего первого ребенка, опыта у меня еще не было, и я охотно позволяла себе многократно обсасывать эту историю со всеми, кому не лень послушать. Не лень было многим, и недостатка в жаждущих проявить участие я не испытывала. Меня выслушивали, выспрашивали, гладили по плечику, обнимали, давали добрые советы, рассказывали похожие истории, даже плакали порою вместе со мной, и это было очень, очень сладостно. Еще бы: меня понимают, мне сострадают, мне помогают... Но это была такая ловушка! Она меня чуть не убила, и я расскажу как.

46

Девочка моя дорогая! Никогда, ни по какому поводу не разрешай себя **ЖАЛЕТЬ!** Это засасывает похлеще «черной дыры». По

моему опыту, сначала это ощущается как нескончаемый поток любви от разных людей, в которой после всего прошедшего просто купаешься, вскоре начинаешь уливаться собственной исключительностью, потом возникает потребность играть на этих тонких струнках души вновь и вновь, и так незаметно, исподволь формируется привычка быть несчастной. Еще бы, когда ты вся такая несчастная, так хорошо, столько внимания и тепла получаешь! Но через какое-то время людям надоедает «вариться» в твоей проблеме, они переключаются на что-то другое, и это становится страшным ударом для тебя. Ты-то уже привыкла быть в центре внимания и подпитываться от них, а тут тебя — ррраз! — и отключили от источника энергии. И остаешься ты одиночка, а ситуация твоя, между прочим, никуда за это время не делилась. И вот тут-то начинаются настоящие проблемы.

Ты в растерянности. Ты обижена. У тебя возникают претензии к тем, кто еще недавно поил тебя чаем, выслушивал твои стенания и подсовывал одноразовые платочки. Они начинают казаться тебе чуть ли не врагами. И вообще — весь мир почему-то кажется враждебным. Тебе мнится, что все вокруг счастливы не по праву, а ты так жестоко обделена, потому что каждый украл у тебя по кусочку счастья. Твоя привычка быть несчастной уже вполне укоренилась, она требует постоянной подпитки, а таковой больше нет... И тогда наваливается невероятное, неизмеримое, космическое одиночество. Сосущая пустота, от которой нет спасения. И сама ты офтальмально пустая, как старая смятая картонная коробка, которой прямой путь на помойку.

А тут еще дети. Ты вдруг осознаешь, что кругом множество счастливых родителей, выгуливающих своих отпрысков, катящих коляски с мелюзой, покупающих игрушки в «Мире Детства», смеющихся и довольных своим родительским статусом. Они встречаются в каких-то клубах, общаются на сайтах, обсуждают достоинства разных брендов

47

детского питания и памперсов, выбирают подходящий детский сад, рассказывают, что сегодня научился делать их малыши. И ты могла бы быть в их компании, но вот не стала, не срослось. Твой ребенок умер — а их жив, и поэтому ты им завидуешь черной жучкой завистью. И не надо горячо уверять меня, что это не так, — я сама прошла через это и все знаю. И я тебе скажу: обижаются, сетуют, завидуют, предъявляют претензии слабые. Сильные ищут выход. Но где найти силы — вот вопрос. Впрочем, об этом речь впереди.

Так вот: ничто так не ослабляет, как жалость. Как чужая, так и собственная. Не начнешь жалеть себя — и тебе не придется долго и тщетно выгребаться из апатии и депрессии. Имей в виду: жалость высосет все силы и соки, поэтому выбирай.

Я объясню, почему так происходит. Я поняла, что когда ты по зволяешь себе жалеть — значит, ушла в позицию ребенка. «Я маленькая, я бедненькая, я жертва рокового стечения обстоятельств, от меня ничего не зависит, я не хотела, так получилось, я виновата, но Я НЕ ВИНОВАТА!!! Я и так судьбой наказана, ПОЖАЛЕЙ МЕНЯ, бедную-разнечастную!!!»

Но ты не ребенок, нет, и возиться бесконечно с тобой никто не будет. Ты уже давно взрослая тетя, которая даже умудрилась забеременеть, а может, и родить, и уровень социальной ответственности у тебя другой. Значит, и спрашивать судьба с тебя будет по-взрослому, как бы ты ни притворялась Бедной Сироткой. Так что выход один: искать выход.

Это тот урок, который я вынесла из своего первого опыта, и теперь я зорко слежу, чтобы Тетушка Жалость не проникла в мою жизнь. Поэтому я на все вопросы сдержанно улыбаюсь и сразу перевожу разговор на другую тему. Через три-четыре дня такой политики доброты отстают и переключаются на что-нибудь другое.

И вот только один вопрос не дает мне покоя: ПОЧЕМУ ЖЕ МНЕ НЕ ЛЕГЧЕ???

Теперь я уже знаю ответ. Я совершила ошибку, попав в ловушку «**ОТСТАНЬТЕ ОТ МЕНЯ**».

Дело в том, что не стоит расслабляться в жалости, но нельзя и на- прягаться в самоизоляции! Истина, как обычно, лежит посередине.

Заняв позицию «отстаньте от меня», я автоматически отвергла саму мысль о помощи извне. Я создала себе невидимую стену, которая отсекла меня от другого мира. В «большом мире» продолжала кипеть жизнь, там случались разные события, постоянно происходило движение. В моей же «индивидуальной капсуле» время словно остановилось, замкнулось само на себя, и я раз за разом гоняла по кругу одни и те же мысли. Горю просто некуда было излиться, и я в нем чуть не утонула.

У вас должна быть какая-то отдушина. НЕЛЬЗЯ ДЕРЖАТЬ ГОРЕ В СЕБЕ! Его надо проговаривать. Нет собеседника — проговаривайте себе, зеркалу, дереву за окном. Можно и прописывать — если есть на чем писать. Если есть доступ к Интернету — наберите в поиске «я потеряла ребенка», и вы увидите множество сайтов, блогов, форумов, где вы можете рассказать свою историю. Там вас выслушают, поддержат, посоветуют что-то полезное. Если хочется плакать — плачьте. Слезы — это жилые эмоции, с ними будет постепенно утекать и ваша боль. Горе есть, оно уже случилось, и глупо его отрицать — его надо активно пережить. И вы не попадетесь в ловушку жалости, если поставите себе цель: ОСОЗНАННО ПЕРЕЖИТЬ ПОТЕРЮ — И ОТПУСТИТЬ.

Глава 6. ШКОЛА ЖИЗНИ

по своим бытовым проблемам. В общем, это была никакая не встряска, а совершенно обычная жизнь обычной семьи, и я просто незаметно втянулась, стала вести себя «по образу и подобию».

— Итак, с двумя потребностями — «пожалейте меня» и «отстаньте все» — мы разобрались и теперь знаем, что это не более чем ловушки, — говорит мне Сказочница. — Остались еще две — чтобы «встряхнуть» и «объяснили». Ну, про «объяснили» мы позже поговорим. А вот про «встряхнули» стоит обсудить. Что, например, для тебя явилось бы встряской?

— Ну, понимаете... Смерть ребенка — это сама по себе большая встряска. Как страшная катастрофа. А после нее попадаешь в кому, когда происходит замирание и отупение. А если встряхнуть, заставит жить, двигаться — кома закончится.

— Застаааавить? — с сомнением тянет она. — По-моему, заставить человека что-то делать против его желания не есть хорошо, да и вообще — маловероятно. Но может, я ошибаюсь, и ты поведаешь мне что-нибудь новенькое про искусственные встряски?

— Я попробую объяснить, — соглашаюсь я.

И я опять начинаю анализировать свой опыт — горький, грустный, неоцененный опыт женщины, дважды прошедшей через такую вот драматичную бременность.

..Если бы не сестра, не «канкиуль» в ее доме, среди многочисленного разношерстного семейства, я бы просто не выжила. Но можно ли считать это встряской? Пожалуй, нет. Никто меня за грудки не хватал, на буксир не цеплял и на новую орбиту не выталкивал. Скорее, меня просто взяли и переместили в пространство любви. И не лезя ко мне с расспросами, с разговорами о произошедшем — наоборот занимали мое время какими-то сиюминутными делами, советовались

— Итак, с двумя потребностями — «пожалейте меня» и «отстаньте все» — мы разобрались и теперь знаем, что это не более чем ловушки, — говорит мне Сказочница. — Остались еще две — чтобы «встряхнуть» и «объяснили». Ну, про «объяснили» мы позже поговорим. А вот про «встряхнули» стоит обсудить. Что, например, для тебя явилось бы встряской?

— Ну, понимаете... Смерть ребенка — это сама по себе большая встряска. Как страшная катастрофа. А после нее попадаешь в кому, когда происходит замирание и отупение. А если встряхнуть, заставит жить, двигаться — кома закончится.

— Застаааавить? — с сомнением тянет она. — По-моему, заставить человека что-то делать против его желания не есть хорошо, да и вообще — маловероятно. Но может, я ошибаюсь, и ты поведаешь мне что-нибудь новенькое про искусственные встряски?

— Я попробую объяснить, — соглашаюсь я.

И я опять начинаю анализировать свой опыт — горький, грустный, неоцененный опыт женщины, дважды прошедшей через такую вот драматичную бременность.

..Если бы не сестра, не «канкиуль» в ее доме, среди многочисленного разношерстного семейства, я бы просто не выжила. Но можно ли считать это встряской? Пожалуй, нет. Никто меня за грудки не хватал, на буксир не цеплял и на новую орбиту не выталкивал. Скорее, меня просто взяли и переместили в пространство любви. И не лезя ко мне с расспросами, с разговорами о произошедшем — наоборот занимали мое время какими-то сиюминутными делами, советовались

— Итак, с двумя потребностями — «пожалейте меня» и «отстаньте все» — мы разобрались и теперь знаем, что это не более чем ловушки, — говорит мне Сказочница. — Остались еще две — чтобы «встряхнуть» и «объяснили». Ну, про «объяснили» мы позже поговорим. А вот про «встряхнули» стоит обсудить. Что, например, для тебя явилось бы встряской?

— Ну, понимаете... Смерть ребенка — это сама по себе большая встряска. Как страшная катастрофа. А после нее попадаешь в кому, когда происходит замирание и отупение. А если встряхнуть, заставит жить, двигаться — кома закончится.

— Застаааавить? — с сомнением тянет она. — По-моему, заставить человека что-то делать против его желания не есть хорошо, да и вообще — маловероятно. Но может, я ошибаюсь, и ты поведаешь мне что-нибудь новенькое про искусственные встряски?

— Я попробую объяснить, — соглашаюсь я.

И я опять начинаю анализировать свой опыт — горький, грустный, неоцененный опыт женщины, дважды прошедшей через такую вот драматичную бременность.

..Если бы не сестра, не «канкиуль» в ее доме, среди многочисленного разношерстного семейства, я бы просто не выжила. Но можно ли считать это встряской? Пожалуй, нет. Никто меня за грудки не хватал, на буксир не цеплял и на новую орбиту не выталкивал. Скорее, меня просто взяли и переместили в пространство любви. И не лезя ко мне с расспросами, с разговорами о произошедшем — наоборот занимали мое время какими-то сиюминутными делами, советовались

— Итак, с двумя потребностями — «пожалейте меня» и «отстаньте все» — мы разобрались и теперь знаем, что это не более чем ловушки, — говорит мне Сказочница. — Остались еще две — чтобы «встряхнуть» и «объяснили». Ну, про «объяснили» мы позже поговорим. А вот про «встряхнули» стоит обсудить. Что, например, для тебя явилось бы встряской?

— Ну, понимаете... Смерть ребенка — это сама по себе большая встряска. Как страшная катастрофа. А после нее попадаешь в кому, когда происходит замирание и отупение. А если встряхнуть, заставит жить, двигаться — кома закончится.

— Застаааавить? — с сомнением тянет она. — По-моему, заставить человека что-то делать против его желания не есть хорошо, да и вообще — маловероятно. Но может, я ошибаюсь, и ты поведаешь мне что-нибудь новенькое про искусственные встряски?

— Я попробую объяснить, — соглашаюсь я.

И я опять начинаю анализировать свой опыт — горький, грустный, неоцененный опыт женщины, дважды прошедшей через такую вот драматичную бременность.

..Если бы не сестра, не «канкиуль» в ее доме, среди многочисленного разношерстного семейства, я бы просто не выжила. Но можно ли считать это встряской? Пожалуй, нет. Никто меня за грудки не хватал, на буксир не цеплял и на новую орбиту не выталкивал. Скорее, меня просто взяли и переместили в пространство любви. И не лезя ко мне с расспросами, с разговорами о произошедшем — наоборот занимали мое время какими-то сиюминутными делами, советовались

— Да. Но как это относится к моим словам?

— В первый раз тебе помогали, но ты мало чему научилась. И пытаешься мне возражать, я верю, что ты старалась. Но «стараться» еще значит «достичь». Судить о стараниях всегда следует по результату и если тебе тот же экзамен пришлось пересдавать, причем опять неудачно, — значит, урок не выучен. Ничего ты не вынесла из первого неуспеха. Именно поэтому в следующий раз условия более жесткие и помощников-консультантов рядом уже нет. Значит, должна сама.

— Жестоко, — замечаю я.

— А жизнь вообще штука жесткая, — отвечает она. — Имть учишься как следует и получаешь от нее подарки, поощрительные премии и почетные грамоты, или... сама понимаешь. Так уж устроено.

— Но тогда выводят, что повторение той же ситуации — это есть «встряска»? — варуг догадывается я.

— Да, — безжалостно рубит она. — И такие встряски будут все более жесткими, пока не взьмешься за ум и не выучишь как следует свой урок.

— Но какой? В чем он заключается? — недоумеваю я.

— «Какой» и «в чем заключается» — это нужно определить тебе самой. Я готова поучаствовать и оказать помощь. Но вот учить должна ты сама.

— Я понимаю, и я готова. Но вот почему из-за моих невыученных уроков должен страдать ни в чем не повинный ребенок?

— А с чего ты взяла, что он страдал?

— Ну как «с чего»?? Он же хотел родиться — и не родился.

— Он совершил именно то, что намеревался. Всё это был и его урок.

— Намеревался? Он намеревался умереть, не родившись? Нет такого быть не может! Все хотят жить! А он умер во мне, его больше нет и никогда не будет!

— Ну, если тебе нравится так думать...

— Мне не нравится так думать! Но это же факт!

— Да ну? — усмехается она. — Если уж говорить о фактах, то мы имеем вот что: некая душа попросила тебя построить тело, чтобы воплотиться на земле. Но потом почему-то передумала. Душа отказалась от своего намерения, тело за ненадобностью разрушилось. Все.

— Нет. Такого не может быть. Это как-то... цинично, что ли.

— По-моему, гораздо более цинично отожествлять бренное тело и бессмертную душу. Тело умирает, душа — никогда. Она просто возвращается туда, где ей надлежит находиться до воплощения, чтобы положить благоприятных обстоятельств и попробовать еще раз.

— Значит... вы хотите сказать, что я не смогла создать эти самые «благоприятные обстоятельства»?

— Возможно, и так. А ты считаешь, что в твоем случае они были благоприятными?

Я задумалась. Вопрос оказался сложный такой, неоднозначный. Хотелось бы, конечно, сказать, что «да», но...

— Были ли они благоприятными? Нет, это вряд ли. По крайней мере, во второй раз — точно. Да и в первый... Мой муж... ох, это большая тема. Не хочу я о муже.

— А придется. И не только о муже. О своем отношении к людям, к мужчинам, к миру, наконец! И уж тем более — обо всех своих «больных» темах. Потому что если ты твердо намерена изменить ситуацию, для начала надо ее изучить. Имея в виду, сейчас ты принимаешь на себя ответственность за собственное будущее.

— Опять подготовка к экзамену? — напряженно пошутила я. — Меня уже заранее трясет...

— Ты хотела встряску? Ну так ты ее получила. А теперь — домашнее задание. Составь список вопросов, которые мучают тебя и требуют ответа. В следующий раз с этого и начнем.

— Хорошо, понятно, — киваю я. — Пашла формулировать.

И правда, хватит на сегодня шокирующей информации. «Не сдавай Экзамены», «неблагоприятные условия», «душа раздумала воплощаться», «Школа Жизни». Выходит, это моя вина, что мой ребенок разумеет рождаться? Или не моя? Ладно, не буду гадать.

Да, теперь я знаю, что такое «встряхнуться». Это когда ты вдруг понимаешь, полностью осознаешь, что твоё прошлое, которое казалось тебе таким безоблачным и вполне симпатичным, безнадежно разрушено, впереди — полная неизвестность, а ответственность за твоё будущее лежит исключительно на тебе.

Над списком вопросов мне долго пытаться не пришлось. Это потому, что я уже себе не раз их задавала. Я думаю, что вопросы будут примерно одинаковыми у всех, кто не сумел родить ребенка или у которого ребенок умер, едва успев родиться. У меня получился примерно вот такой список:

ВОПРОСЫ РАСТЕРЯННОЙ ЖЕНЩИНЫ

1. Почему это случилось?
2. Неужели это снова повторится?
3. Это моя вина? Это я не справилась, не смогла, не уберегла?
4. Это наказание за какие-то мои грехи? Или не моя? Или не наказание?
5. Оплакивать нерожденного ребенка или нет? Он ангел? Это все-таки уже ребенок или еще не совсем?
6. Почему врачи такие черствые и грубые? Как найти хорошего врача?
7. Как после этого верить в хорошее?
8. Как мне теперь вообще жить?

Если у вас есть какие-то свои вопросы, просто добавьте их к этому списку. Возможно, ответы на них найдутся в этой книге. Но если и нет — уверена, в самом скором времени вы получите эти ответы, может быть из самых неожиданных источников (например, во сне).

А пока я пересыпаю Злой Сказочнице весь список оптом и жду ее вердикта.

В самом скором времени мы снова на связи, и я трепетно предвкушаю, что сейчас, вот сейчас прозвучат откровения, она мне разъяснит

Глава 7 ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

и я все пойму, и будет мне счастье. Ага, как бы не так. Первым делом она уточняет:

— И кому эти вопросы адресованы?

— Сейчас — вам, — говорю я. — Вы же мудрый человек, вы, на верное, все знаете...

— Ну конечно! — с энтузиазмом всплескивает руками она. — Разумеется, я знаю, ведь все очень просто. Итак, слушай и записывай.

— Ага, пишу, — радостно хваталось за ручку я. Размеренный голос начинает диктовать:

Почему это случилось? — Не «почему», а «зачем».

Неужели это снова повторится? — Может, да. А может, и нет. Это твоя вина? Это ты не справилась, не смогла, не уберегла? — Если тебе нравится так думать — конечно, да. Если не нравится — то НЕТ. Это наказание за какие-то твои грехи? Или не твои? Или не на казание? — А что ты такого ужасного совершила? И кто бы мог тебе наказать?

Оплакивать нерожденного ребенка или нет? Он ангел? Это все таки уже ребенок или еще не совсем? — Это решать тебе.

Почему врачи такие черствые и грубые? Как найти хорошего врача? — Подумай, почему ИМЕННО ТЕБЕ попадаются такие черствые и грубые врачи. Может, это просто твои отражения?

Как после этого верить в хорошее? — Если верила до этого, помнится и после. А если не верила — может, самое время начать?

Как мне теперь вообще жить? — Осознанно и с благодарностью

* * *

— Ну как, довольна? — спрашивает она.

Я вовсе не довольна. Я в недоумении смотрю на свои записи и ощущаю глубокое разочарование. Это же совсем не то, чего я ждала!

— Похоже, разочарована? — ласково спрашивает меня Злая Сказочница.

— Да нет, спасибо вам огромное. Вы мне очень помогли. Мне просто надо над этим подумать... — вяло реагирую я.

— А вот и врешь! — радостно уличает меня она. — Плачи поникли, лобик наморщился, глаза прищешь и явно расстроилась. Или я не права?

— Да, — с некоторым усилием признаюсь я. — Я ждала ясных ответов, но для меня ничего не прояснилось... И мне по-прежнему ничего не понятно.

— И что ты сейчас ощущаешь? Только честно!

Я прислушалась к своим ощущениям и покинлась. Ну, если честно... лагала определенные надежды...

— А вот теперь советую сделать заметку на память. Все разочарования происходят, когда мы возлагаем ожидания и перекладываем ответственность на кого-то другого. Так что ты или уж не перекладывай, или уж не ожидал.

— Выходит, никому не стоит доверять?

— Ну отчего же? Доверять можно и нужно, но с учетом того, что никто не разберется в твоих проблемах лучше, чем ты. Любой другой — муж, мама, врач, психолог, сказочница — могут только помочь тебе в этом, но работу должна проделать ты сама.

— Это значит, что мне придется самой искать ответы?

— Да. И я тебя уверяю: каждый раз, найдя ответ, ты будешь получать много радости. И еще — каждый раз в тебе будет чуть больше веры и надежды. Потому что ты преодолела очередной барьер и смогла лучше подготовиться к экзамену, потому что узнала чуть больше.

Так что сейчас давай-ка ты поработаешь со своим списком еще разок. Попробуй определить, какое чувство стоит за каждым вопросом. Весь именно оно мучает тебя и тем самым побуждает тебя искать ответы.

— Чувство? Хм-м-м... Ладно, поняла.

Вот здесь мне пришлось действительно потрудиться. Оказывается, я не очень-то разбираюсь в собственных чувствах. Но в конце

концов я справилась и действительно почувствовала некоторую гордость. Теперь список вопросов выглядел так:

— Почему это случилось? — Недорумение, непонимание, протест,

желание разобраться. Ведь то, что случилось со мной, вовсе несправедливо — должен кто-то за это ответить?

Неужели это снова повторится? — Это страх, очень сильный страх.

Это твоя вина?

Это ты не справилась, не смогла, не уберегла?

А вот этот вопрос явно промзрастает из чувства вины. Я и сейчас чувствую себя виноватой, это да. Хотя, видит Бог, не знаю, что я могла бы сделать не так.

Это наказание за какие-то твои грехи? Или не твои? Или не наказание? — И тут тоже чувство вины плюс неуверенность в себе. Может быть, я просто недостойна счастья?

Оплакивать нерожденного ребенка или нет? Он ангел? Это все-таки уже ребенок или еще не совсем? — Здесь жалость, и к нему, и к себе, желание проводить его, расстаться с ним как-то... Ну, по-человечески, что ли. И еще полная растерянность. Ну не учили меня, что в таких случаях будет правильно!

Почему врачи такие черствые и грубые? Как найти хорошего врача? — Этот вопрос, без сомнения, продиктован обидой и возмущением. Так, как они, — неизъя, я точно знаю!

Как после этого верить в хорошее? — Ну, как ни крути, здесь можно констатировать страх перед будущим и недоверие ко всему миру. А как в него верить, если он так со мной поступает?

Как мне теперь вообще жить? — Как ни странно, помимо страха и беспомощности, в этом вопросе я почувствовала надежду. А вдруг кто-нибудь большой и умный придет и расскажет, как мне жить, и все будет совершенно по-другому!

— Ну что ж, подведем итоги, — задумчиво говорит она. — Итак, какие чувства наполняют твой мир? Гнев. Отчаяние. Неверие. Вина.

Обычно. Это темные чувства, они лишают ясности и душу, и разум. Разве они дают твоему ребенку родиться?

— Что???

— Очень вероятно, что ты не можешь стать матерью потому, что создала слишком непривлекательный образ мира.

Так. Это, можно сказать, еще одна встряска. Значит, по крайней мере, на один вопрос ответ получен: виновата все-таки я. К глазам немедленно начинают подступать слезы.

— Но это не твоя вина, — словно услышав мои мысли, продолжает она. — Это изначальная ошибка в условиях задачи. Это можно поправить. Что, будем делать уроки?

— Будем, конечно же, будем! А как?

— Как обычно, — говорит она. — Я уведу тебя в сказочное про странство, и будем сказки сочинять.

— Вы думаете, мне сейчас до сказок? — кисло говорю я. — Мне бы с суровой действительностью разобраться, а тут... Нет, только не это.

— Ну, тогда до свидания, — буднично объявила она. — Я по-другому не могу, я же Сказочница, не забывай.

— Нет!!! — поспешно меняю решение я. — Ладно, я согласна, сказка так сказка.

Я уже привыкла к ней, к этой Злой Сказочнице, и мысль о том, что я снова останусь один на один с притаившейся Тьмой, меня пугает. Сейчас она уже казалась мне родственной душой, и потерять ее я просто не готова.

— Ну, тогда до завтра, — говорит она. — Спокойной ночи, приятных снов!

— И вам, — отвечаю я.

Родственные души... Об этом мне хотелось бы сказать отдельно.

Глава 8. В ПОИСКАХ РОДСТВЕННОЙ ДУШИ

Как же мне хотелось, чтобы во время беременности и родов меня сопровождал не просто специалист, а Родственная Душа! Душа, которая будет понимать, поддерживать, направлять, ЧУВСТВОВАТЬ меня и моего ребеночка. Я знаю, что некоторым судьба посыпает таким спутников и проводников, я слышала эти истории. У меня же вышел совсем другая картина — мне пришлось сразиться с горем один на один.

Объективная реальность: в наших роддомах (по крайней мере в крупных городах) есть штатные психологи, но не существует единой программы, которая помогла бы беременным женщинам справиться с возникающими проблемами (а их, уверяю, предостаточно!). Это и страх перед родами, и беспокойство за здоровье родившегося ребенка, или молоко не приходит, или приходит, но ребенок грудь не берет, а еще у многих (даже удачно родивших!) бывает послеродовая депрессия. А уж тем, кто потерял ребенка, психологическая помощь просто жизненно необходима. Но ее нет. По крайней мере, там, где рожала, подобная услуга не предлагалась. Судя по моим интернет-изысканиям, и в других местах дело обстоит ничуть не лучше.

Как я выяснила, проблема в том, что психология — наука сложная и разнообразная, и в ней существует множество направлений и специализаций. Так вот: в условиях роддома мало быть просто психологом, нужно дополнительно пройти специальное обучение по пренатальной и перинатальной психологии. Такое повышение квалификации проводится в Москве, в роддома регулярно рассыпаются письма с информацией, но... все, как всегда, упирается в деньги. Почему-то

учреждения не спешат финансировать обучение своих специалистов, а за свой счет идут учиться единицы. Я из достоверных источников знаю, что в Москве из всех, кто программу по потерям посещал, за три года пришли учиться за свой счет из роддомов два (!!!) человека, да и то потому, что уже были на других программах, знают качество обучения и не пожалели денег. Вот в Санкт-Петербурге два роддома оплатили обучение сотрудников, и отправили не только психологов, даже акушерок. Мне сказали, что это пока чудо для России. Представляете? Подготовка квалифицированных кадров у нас считается чудом!!!

Так что тут каждая женщина вынуждена искать свои пути преодоления кризиса. Я общалась со многими женщинами, потерявшими ребенка в родах или после вынужденного аборта по медицинским показаниям (при условии, что они хотели этого ребенка, это так же или почти так же больно). Сначала слезы — это у всех, и силя нет тоже у всех — это тоже понятно. С неблизкими родными и друзьями разговаривать не хочется: уж слишком интимная тема. С мужем — одни не знают, как об этом по телефону разговаривать, а другие, наоборот, стараются рассказать и навешать на белых мужей таких подробностей, что некоторые срываются, и потом сами же жены их и подбадривают.

Я оба раза чувствовала, что на третий день как будто заканчивается действие какого-то «тормона временной анестезии» и наступает просто чернота. Это вообще переломный день: начинает литься молоко, сама уже начинаешь ходить, и постепенно сознание фокусируется на внешнем мире, и в голову вдруг приходят ВСЕ мысли обо ВСЕМ. Это у всех так, ну или почти у всех.

Еще я могу отметить, что те, у кого это не в первый раз произошло, реагируют сильнее, так как начинают испытывать страх и негатив уже на этапе беременности, когда она начинает идти не так (кровотечения, плохие анализы или УЗИ, да просто тревожные ощущения),

и после родов приходит моральное опустошение и чувство обреченности. Второй раз уже проводишь прямую линию по двум точкам, и в голову приходят мысли, что нормально не родить НИКОДА. Потом долго и упорно отмахиваешься от них и бояишься их думать. Повторно эмоции уже более глубинные. Внешне это просто горе... Со многими легала одна девочка, она вышла замуж за своего двоюродного брата и такая история была с ней в четвертый раз, но она хотела попробовать еще. У нее было смирение, горе и какая-то мудрость. А у другого женщины малыши-войняшки родились, но умерли в первые сутки. Она просто не могла дышать от отчаяния, лежала и не находила сил двигаться и говорить, и никто не мог ей толком помочь.

И еще — сразу видно, если хороший муж. В этой ситуации только муж может вселить в женщину надежду, дать ей веру в то, что он всегда рядом не только в радости, но и в горе, что она — нормальная женщина, любимая жена и обязательно будет хорошей матерью. Этой очень большая поддержка. Но так далеко не у всех бывает...

Конечно, есть еще медперсонал — врачи, медсестры, нянечки. Но и отсюда особой помощи ждать не стоит, и этому есть свои причины. Мне пришлось много общаться с медицинскими работниками, и частично на них сильно обижалась.

Вот ведь что странно: почему-то я в основном сталкивалась с очень неприятными и черствыми людьми. Например, на УЗИ (решающим для меня многое) врач вообще молчала, хмурилась. На мои вопросы сказала, что мне все расскажет мой лечащий врач. Я пошла в отделение. Было двенадцать часов утра. К двум я поняла, что уже боялась просто не могу сидеть на месте, и сама пошла в ординаторскую. А мой врач, оказывается, забыл про меня и просто ушел! Вот как можно в таком состоянии еще до завтра ждать результатов моего УЗИ! Я думала, боялась прихода дежурного врача, он там что-то скучное пропортился, боялась сказать лишнее. Но ведь это все не добавляет спокойствия.

В первый раз мне в роддоме сказали, что у меня будут роды, и это было так неожиданно (потому что рано, на седьмом месяце). Моя

женщину с кровотечением — так это у здоровой оно может начаться. Так что, если говорить одним словом, то отношение жесткое... нет, не сказать одним словом, так как оно где-то хамское, где-то равнодушное, где-то злорадное (у некоторых ведь нет своих детей), но практически всегда жесткое. Я уверена, что если бы они относились к нам как к своим дочерям или сестрам — положительных историй было бы гораздо больше.

Конечно, встречались и совершенно другие медики. Одна акушерка в роддоме, специализирующаяся по недоношенным детям, меня поразила, это да. Ее благословили в православном храме на то, чтобы она могла крестить новорожденных, которые находятся на гране жизни и смерти и непонятно, выживут ли. Потом, если такой ребенок выживает, его крестят уже в церкви, по полному ритуалу. А если умирает, то крещеный, и его можно отпевать. Вот эта женщина была серьезным исключением из правил. И еще одна женщина запомнилась — она мыла полы, у нее было авендалить детей, она была как моя родная бабушка, такая добрая и лукавая, все меня старалась подбодрить. Спасибо ей!

В принципе, поразмыслив, я поняла, почему так происходит. Большинство врачей схожи в установке: лечить только тело (чему, собственно, их и учат в институтах). Чем меньше врач общается с пациентом — тем проще ему работать. А то вдруг врач из лучших побуждений принесет какую-нибудь книжечку спасительную, не одобренную Минздравом, или поговорит по душам, а женщина завтра пойдет и что-нибудь с собой сделает — потом не отправляешься и не отмоешься.

Психологи... Я уже говорила, что в моем роддоме их не было, но мне посчастливилось познакомиться с таким специалистом еще во время беременности. Ее зовут Аня, и она меня спасла, вытащила из моего горя.

В первый раз мне в роддоме сказали, что у меня будут роды, и это было так неожиданно (потому что рано, на седьмом месяце). Моя

родная сестра дала мне телефон своей акушерки и перинатального психолога Ани, чтобы она меня хотя бы по телефону смогла как-то подготовить. Почему по телефону — потому что они живут в другом городе, в ста двадцати километрах от Москвы.

Мне было очень страшно. Аня рассказала мне, как проходя роды как дышать, что делать и так далее. Она первая не побоялась отвечать на все мои вопросы, в том числе и психологические. Благодаря ей я смогла пережить первые роды. Они были преждевременные и длились тридцать семь часов, ребенок родился мертвым. Потом выяснилось, что у Ани есть психологическое образование, и я, немножко оклемавшись после смерти моего малыша, стала ездить к ней на консультации или звонить по телефону. Несколько раз мы ездили к ней с моим мужем, и он только с ней смог наконец поговорить о том, что произошло. Ни до, ни после он об этом больше ни с кем не разговаривал.

Аня мне смогла помочь своим добрым и чутким сердцем. Мы с ней в чем-то очень похожи... Только у нее семеро (!!!) детей, а у меня пока нет. Всю вторую беременность я «проходила» с Аней — звонили ей или приезжала. Сначала все было хорошо, а потом...

Когда началось кровотечение, я звонила ей каждый день. Мы проговаривали проблемы, мои эмоции. Я с кровотечением пролежала больнице два месяца. Никто из врачей так и не смог сказать, почему течет кровь, и, тем более, остановить ее. Так меня с кровотечением и выписали домой. Я думала, что, может, родные стены помогут преодолеть тот же срок, что и в первую беременность. А врачам было, как мне казалось, по фигу.

Но через несколько дней домашней жизни мне стало хуже: я не могла спать, живот сводило. Меня могла успокоить только Аня; я раздавивала с ней и даже засыпала прямо с трубкой в руке, но ненадолго. Мы с ней проводили такой своеобразный мини-тренинг: я представляла, как я и мой малыш вместе лепим в четыре руки плаценту, бережно приподнимаем ее, чтобы ей было удобнее, чтобы она зажила. Знает

было полное ощущение, что я с ребенком общаюсь и вижу его ручки. Мы лепим вместе. Я никогда этого не забуду: это было так прекрасно! Прекрасно, но, видимо, недостаточно или просто слишком поздно...

Прошло еще два дня, мне стало совсем невмоготу, и я вызвала «скорую». Я понимала, чувствовала, что все идет не так, совсем не так, как надо, и очень боялась. Мне надо было в больницу, я верила, что там обязательно сделают что-нибудь, спасут меня и моего ребенка!

И вот «скорая» приехала, в ней я и рожала. Мы погадали в пробку. Большую пробку. Водитель, слыша мои крики (я просто уже в голос выла от боли), орал в громкоговоритель, чтобы все машины разъехались, но им леваться было некуда. О боже, да что же это, уже в который раз, — НЕТ ВЫХОДА!!! Когда меня довезли до роддома и стали перекладывать с носилок на родильное кресло, выпал плод... Уже мертвый... Врач отреагировала по-своему: «Признавайся, что делала, чтобы избавиться от ребенка?» Зачем они это говорят и без того измученным женщинам? Ничего не зная, не разобравшись в ситуации? Почему в больнице не действует презумпция невиновности? ЗА ЧТО ОНА МЕНЯ ТАК???

Этот ужас и то, что последовало за этим, я бы без Ани не пережила. Или сошла бы с ума, или выпрыгнула бы из окна. Да, не скрою, были и такие мысли. Наверное, они у многих бывают — от отчаяния и безысходности. Аня в наших телефонных беседах помогла пережить мне первые дни и ночи, полные ужаса и горя, со звоном в ушах от детского плача — ведь дети лежали на этом же этаже. Это страшно, это как в аду — слышать детский плач, зная, что в этом общем хоре своего родного голоса нет и не будет. Но я прошла через это — благодаря Ане.

И сейчас я хочу сказать тебе, моя дорогая: НЕ БОЙСЯ ПРОСИТЬ О ПОМОЩИ! Может быть, окружающих, а может, высшие силы. Они обязательно пришлют тебе кого-то, кто поддержит и поможет, и этот «кто-то» может найтись в самом неожиданном месте. Я знаю, что

такие помощники есть, возможно, кто-то из них уже дал тебе эту книгу или рассказал о ней. И эта помощь посильнее уколов и таблеток ведь человеческое участие, позитивные эмоции способны буквально возродить человека заново. Не бойся, иши, зови, проси! В худшем случае тебе просто скажут «нет», но это значит лишь то, что у тебя саму достаточно сил, чтобы выбраться. Ведь Бог не посыпает нам испытаний не по силам...

Я уверена, что почти каждую женщину, пережившую потерю ребенка, мучает чувство вины. Почему я говорю «почти»? Потому что есть женщины, которые изначально не очень-то хотели этого ребенка, и для них подобный исход — это избавление. Но мы сейчас о них не будем. Мы будем о тех, кто хотел, мечтал, любил, но все же потерял. И теперь надо с этим как-то примириться и жить дальше.

Моя Злая Сказочница, как обычно, поставила меня в тупик таким вот рассуждением:

— А вот если бы к тебе собирался в гости очень близкий и любимый родственник издалека (из Австралии, например!), Ты бы ждала, готовилась, комнату для него отремонтировала и подарки закупила, а он вдруг взял и передумал? Или приехал, пожил немного и свалил в свою Австралию, потому как среди кенгуру и эвкалиптов ему и привычнее, и комфортнее? Как бы ты после этого жила? Убивалась бы, рыдала, впадала в чувство вины?

Отвечаю себе честно: нет, вряд ли я бы убивалась и рыдала, но вот определенное чувство вины я бы и в этом случае испытывала. Думала бы, что не смогла обеспечить условия, была недостаточно прелестной, внимательной и все такое... Но жизнь бы на этом не закончились — это точно.

— Так ребенок — это и есть близкий и любимый родственник. Только живет чуть подальше, чем Австралия. Ну, раздумал приезжать, но он имеет на это право! Тело ему теперь не нужно, а душа вернулась, откуда пришла. Так что кончай рыдать, не вгоняй невинную душу в чувство вины, имей совесть!

Глаза 9. СТРАШНЫЙ СУД

Я возмущенно пытаюсь выдохнуть и что-то сказать. Как она ловко повернула, я просто в шоке! Раздумал он, видите ли, ехать... Но я же ДЕЙСТИТЕЛЬНО готовилась! И ремонт в детской сделала, и кое-что закупила... Я так ждала его!

— Не будь эгоисткой, — говорит мне она. — Может, все и затаивалось, чтобы слегка пригасить твое непомерно раздутое Это. Учишь уважать желания других.

Я сердусь. Мне не нравится такая трактовка. «Это мой, мой, МОИ ребенок! Это я его задумала, зачала, вынашивала! Это я его позвала и ждала! Он не имел права так со мной поступать» — горячично воспит кто-то внутри меня. Разумеется, Это, кто ж еще...

— Но почему вы говорите «в гости»? — отчаянно оборошаюсь я. — Я его не в гости, а насовсем ждал!

— Все мы гости на этой земле, — философски замечает Сказочница. — Явимся, погостим и уходим, каждый в свое время. Никогда не остается здесь «насовсем». Представь, что ты едешь в поезде, в купе, и к тебе подсаживаются пассажиры. Только ты не знаешь, до какой станции у каждого из них билет.. Кто-то сойдет на следующей остановке, а с кем-то ты поедешь дальше. Но конечный пункт есть у каждого, и поэтому расставания в нашей жизни неизбежны. Когда-нибудь и ты выйдешь на своей остановке, а другие останутся продолжать свой путь.

— Не должны дети уходить раньше родителей, — упрямо говорю я. — Каково это — провожать свою кровиночку, свое все, часть тебя самой?

— Вздор, — отрезает Сказочница. — Он — не «часть тебя», а авторомная единица мироздания. А ты — другая единица. Семья — эта семья «я», семья автономных единиц. А вовсе не «одно „я“ и шесть мокрилений»!

Я молча перевариваю и прихожу к выводу, что она права. Но еще не закончила меня добивать:

— «Твое ВСЕ» — это ты сама. Не может другое существо быть «твоим всем». Это, если хочешь знать, рабство! Такая тяжела ответственность, что и расплощить может. Я бы, например, сорок раз подумала, ехать ли к тебе в гости, при таком-то раскладе.

Мне остается только мрачно сотеть и дуться. Хочется сказать: «А я бы вас и не приглашала, такую вредную и стяжельм характером!» Но тут мне приходит в голову мысль: а я ведь не знаю, какой характер был бы у моего ребенка. Может, тоже вредный. А может, просто... осторожный. — Запомни: в этом мире нет ничего твоего, все лается тебе во временное пользование, — разумеет меня она. — А раз дали, могут и забрать. И надо быть к этому готовой — Бог дал, Бог и взял. Это называется СМИРЕНИЕ. Принять, стало быть, с миром — не воевать, не биться головой о стену, не проклинать судьбу. Смириться!

Вот смирене точно не входит в число моих добродетелей... Сейчас, например, мне очень трудно смириться с тем, что она говорит! Но я понимаю, что все это правда, так случается, и не дано мне изменить существующий порядок вещей.

— А почему, собственно, ты чувствуешь себя виноватой? — задает очередной вопрос Сказочница. — Что ты такого сделал, чтобы повесить себе на шею это противное и никому не нужное чувство? Если ты действительно виновата, то назови мне вскую причину!

Легко сказать «назови»... Да если бы я знала причины моего хронического невынашивания, я бы их давно устранила! Но, хоть я и не знаю, все равно обвиняю себя. Я сама себе и судья, и прокурор, и подсудимая... И я сужу себя самым страшным, самым суровым судом.

— Хорошо. По-моему, самое время поиграть в это, — говорит Сказочница.

— Помагать???

— Ну да. Устроим показательный процесс — Страшный Суд! Будет тебе и судья, и прокурор, и адвокат, и прения сторон. И вердикт тоже будет. Играем?

— Вы что?? Это вообще как??? Что за...

— Не суетись, — советует она. — Я же обещала тебе сказочное пространство? Ну так давай переложим твою историю в сказку! Ты ж все равно себя судишь (и осуждаешь!), только вот окончательного приговора уже нет и нет. «Казнить нельзя помиловать» — где тут запятая? Так давай поставим точку в этом вопросе! Или уж казнить, или уж помиловать.

И вдруг мне становится как-то отчаянно-весело. Действительно а почему бы и нет? Так и получилась наша первая сказка.

Страшный Суд

— Статья, суд идет! Слышится дело о двойном убийстве. Обвиняемая — Евгения. Обвинение представляет ее внутренний Прокурор. Защиту представляет ее внутренний Адвокат. Вердикт выносит ее внутренний Судья. Секретарь суда — Злая Сказочница. Заседание считать открытым! Прошу стороны приступить к рассмотрению дела.

Прокурор. Подсудимая обвиняется в двойном убийстве, которое было совершено путем систематического невынашивания плода и уничтожения его на сроке шесть с половиной месяцев. Указанное преступление имело место дважды!, что позволяет квалифицировать подсудимую как злостную рецидивистку. Ей доверили, а она не оправдала надежд. Обвинение настаивает на высшей мере наказания.

Адвокат. Требую изменения формулировки! Если убийство было, то непредумышленное! Но защита настаивает на том, что данный факт вообще не может считаться убийством, так как моя подзащитная не предпринимала никаких действий, могущих повлечь столь печальные последствия! Не пила габлеток, не думала об аборте, не прыгала с парашютом, не поднимала штангу, не отплясывала в ночных клубах, не совершила ничего, что могло бы расцениваться как нанесение вреда будущему ребенку.

Судья. Подсудимая, вы преалиниали вышеозначенные действия?

Подсудимая. Нет. Что вы! Конечно, нет. Я ждала ребенка, я его хотела!

Прокурор. Видимо, плохо хотела! Недостаточно и некачественно! Адвокат. Выношу протест обвинению. Моя подзащитная и в первом, и во втором эпизодах желаила родить ребенка, своевременно вставала на учет в женской консультации, регулярно проходила обследования, при недомоганиях обращалась к соответствующим специалистам, выполняла все их рекомендации. Не употребляла вредных веществ и лекарств, не создавала экстремальных условий для плода. Поэтому формулировка «умышленное убийство», равно как и «непредумышленное убийство», не может быть принятой защитой, поскольку отсутствовали как мотив, так и направленные действия.

Судья. Протест принят.

Прокурор. Обвинение изменяет формулировку и квалифицирует действия подсудимой как преступную халатность. Вышеуказанная халатность выражалась в том, что подсудимая не берегла плод, вела активный образ жизни, не прекратила работу, производила ремонт в детской и вообще всячески нарушила постельный режим.

Адвокат. Да будет известно уважаемой стороне обвинения, беременность не является болезнью и не предполагает постельного режима, если он не прописан врачами по особым показаниям. Напротив, активный образ жизни способствует правильному развитию плода, дополнительному снабжению организма матери кислородом. Беременность также не является противопоказанием к выполнению работы.

Прокурор. Есть основания подозревать, что подсудимая осознанно впадала в негативные психологические состояния, чем создала невыносимые условия для плода. К указанным состояниям относятся депрессия, агрессия, уныние, обиды, иные переживания. Что вы на это скажете?

Адвокат. И здесь моей подзащитной нечего скрывать. Правда, отношения с мужем оставляли желать лучшего, и она на него обижалась, а иногда и злилась. Но ведь беременные женщины бывают вообще невыносимыми — капризными, плаксивыми, требовательными — и при этом благополучно рожают здоровых детей! К тому же моя подзащитная самостоятельна, независима, твердо стоит на ногах, привыкла всего добиваться сама, на жизнь смотрит с оптимизмом! Так что если негативные эмоции и были, то кратковременные и быстро сменяемые позитивными. К тому же моя подзащитная не позволяет себе застравать в унынии и сразу начинает искать выход из любого тупика!

Об этом говорит уже то, что она согласилась явиться на этот суд!
Прокурор. Вы упомянули, что отношения с мужем оставляют желать лучшего. Так, может быть, Он не хотел этого ребенка, равно как и его родные и близкие? Возможно, не хотели настолько сильно что обвиняемая, являясь зависимой от них, бессознательно выполнила их волеизъявление?
Адвокат. Протестую! Обвинение пытается представить мое подзащитную как существо безвольное, зависимое и неосознанное. Но это не так! Моя подзащитная — зрелая и сильная женщина, имеющая собственное мнение и способная на поступки. Решение родить ребенка было сознательным и не зависящим от пожеланий иных лиц.
Судья. Протест принят.

Прокурор. Тогда, возможно, имеет место общая неподготовленность организма к беременности и родам?

Адвокат. Ничего подобного не наблюдается. Имеется заключение нескольких врачей, которые независимо друг от друга сообщили, что моя подзащитная вполне здорова и способна к зачатию и вынашиванию. Никаких патологий и препятствий для успешной беременности медики не выявили.

Прокурор. У обвинения большие вопросы нет. Пожалуй, зашата нас убедила.

Адвокат. Уважаемый Страшный Суд! Теперь вы видите, что моя подзащитная НЕ-ВИ-НОВ-НА! Напротив, ее следовало бы признать потерпевшей, так как она перенесла много физических мук и психологических страданий, был нанесен значительный ущерб ее здоровью, разбились на мелкие осколки ее мечты, подорвана вера в будущее и мирскую справедливость. По сути, она является жертвой непреодолимых обстоятельств. И...

— Стоооп! — кричу я. — Нет, нет и нет! Я НЕ ЖЕЛАЮ БЫТЬ ЖЕРТВОЙ! Даже непреодолимых обстоятельств! И моя вера в будущее вовсе не подорвана! Я так не хочу!

— Да? — с интересом смотрит на меня Сказочница. — Ну а как ты хочешь? Это же твоя сказка, так дерзай!

— Я требую последнее слово!

По суду имая. Уважаемый Страшный Суд! Я хочу сказать... — я запинаясь, — так, что же я хочу сказать? Сейчас, сейчас я найду нужные слова... Вот! Я требую вызвать свидетеля — Правду!

Судья. Пригласите свидетеля Правду.

Правда. Спасибо, конечно, адвокату. Он все правильно сказал. Но... я хочу кое-что добавить. Конечно, никто никого не хотел убивать. Ни умышленно, ни вообще никак. И беременность была желанной. Тем

не менее случилось то, что случилось, и Евгения согласна нести ответственность как за свое прошлое, так и за будущее. И я хочу сказать, что не стоит вешать на Евгению ярмо Жертвы. Теперь, после этого суда, у нее появилась возможность кое-что осознать. Бывает, проходит не-которое время после события, и человек вдруг понимает, насколько необходимо ему было пройти именно через такой опыт и насколько этот поворот судьбы оказался нужным для развития его личности. Построение этих причин лучше всего ставит человека с пониманием промысла Всевышнего. Потеря желанного ребенка требует серьезного пересмотра своих целей и ценностей, отношений в паре, собственной

жизненной истории и, возможно, истории своего рода. Мне кажется она позвала меня как свидетеля именно потому, что теперь готова увидеть, выслушать и принять правду в том, что с ней случилось, такой, как она есть. Со всей мерой ответственности!

Судья. Выслушав материалы дела, суд вынес вердикт: НЕВИНОВНА! Но тем не менее суд выносит частное определение: передать Евгению на поруки свидетелю Правде для «пересмотра своих целей и ценностей, отношений в паре, собственной жизненной истории и возможно, истории своего рода». Пожелать ей удачи на этом нелегком пути. На этом заседание Страшного Суда считать закрытым.

Я перевожу дух. Слава Богу, вердикт вынесен! КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ. Запятая прочно отделила меня от самобичевания и саморазрушения.

— Ну как? — спрашивает Сказочница.

— Вот теперь все правильно, — твердо отвечаю я. — Я действительно готова и хочу правды. Если я во всем разберусь, то смогу родить.

— Ну да. Только я сейчас не о том. Как тебе сказкотерапия?

— А это была сказкотерапия?

— Именно она. Лечение сказкой. Превращение ситуации в набор метафор, чтобы можно было посмотреть на нее со стороны и трезвы взгляном.

— Меня впечатлило, — говорю я. — Очень наглядно, словно кто-то про себя посмотрела. И я, кажется, перестала казниться. Незачем больше... Помиловала я себя.

Да, вот так у нас вышло. Теперь я чуточку умнее. Теперь я могу дать вам такой совет:

ЧТО СЛЕДУЕТ ПРОАНАЛИЗИРОВАТЬ

• **Желанной ли была эта беременность?** (Если женщина тяжело переживает потерю ребенка, то вопрос теряет свою актуальность.)

• **Насколько вы были готовы к беременности?** Важна индивидуальная соматическая самоdiagностика. Может, она была недостаточной, и вы чего-то не знали и не учили в состоянии своего организма или в течении беременности. Например, если у женщины низкое расположение плаценты, а она об этом не знает, увеличивается риск провокации преждевременной отслойки плаценты при физических нагрузках, падениях, подъеме тяжестей, интимном взаимодействии. У каждого человека есть свои «слабые места» в здоровье — их нужно изучать и подбирать соответствующий образ жизни.

• **Каково было ваше психологическое состояние?** Не было ли у вас депрессии, отчаяния, тревоги, сильной неудовлетворенности чем-либо? Тяжелые эмоциональные состояния не лучшим образом склоняются на вынашивании ребенка, тем более что детородная сфера крайне чувствительна и быстрее реагирует на стресс, чем другие органы и системы организма матери. Особенно опасны неявленные (подавленные) эмоции и переживания — они как раз и имеют способность соматизироваться (уходить в тело и быть по «сабому звену») в организме.

• **Воспринимали ли вы к чужому мнению?** Иногда недостаточный контроль над ситуацией, повышенная внушаемость, наивность, открытость и доверчивость приводят к тому, что другие люди и обстоятельства начинают сильнее влиять на беременность, чем сама будущая мама. А чужое влияние не всегда положительно.

Глава 10.

ЗАЧЕМ ТЕБЕ РЕБЕНОК?

В процессе выполнения задания я поняла, что особо как-то и не задумывалась на эту тему. А следовало бы!

«Зачем нужны дети?» — это не такой уж однозначный вопрос. Кто-то рожает осознанно и радостно, как продолжение семьи, а кто-то вынужденно, по залету. Кто-то потому, что просто время пришло или же, напротив, стремительно уходит. Кто-то — чтобы мужа в семье удержать или мужчину привязать (кстати, очень редко срабатывает!).

Есть те, кто рожает «для себя», потому что годы идут, а в доме пусто, и на горизонте призывают маячить унылый призрак одиночества. Есть те, кто рожает не задумываясь, одного за другим, легко и просто, просто потому что так устроены (таких в наше время мало). Есть суррогатные матери, которые рожают за деньги тем, кто сам родить не может (вообще этого явления не понимаю!!!). Некоторые рожают, чтобы сразу отказаться, прямо в роддоме. Потом уходят на лёгкие, уже без живота, оставив ребенка и мысли о нем в прошлом, и земля их, как ни странно, носит. В общем, причины появления на свет маленького человечка могут быть совершенно разными.

Зачем же мне нужен ребенок? Я уже привыкла, что Злая Сказочница на слово ничему не верит, сентиментальностью не страдает, и любые «красивости» вызывают у нее приступ язвительного веселья. Так что я очень старалась ответить на этот вопрос максимально честно.

Так вот, если честно, то в первую беременность моей главной надеждой было то, что ребенок объединит меня и мужа, скрепит нашу опасно кренящуюся и не очень прочную семейную лодку. Если бы ребенок родился, у нас появились бы общие интересы, мой муж ощущал бы себя в другом статусе — отцом малыша, стал бы ответственным, сильным, взрослым, добычником и кормильцем, настоящим главой семейства. Ну, по крайней мере, я очень на это надеялась.

А вот во второй раз я шла на беременность уже не из-за мужа, а по собственному желанию. Я правда хотела этого ребенка! Мне тогда

— Зачем тебе ребенок?

Этот вопрос был задан Злой Сказочницей в одну из наших встреч и сначала вызвал у меня огромное недоумение.

— Что значит «зачем»? Вопрос какой-то... не обижайтесь, илюстрировать, а зачем вообще дети рожаются? Чтобы продолжался род людской разговариваю, а с тобой. Род людской и без тебя прекрасно продолжается, уж говорь. Так что говори от своего имени. Тебе, лично тебе — зачем?

Тыфу ты, гостюм... Ну что тут непонятного, и чего она локоть лась?

— Низачем. Чтоб был. Есть такая потребность. Жочу, и все.

— Ага. Как куклу в «Детском мире»? «Хочу-хочу-хочу!!!» — а если тебе говорят «нет», ты бряк на пол — и в истерику, пока своего не добьешься. Ничего не напоминает?

— При чем тут «Детский мир»? Ребенок не кукла!

— Именно. Поэтому изволь покопаться в себе и четко, ответственно, по-взрослому сформулировать: ЗАЧЕМ ТЕБЕ РЕБЕНОК?

— А зачем все женщины рожают?

Я, честно говоря, никак не думала. Я вообще не думала о других женщинах, мне своих проблем хватало. Но, разумеется, тут же помнила домашнее задание: подумать, вспомнить своих друзей-знакомых близких, все, что читала или слышала на тему «зачем нужны дети» и записать это.

уже было ясно, что муж не оправдал моих надежд, что все у нас пошло наперекосяк и рано или поздно окончательно рассыплется и надо торопиться. Любовь прошла, иллюзии развеялись, я уже прочно стояла на ногах и знала, что смогу поднять малыша и одна. Да, я хотела родить ребенка независимо от наших отношений.

— Это что же выходит, по принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок?» — тут же цепляется моя сказочница.

— С какой «паршивой овцы»? Это вы о ком?

— Ну о чём вы говорите? Я его любила!

— Правда? Знаешь, это очень интересно. Сейчас мы можем наблюдать совсем другие чувства. Отстраненность. Раздражение. Прозрение. Жалость. Гнев. Досаду. Много всего. Но не любовь! Определенно — не любовь.

— Но... сначала все это было, — говорю я. — Правда, было и чувства были совсем другие! Нежность... любовь... забота... на дежды... планы совместные... Я просто купалась в этой любви, я растворялась в ней!

— И куда же это все делось, стесняюсь спросить?. А знаешь что? — предлагает сказочница. — Напиши-ка ты небольшое эссе. Так на страничку. О том, как у вас началось и чем кончилось. В двух словах и предельно честно.

Ох... Да разве тут расскажешь вот так, в двух словах? Это же такой кусок жизни, такая рана... к тому же я изо всех сил стараюсь ампутировать этот болезненный участок если не из жизни, то хотя бы из памяти. А тут опять напомнили — сразу засосал под ложечкой и заныло в висках.

Но Злая Сказочница неумолима, да и сама я понимаю: прежде

чем залечить рану, надо ее вычистить, продезинфицировать и зашить. Конечно, будет больно, зато потом, наверное, хорошо станет. Надеюсь, что так.

Я собираю всю свою волю в кулак и через какое-то время выдаю следующее:

Мой муж до встречи со мной просто сидел в магазине и тихо проводил паркет. Но я его безумно полюбила и была готова сдаться всем, чтобы он был счастлив!!! Все получилось очень быстро. Я его подхватила и вознесла до небес. Покупала ему все необходимое, ездила с ним на кастинги, в звукозаписывающую студию и устроила его в три группы. Помимо этого, я создала для него свой театр (выбирая бесплатно помещение), где он стал режиссером, и теперь он был мужчиной, которым я могла гордиться. То есть с момента нашей встречи я все силы и эмоции вкладывала в него и сама постепенно в нем растворилась. А так как детей у меня нет и никогда не было, я на него всю свою любовь материнскую и нерастряченную женскую направила. Чем он и пользовался радостно... А я жила, ничего не требуя, во всем помогая ему. Потом, когда я первого ребенка потеряла, он старался меня поддерживать, как мог. Но он по жизни был избалованым ребенком, который сам не решает свои проблемы, а ВСЕГДА идет по пути наименьшего сопротивления. Я виновата в том, что потеряла себя в этих отношениях, вознося мужа. Во вторую беременность он уже чувствовал себя великим режиссером, актером и музыкантом, единственным и неповторимым, и вскользь со мной и моими проблемами ему было нехотя. Когда я сбегла в стационар, я, получается, просто развязала ему руки, и он стал отвлекаться от моих проблем как мог. Вот и завелась у него какая-то подруга. Я об этом ничего не знала, по телефонам у меня нет привычки лазить, да и живу я, доверяя ВСЕГДА близким людям. А потом он пригласил меня на свой концерт (это я после неудачных родов первый раз куда-то вышла, да еще и так далеко), после концерта просто вышел из зала и час(!) гулял по бульвару и разговаривал по телефону. А я сидела одна и ничего не понимала. Когда он вернулся, я предложила зайти в кафе и поговорить. И муж мне ответил, что происходит: у него есть другая женщина, и там все серьезно. Он теперь будет жить не со мной,

а с ней. В этот момент мне казалось, что он меня просто разорвал, как бумажную салфетку. Я встала и ушла, но поехала не домой, а к подруге. Я два дня не могла спать, есть, говорить... только плакала и курила. Вот так получилось — я вложила в него все: любовь, надежды, время деньги, душу свою, а он променял меня на другую.

Я снова выложилась до дна. Как в тех отношениях. Я выплеснула в рассказе все свои чувства и ожидала, что мы сейчас об этом поговорим. Но Злая Сказочница не удостаивает мои душевные терзания парой комментариев.

— Угу. Посиди минутку, — бросает мне она.

Долго ждать не приходится.

— Вот, почитай, — говорит Сказочница. — Это твой же текст. Я только поменяла слово «муж» на слово «сын» и усмехнулась некоторым акцентам.

Ладно. Читаю:

Мой муж сын до встречи со мной просто сидел в магазине животных и тихо проводил паркет готовился к земному воплощению. Но я его уже безумно любила и была готова сделать все, чтобы он был счастлив. Он рос очень быстро. Я его подхватила и взвесила до небес. Покупала ему все необходимое, ездила с ним в звукозаписывающую студию, кастинги на кастинги юных дарований и устроила его в три группы три группы дошкольного развития. Помимо этого я создала для него свой театр детский клуб (были бесплатно помещение), где он стал режиссером лидером, которым я могла гордиться. То есть с момента нашей встречи его появления на свет я все смысли и эмоции вкладывала в него и сама постепенно в нем растворилась. А так как детят сильно мужчины рядом у меня нет и никогда не было, я на него всю свою любовь материнскую и нерастраченную женскую направила. Чем он и пользовался радостно... А я жила, ничего не требуя, во всем помогала ему. Потом, когда я первого ребенка потеряла в первый раз сильную болезнь, она всплыла в депрессию, он старался меня поддерживать, как

мог. Но он по жизни был избалованным ребенком, который сам не решает свои проблемы, а всегда идет по пути наименьшего сопротивления. Я виновата в том, что потеряла себя в этих отношениях процессе воспитания, вознося мужа сына. Во вторую беременность во время моей очередной серьезной депрессии он уже чувствовал себя великолепным режиссером, актером и музыкантом, единственным и повторяющим взрослым и самостоятельным, и возиться со мной и моими проблемами ему было нехотя. Когда я слегла в стационар, я, получается, просто развязала ему руки, и он стал отвлекаться от моей второй беременности моих проблем как мог. А может, просто пришла ему пора отдельться от мамы. Вот и завелась у него какая-то подруга. Я об этом ничего не знала, по телефонам у меня нет привычки лазить, да и живу я, доверяя ВСЕГДА близким людям. А потом он пригласил меня на свой концерт (это я после родов болезнью первый раз куда-то вышла, да еще и так далеко), после концерта просто вышел из зала и час(1) гулял по бульвару и разговаривал по телефону. А я сидела одна и ничего не понимала. Когда он вернулся, я предложила зайти в кафе и поговорить. И муж-сын мне ответил, что происходит: у него есть другая женщина, и там все серьезно. Он теперь будет жить не со мной, а с ней. В этот момент мне казалось, что он меня просто разорвал, как бумажную салфетку. Я встала и ушла, но поехала не домой, а к подруге. Я два дня не могла спать, есть, говорить... только плакала и курила. Вот так получилось — я вложила в него все: любовь, надежды, время деньги, душу свою, а он променял меня на другую.

Прочитав ее вариант, я долго сижу, тупо пляясь на экран, полностью опустошенная и совершенно потерянная. Нет. Так не может быть! При чем тут сын?? Зачем она все извратила? Тоже мне, сказочница! И тут внутренний голос подсказывает: «Муж, сын... да какая разница? Чего так разомнавалась-то, а? Похоже, не в бровь, а в глаз?»

Да уж... что в глаз, то в глаз. Передо мной вдруг открывается во всей своей жуткой полноте моя схема отношений с любимыми

мужчинами, и не важно, кто это — муж или сын. Я его выбираю (не ОН — я!), окружаю его неустанный и неусыпной заботой, вниманием делаю для него все возможное и невозможное, создаю условия, избавляю от проблем, горы сворачиваю и звезды с неба достаю, и это доставляет мне несказанное удовольствие. Я живу его жизнью, его интересами, его потребностями. Мне нет разницы, муж или сын — я бы так вкладывалась во всех, кого я люблю. А как иначе — ведь мне кажется, что в этом есть суть и содержание безусловной, безудержной безграничной и бескорыстной любви.

— И где же мы видим бескорыстие? — спрашивает Сказочкина. — Да корыстнее тебя просто в мире никого нет! Своими геройскими подвигами во имя любви ты как раз и зарабатываешь эту саму любовь. Безусловность? Как бы не так! Ты же не любишь мужчин таким, какие они есть, ты сразу придумываешь, какими ты их хочешь видеть, и начинаешь перестраивать, преобразовывать, лотягивать свои идеалов. Безудержность и безграничность — это да, тут спор нет. Залюбишь насмерть, затискаешь, как котенка, задушишь в своих заботливых необычных объятиях. Что, скажешь, нет?

Мне очень хочется сказать, что нет. Может, даже заорать, заглатать ногами — нет, это не про меня. Но... да, я же хотела правды, та вот она, голая правда обо мне.

— Ну, в общем, все так, — отвечаю я. — Как это ни обидно прознавать...

— Что ж, послушаем твои признания. С этого обычно и начинаются все благотворные перемены.

— Да, я признаю, что в отношениях с мужем совершила кучу ошибок. Но ведь начиналось все хорошо... Мы довольно долго жили гомонично, так как были настроены друг на друга. Но я с самого начала вела себя по-мужски, а он — по-женски. Я тянула своего мужчину к себе, как одяло, и старалась накрыться с головой. Здесь был и страх, что он будет иметь какие-то интересы на стороне, и желание бы

нужной и незаменимой. У меня свои интересы свелись практически к нулю. И в ситуации, когда я от него ждала мужских поступков, он просто самоустранился. Он ведь привык, что я сильная и все за всех решу. Да, в нашей семье рулила я. Но, может быть, поэтому я и хотела ребенка! Чтобы как-то разгрузить мужа...

— ... и перегрузить все это на ребенка! — подхватывает она. — Тебе, видите ли, хочется раствориться в том, кого ты любишь! А Ему этого хочется, ты спросила? Нужно ему, чтобы его наполнили чужие мечты и чужие чаяния? Ему хочется, чтобы все его желания предупредились еще до того, как были высказаны? Ему интересно, чтобы кто-то делал за него уроки и вообще проживал за него жизнь?

— Хватит, — прошу я, — остановитесь!

— ... а ведь еще ему надо (придется!!!) соответствовать твоему идеалу, — завершает она. — С трех лет группа раннего развития, включая изучение английского и хороших манер, с четырех — спортивная секция, с пяти — бальные танцы, с шести — игра на фортепиано, потом еще элитная школа, и никаких «не хочу» и «не нравится». Ты будешь контролировать, с кем он дружит, чем увлекается и о чем мечтает. Ты обезопасишь его от всех соблазнов и всех глупостей. Ты предусмотришь все и придумашь ему счастливую жизнь на сто лет вперед. Ты же очень энергичная особа и привыкла все делать на «пять с плюсом», неуклонно добиваясь поставленных целей.

— Да при чем тут это! — все-таки взрываюсь я. — Зачем вы мне об этом говорите? Ну да, я такая, отличница по жизни — а что, троечники лучше? И любая мать желает своему ребенку только добра! Да, иногда матери перегибают палку, ну и что из этого?? Не хотите же вы сказать, что ребенок не хочет рождаться, потому что меня боится?

— Учи, ты сама до этого додумалась, — хладнокровно отвечает она. — Я ничего такого не говорила. Но, должна тебе сказать, в этом тоже есть доля правды.

— Чего???

— А если бы ты была ребенком у такой мамочки? Если бы ты раньше знала — захотела бы вот так?

— Но... не думаете же вы, что дети выбирают себе родителей?

— Именно так я и думаю, — кивает она. — А как иначе души получат полающийся им опыт? Каждая душа задолго до того, как волгнуться, выбирает себе самых подходящих родителей, которые будут способствовать прохождению Уроков.

— Выходит... я бы просто не дала ему пройти нужные Уроки, что я спрашиваю? Скорее всего, да. Уж я бы постаралась избавить его от любой боли и от любых невзгод. Я все взяла бы на себя. Я смогла бы о нем позаботиться. Как и о муже!

— Не сомневаюсь. Ты, конечно, ощущаешь себя кузнецом своего счастья и куешь неутомимо, не покладая рук и молота. Но что тогда делать в этом мире им?

— Ну хорошо, предположим, что это правда, — с неохотой признаю я. — Ладно, муж — он взрослый, он и без меня худо-бедно спрятается. Но ребенок — он же маленький и беспомощный, как он сможет обойтись без меня?

— Да не он — это его тело сначала маленько и беспомощно, а

затем чист для новой информации. Твоя задача — помочь ему выжить и учиться быть самостоятельным. Но всегда помнить, что в этом маленком тельце живет древняя и мудрая, вполне взрослая душа, и у нее свои

Уроки и свои задачи в нашем мире, и никто за нее их не пройдет. Заты рядом с ней тоже сможешь многому научиться, потому что в своем ребенке ты будешь видеть себя. Обеспечь ему безопасность, условия для роста — и не мешай расти. Собственно, все, что требуется от мамочки.

— Недаром говорят, что дети — наши учителя... — вспоминаю я. — Теперь понятно.

— Я тебе кое-что зачитаю, — говорит мне она. — Пара абаев из книги одного замечательного телесного терапевта, ее зовут Лябубо. Слушай.

«Уже при рождении ребенок в самой глубине своего существа знает, что смысла его воплощения заключен в том, чтобы проработать все многочисленные уроки, которые преподнесет ему жизнь. Кроме того, его душа с совершенно определенной целью уже выбрала конкретную семью и окружение, в котором он рождается. У всех нас, приходящих на эту планету, миссия одна: пережить опыт, и пережить так, чтобы принять их и через них полюбить себя.

Поскольку иногда опыт переживается в неприятии, то есть в осуждении, чувстве вины, страхе, сожалении и других формах отрицания, то человек постоянно притягивает к себе обстоятельства и личности, которые снова и снова приводят его к необходимости переживать этот же опыт. А некоторые не только переживают один и тот же опыт повторно, но и должны повторно, а иногда и несколько раз воплощаться вновь, чтобы достичь полного его приятия».

— Выходит, ребенок все-таки выбрал меня, но потом... сбежал?

На полути передумал? Но почему? Разве он выбрал меня, он, наверное, знал, на что шел?

— Разумеется, знал, — подтверждает Сказочница. — Ты получила уже три подсказки от тех, кто тебя по-настоящему любит, — вырывавшись из твоего «домашнего рая», они трижды показали тебе, что ты делаешь что-то не так.

— Вы хотели сказать — «двойной»? У меня же было две беременностей?

— Беременности две, а Уроков — три. По одной и той же схеме. Два ребенка и муж. Три души, которые явились в этот мир, чтобы тебе помочь. Они тебя не наказывали, они тебе показывали. Ты же их не слышала — что им еще было делать?

Действительно, что же им было делать? Два варианта: или пытаешься любым способом вырваться из-под кузнецкого пресса моей любви, или... держаться от меня подальше. Мой муж вырвался. Мой

ребенок... он хотел прийти. Но передумал и тоже вырвался. Ему еще там, в животе, стало тесно и душно от моей чрезмерной опеки.

Я не хотела плакать, но слезы брызнули сами. Милье мои, родные самые любимые, прости меня!!! Я так хотела быть с вами, но сама сделала все, чтобы вы ушли. Это я во всем виновата...

— Прекрати немедленно! — требует Злая Сказочница. — Если

«я виновата», то ты и дальше будешь погружаться в пучину отчаяния в темноту, навстречу смерти. Если «я совершила ошибку и хочу ее исправить», то это путь наверх, к свету и жизни.

— Я совершила ошибку и хочу ее исправить, — сквозь слезы говорю я. — Я хочу к свету и жизни! Но я не знаю, как...

— Что ты почувствовала, когда я тебе озвучила вариант с сном?

— Что, что... Пончувствовала себя стареющей одинокой женщиной, которая пытается в сне или муже воспитать и взлеять свою небывшие надежды! А сын или муж из всех сил борются за нее зависимость. И пытаются доказать, что сами по себе стоят чего-то этой жизни. А еще я пончувствовала себя ... глупо.

— Ну, так оно и есть. Твое отношение к мужчинам — к тому, как ты считаешь «своим», — распространяется как на мужей, так и на своих новой. Пока у тебя было две схемы: «раствориться в нем» или «расторгнуть его в себе». Действительно, глупо! Что будем с этим делать?

— Искать третий путь, — утирая слезы, говорю я. — А если покроется, то четвертый и пятый. Они должны быть, эти пути!

— Молодец, так и надо. Тогда вперед! Тебе сейчас очень придется одна книга. Автор — Робин Норвуд, название — «Женщины, которые любят слишком сильно». Это великолепное практическое пособие для самостоятельной работы. Если будешь не просто читать, а выполнять все предлагаемые упражнения, быстро получишь результат! Проверено многократно!

— А может, ну ее, эту книгу? Может, мы лучше с вами все проработаем? — робко говорю я.

— Не буду я изобретать велосипед, — отрезает она. — К Норвуду, к Норвуду! А нам с тобой и так есть чем заняться.

— А что она мне должна дать, эта книга?

— Все, что тебе сейчас жизненно необходимо. Отпустить всех и все: обиды из прошлого, мечты из будущего, поблагодарить за уроки всех, кто в них участвовал, в общем, почистить твое ментальное пространство. Разобраться с претензиями к родителям, предкам и мужичкам. А потом обратиться к настоящему моменту и узнать, наконец-то, получше себя саму. Никто не хотел тебе зла, и все, что случилось, — во благо. Ты же понимаешь, дело не в них, дело в тебе. Изменившись ты — и линии твоей судьбы тоже начнут меняться. Разумеется, если у тебя имеется такое намерение. Есть вопросы?

Я уже успокоилась. Я уже могу думать. Я тверда в своих намерениях. И я отвечаю:

— Да, вопросы есть, и даже много. Но есть и ответы. По крайней мере, на некоторые из них.

Почему это случилось? — Для того, чтобы я наконец-то поняла, что делаю что-то не так.

Неужели это снова повторится? — Да, если я и в четвертый раз попаду тем же путем.

Это моя вина? Это я не справилась, не смогла, не уберегла? — Это не вина, это опыт, и я ничего не смогла бы изменить до тех пор, пока не изменилась бы сама.

Это наказание за какие-то мои грехи? Или не мои? Или не настолько? — Если исходить из чувства вины, то наказание, но это путь в никуда. Если же расценить случившееся как ошибку, то это Урок, я преодолела второе, потому что в этом случае можно сделать работу над ошибками.

— Ставлю тебе «отлично». Работа над ошибками идет вполн

успешно, — одобрительно говорит Сказочница.

— Но в списке еще остались неразрешенные вопросы! — вспоминаю я.

— Ничего, и на них придут ответы. С течением времени. Теперь мысли направлены в нужную сторону, информация будет постепенно отовсюду.

— Как называется та, первая книга, которую вы цитировали? — спрашиваю я.

— Лиз Бурбо. «Пять травм, которые мешают быть самим собой». Очень рекомендую! Многое узнаешь о себе, о своих базовых психологических травмах, а знание — это стартовая площадка для всех изменений.

— Спасибо вам, — говорю я. — Может, превемся? На сегодня больше не работник. Эмоциональный перегруз у меня. Пойду искать книги.

— Только один вопрос! Так зачем тебе нужен ребенок?

— Чтобы обеспечить ему условия для роста, научить выживать в нашем мире и помогать ему учить Уроки Жизни, — не задумываясь отвечаю я. — И самой рядом с ним учиться.

— Слава тебе, Господи, дошло! Ладно, так и быть, перевод в коррекционный класс отменяется, продолжаем обучение, — усмехается она.

Моя Злая Сказочница без подковырки обойтись, по-моему, просто не может. Но я не обижусь. Я теперь вообще стараюсь ни на кого и ни на что не обижаться. Это — Уроки, а учиться я люблю и умею. Я буду читать Лиз Бурбо, чтобы залечить все свои душевные травмы и страдания. Я буду делать ВСЕ, чтобы не просто выжить, а жить радостно и осознанно. И я чувствую, я просто вижу, что у меня в душе зажегся огонек, и кто-то большой и добрый внутри меня шепчет: «Всё будет хорошо», и я ему верю.

Глаea II. ЗАЧЕМ ТЕБЕ РОДИТЕЛЬ?

Если вы думаете, что от общения со Злой Сказочницей все уменя в голове расставляется по полочкам легко и мгновенно, как по макаронению волшебной палочки, то вы ошибаетесь. Некоторые вещи вызывают у меня неприятие, несогласие и даже порою агрессию. Помням вопросам мне хочется посторить, а от некоторых моментов в очередной раз поплакать. Но Сказочница ценит свое время и не дает мне, как она выражается, «уходить в болгологию и носохолгию». Поэтому несостоявшиеся диалоги продолжаются у меня в голове, а иногда и во сне. Нет, кошмары мне уже не снятся, снятся совсем другое, но я бы такие сны нормальными не назвала. Хотя Сказочница говорит, что только такие сны и должны видеть осознанные люди. Они, если так можно выразиться, «учебные». Непонятно? Я расскажу. Мне как раз приснился такой сон после нашего диалога на тему «Зачем тебе ребенок?». Только речь в нем шла не столько о детях, сколько о родителях.

Детский мир

 нахожусь в каком-то странном торговом зале, только очень необычном. Длинный прилавок делит зал пополам, за ним установлены ступенчатые стеклянные стеллажи, и на них, как куклы на полках, сидят люди.. много людей. Там есть и мужчины, и женщины, некоторые — попарно, некоторые поодиночке. Среди них есть совсем юные, но и пожилые встречаются. Некоторые сидят, по-

може, целыми семьями: мамы-папы с одним или несколькими детьми,

тут же старики. А по эту сторону, там, где обычно прогуливаются покупатели, пусто, только медленно парят в воздухе какие-то туманные скопления, шарики, подсвеченные изнутри разноцветными искорками.

Очень красиво, кстати! Светильники, что ли, такие? Нет, пожалуй, не светильники. Я замечаю, что время от времени некоторые из них вдруг становятся ярче, потом от них протягивается тоносенская искрящаяся ниточка туда, за прилавок, и легонько касается людей (почему-то всегда только женского пола) где-то в области грудной клетки, там, где сердце. Люди по ту сторону реагируют по-разному. Кто-то вскакивает с места в явном состоянии восторга, кто-то замирает, прислушиваясь, некоторые, напротив, выглядят крайне встревоженными и недовольными. Видно, что протянутые ниточки, поначалу совершенно одинаково сразу начинают меняться: одни мгновенно наливаются цветом, упираются, выглядят прочными и надежными, другие пульсируют, словно им сил или уверенности не хватает; есть и такие, которые остаются тоненькими и слабыми или вовсе втягиваются обратно в шар. А вот от всем уж непонятное: женщина с той стороны прилавка явно пытается привлечь к себе внимание шариков — зовет, простирает к ним руку-по-моему, даже молится, но шарики к ней не спешат, облетают стороной, а если она слишком приближается к прилавку, резво отлетают дальше. У нее сразу руки опускаются, она горько плачет, она явно отчаянна.

— Что здесь происходит? — вырывается у меня.

— А вы еще не догадались? — шелестит голос у меня над ухом. Разве вы не за этим сюда пришли?

И тут я понимаю: да, да, и я за этим! Теперь я откуда-то знаю: разноцветные легкие шары — это же души, которые пока не имеют тела, ни пола, ни имени, это будущие дети! А люди по ту сторону — будущие родители.

Мой собеседник — приятный мужчина средних лет, одетый в белую форму, на бейджике — название магазина: ДЕТСКИЙ МИР. Так мамочки потеряет смысл...

тический менеджер-консультант торгового зала. Приветливо смотрит на меня, готовый предупредить все мои желания.

— Почему она плачет? — спрашиваю я, указывая на женщину.

— Ей плохо? Она нуждается в помощи?

— Ей плохо. Но никто ей не может помочь, — с сочувствием говорит он.

— Почему?

— Она не в гармонии с остальной Вселенной. Совершенно раздраженная, характеристики поля нестабильные. Ни одна душа не сможет войти с ней в длительный устойчивый резонанс. При всем желании не получится.

— Это значит, что она не сможет стать матерью?

— Пока это так.

— Но это же несправедливо! Ребенок мог бы ее спасти, стать ее утешением и смыслом жизни! — горячо воскликнула я.

— Смыслом жизни? Вы это серьезно? — высоко поднимает брови менеджер. — Плохое, вы не совсем в курсе и нуждаетесь в небольшой консультации. Вы позволите кое-что объяснить?

— Да, пожалуйста, — вежливо соглашаюсь я.

— Самое верное средство оттугнуть кого бы то ни было — это сделать его смыслом своей жизни, — доверительно сообщает консультант. — Этим самым вы отнимаете у него его собственную жизнь. Он вынужден будет поастрашиваться под ваши представления и следовать вашим ожиданиям.

— А я думала, что как раз наоборот: мамочка должна делать все для своего ребенка, — растерянно говорю я. — Из великой любви, с полной самоотдачей, забывая о себе!

— Рано или поздно счет будет предъявлен, — говорит консультант. — Иешу никогда не будет позволено отремонтироваться. Ведь иначе жизнь

У меня мороз по коже.. я никогда не думала, что в выражении «смысла жизни» может заключаться такое вот жутковатое значение.

— И.. как же ей теперь быть?

— Перестать заикливаться на ребенке и обратиться к себе. Достичь внутренней гармонии. Тогда может получиться.

Я еще раз смотрю на ту мечущуюся женщину. Она по-прежнему выглядит очень несчастной. Интересно, как может быть счастливым ребенок, если мамочка несчастна? Наверное, никак. Сначала нужно создать счастливо пространство внутри себя, а уж потом звать в него друга. Но у нее все-таки есть надежда! А я принимаю решение: если меня все-таки будет ребенок, я никогда не сделаю его смыслом своей жизни, никогда не скажу ему «я живу только ради тебя». Нет, я буду жить ВМЕСТЕ с ним. Я никогда не предавлю любимому существу своему никого из них не стану рвать на себе волосы и метаться, как эта женщина, распугивая всех, кто мог бы к ней прилизться.

Я перевожу глаза на других.

— А почему по ту сторону есть дети и старики? — спрашиваю я.

— Если новую душу в мир зовет только мамочка, душа все равно услышит ее голос. Но если присоединяется вся семья: дедушки, бабушки, братья и сестры — их голоса сливаются в слаженный хор. Согласитесь — куда приятнее идти туда, где тебя все заранее любят и ждут.

Соглашусь. Хотя понимаю, что однокие юные девушки и даже средних лет по ту сторону прилавка тоже поют свою песнь и могут быть услышаны — об этом говорят протянувшиеся к ним «путевые кий» — те самые разноцветные нити.

— От чего зависит цвет и толщина нити? — спрашиваю я.

— От многого. От силы намерения, от состояния здоровья, преобладающих эмоций, от умения слушать и слышать себя и друга. Как только возникает устойчивая связь, принимается решение о斯特ество физического тела для воплощения души. Теперь эта нить будет

связывать маму и ребенка на тонком плане. А тело будет связано с матерью пуповиной.

— Через них осуществляется питание, да?

— Верно. Теперь вы понимаете, как важно во время беременности постоянно концентрироваться на этой связи, поддерживать и усиливать ее?

— Да.

Я действительно вдруг на физическом уровне, вполне осознавая, чувствую, как через нити переливается все, что мамочка вволют в себя, — пиша, эмоции, впечатления.. Я вспоминаю, что беременным рекомендуется избегать стрессов и конфликтов, почаше слушать хорошую музыку и рассматривать картины, глять на природе. Но это пиша внутри, чистой душе от выкуренной сигареты или принятого мамашей алкоголя? От неестественной, напичканной всякой химией пиши? Мне прямо плохо становится. Слава богу, я не курю и к алкоголю равнодушна. Но случаи такие знаю... И эмоциональный фон — да я же никогда не подозревала, что он может быть настолько важен, что беременная женщина каждую секунду должна отдавать себе отчет, как и о чем она думает и каким образом реагирует.

— Раньше беременным даже на похороны ходить возбранялось, и на кладбища тоже, — вспоминаю я. — Это из-за негативных эмоций? — Да, — кивает консультант. — Слишком сильные переживания, слишком много горя и слез. Не полезно для матери и ребенка.

Да.. Что уж тут говорить о пробках, шумных сбирашах, ночных клубах, компьютерах, длительных авиаперелетах.. Ну, и о семейных расприях, само собой. Даже если они не озвучены..

— А по какому принципу дети и родители соединяются?

— Радость душ, — просто объясняет консультант. — По принципу схожих вибраций. Чтобы потом, когда ребенок родится, успешнее

учить и учиться друг у друга. Минуточку... Простите, я должен вас не-
надолго оставить.

Я увидела, как он метнулся к одной паре, где пульсирующая связь меж-
ду шаром и мамочкой начала угасать, таять. Наверное, спасать ситуацию.

Ко мне в это время подлетел поближе один очень симпатичный
шар. Он пока не выпустил нити, просто завис, покачиваясь, передо
мной и чуть выше.

«Привет», — услышала я шепот у себя в голове.

— Привет, — ответила я.

«Я тебя слышу», — сказал он.

— И я тебя. Это... что-то особенное?

«Это значит, что мы в резонансе и можем общаться. И еще мы
можем выбрать друг друга. Знаешь, ведь все свободные души мечтают
найти себе подходящих родителей! Но все меньше родителей готовы
нас принять. Им или еще не до детей, или уже не до детей. А еще часто
вibrations неподходящие... Очень трудно встретиться».

— Да... Сейчас так бывает. Сначала образование, карьера, жилье,
финансовая стабильность, а уж потом...

«Но потом часто бывает поздно. Когда все пространство души уже
заполнено вещами, эмоциями и событиями, бывает, там просто не
остается местечка для ребенка».

— У меня есть местечко для тебя, и не только для тебя! Я как раз
сейчас расчищаю завалы прошлых ошибок, делаю генеральную уборку.
Ты придешь ко мне?

«Я приду. Ты поможешь мне адаптироваться в земной реальности,
научишь всему, что знаешь сама, позволишь мне выявить мои наклон-
ности и таланты и развить их. А я подарю тебе безусловную любовь,
которую принесу с собой. И мы сможем вместе проходить уроки жиз-
ни — ведь вместе и легче, и веселее!».

— Да, да, да! Я тоже этого хочу! Давай же поскорее устанавливать
связь! Постыдай мне свою нить, мое сердце открыто!

«Не сейчас — потом, когда ты окажешься по ту сторону прилавка.

— Я могу туда пойти прямо сию минуту!

«Не можешь. Тебе надо еще немножечко подготовиться. И мне
тоже».

— Нет, нет, погоди минуточку! Я сейчас!

Я лихорадочно оглядывалась по сторонам (да куда же он запропа-
тился, этот консультант!), а потом, махнув рукой, рванула к прилавку,
где мира — будущих деток и будущих родителей. И как только это прои-
зошло, сон стал таять, а я — выплывать из него в явь. И вот я уже сижу
на своей постели, удивленно тараща глаза, а в ушах еще звучит шепот:
«Тебе надо еще немножечко подготовиться. И мне тоже. Я ничуть не
сомневаюсь в реальности моего сна. Я была там, я еще вижу краски
и ощущаю запах торгового зала. И слышу слова той души, что вошла со
мной в резонанс!»

— Милая, дорогая душа! — шепчу я. — Я подготовлюсь. Честное
слово, я быстро подготовлюсь! Только ты, пожалуйста, не улетай дале-
ко. Подожди меня! Я уже скоро!

Я рассказываю Сказочнице про невероятно реалистичный сон,
и она явно довольна.

— Ну и отлично, у тебя уже формируется сказочное мышление, —
говорит она. — Теперь тебе куда легче будет разбираться со своими
таранами.

Я готова немедленно разобраться со всеми таранами в мире,
включая экзотических мадагаскарских. Ведь мне хочется как можно
быстрее оказаться по ту сторону прилавка, где родители ждут, чтобы
их выбрали.

Гла́ва 12.

ДЕЛО ВРАЧЕЙ-ВРЕДИТЕЛЕЙ

Мы продолжаем разбираться с обидами. Злая Сказочница, как всегда, умело находит самые больные места и с упоением начинает расковыривать мои едва затянувшиеся душевные раны. Но после моего исторического сна, у меня есть стимул поскорее их залечить, чтобы избежать ей поле деятельности, а лучше — вообще лишить ее такого развлечения.

На мужа я уже не обижаясь: я поняла и приняла свою долю ответственности. Если вы растите мужа, как ребенка, — значит, будьте готовы к тому, чтобы рано или поздно он захочет отдельиться, и вам придется отпустить его «в большую жизнь». Ничего не поделаешь, дети вырастают. Поставили птенца на крыло — и все, полетел... Да, я очень четко поняла, что мой муж занимал в моей жизни место ребенка. А когда место занято... ну, в общем, не буду даваться в длинные рассуждения: Злая Сказочница говорит, что нет смысла копаться вновь и вновь в том, что уже вскопано, удобрано и готово к посевной. Надеюсь, в этот раз я брошу в почву добрые семена!

Но медперсонал... Это моя больная тема. Мои семь кругов больничного ада, где «ангелы в белых халатах» пролетали редко-редко... а ведь они мне (и всем несчастным, опустошенным, страдающим женщинам!) были ой как нужны! Но мне вот попадались какие-то... врачи-вредители.

Еще из детства помнится: «Добрый лекарь Айболит, он под деревом сидит, приходи к нему лечиться и корова, и волчица, и жучок, и паучок, и медведица...» А еще я очень любила стихи Юнны Мориц, и был у нее такой стих про доктора-льва: «..ни капли холодного,

острого, злого! Без доброго слова, без теплого слова, без нежного слова — не лечат больного!» Я здоровый человек, у меня не было особых проблем общения с врачами до беременности. И когда случилась та же детский подход у меня были, когда я попала в больницу: я ждала внимательного, индивидуального отношения к себе, но — какие там «добрые слова» и прочие телячьи нежности! — меня принял медицинский рабочий конвейер.

Меня родители воспитывали на том, что сострадание и доброе отношение к болящему — это аксиома и что «люди в белых халатах» давали клятву Гиппократа и душу вкладывают в свое дело. Я еще помню передачу «Здоровье» с Юлией Белянчиковой, а потом ее сменила Елена Малышева со своими орлами-медииками, и у них все так добро, зу обратитесь к врачу! Я не занималась и обратилась сразу, и что?

...Когда у беременной женщины начинается кровотечение, она уже и так напугана. Это понятно: при нормальной беременности его быть не должно. Значит, что-то случилось, малыш в опасности! Разумеется, никто не будет рисковать и выжидать — сразу в больницу. А там...

Приемный покой. Тебя только что привезли на «скорой» и передали с рук на руки, но никто не бросается к тебе с каталкой и не кричит: «Скорее! Мы ее теряем! Срочно звоните, нужна донорская кровь!» Скорее всего, вам еще придется сидеть какое-то время в коридоре, на kleenчатой кушетке, и ждать очереди — я через это прошла. Никто на тебя внимания не обращает и лень не предлагает, всем наплевать — такое ощущение. А кровь все течет, течет, и ты физически ощущаешь, как из тебя по капле вытекает жизнь. Нет, две жизни — твоя и ребенка. И еще это похоже на песочные часы, потому что время тоже тонет, надежда на благополучный исход берет и твоя

Наконец приходит доктор, задает вопросы, проводит осмотр и сразу выносит безапелляционный вердикт: это начало выкидыша. Одно-значно, и точка (хотя столько женщин и при таком тревожном раскладе все-таки вынашивали и рожали ребятишек!). Ты, скула, сползаешь с гинекологического кресла вниз, мир рушится, тебе страшно, ты хочешь, чтобы тебе сказали, что все будет хорошо, но ничего такого тебе не говорят, там другие разговоры... как будто ты во всем этом виновата, такое ощущение, что тебя все тыкают мордачкой в эту ситуацию, как нашкодившего котенка... И еще при этом УЗИ сделала сразу никакой возможности нет, только на следующий(!) день... Мне кажется, что при таком приеме даже здоровая беременная начнет себя чувствовать плохо, а уж что говорить о напуганной кровотечением женщине?

Вот и спрашивается: что, если бы врач сказал при приеме, что попытаемся спасти, что, мол, положение серьезное, но будем делать все возможное — кому-то было бы хуже, что ли?? Это же не обещание, не гарантия, но такая моральная поддержка!

...Сразу после искусственных родов акушерка спросила, буду ли я смотреть на плод, я растерялась и замешкалась, а она по-своему поняла: «Да и правильно, чего там смотреть, смотреть там не на что...» — и шмяк в таз... только звук, но он до сих пор в ушах стоит... Вот где бы узнать, существуют ли какие-то инструкции или правила поведения персонала в подобных ситуациях? Несколько простых стандартных фраз: «сочувствуем», «мне жаль», «мужайтесь», «у вас будет время посоветоваться с родными», «вы можете попрощаться с ним» — их можно выучить наизусть за две минуты и применять в подобных случаях регулярно! А тут — «смотреть не на что»... как будто ничего и не было. Но он ведь был, целых шесть с половиной месяцев из девяти возможных, для него это почти целая жизнь! Как можно воспринимать его вот так, как вырезанный во время операции орган? Да, он умер, но смерть тоже требует уважения! Нет уважения к смерти — нет уважения к жизни. Я в этом уверена!

...И вот я уже в палате — так сказать, восстанавливаясь. Мне действительно какие-то уколы, ставят капельницы, лечат тело, а душа... душа медленно вплотьмах, и нет никого, кто помог бы ей найти дорогу к свету. По отделению деловито ходят рекламные агенты (памперсы, детские книги, медицинские препараты и прочее)... так странно — колбакарантин, а эти шастают даже в тихий час... Назойливые такие... однажды я увидела, что я вышла, когда она прямо у нас в палате показывала на то там фирмы, догнала меня в коридоре и попыталась мне лично рассказать об их замечательной продукции и увлекательном процессе пеленания новорожденного.... мне стало плохо... потом не помню...

До сих пор стоит перед глазами лицо заведующей отделением Сушняковой — кажется, Елена Сергеевна ее звали. Мне она вообще казалась бездушной, как робот. Разговаривает отрывисто, без эмоций, и ведь немолодая уже женщина, наверное, детей вырастила, может, и внучки есть, откуда же в ней столько безразличия? И я думаю, что все остальные врачи просто подражают ей — так сказать, «по образу и подобию». Да, они лечили мое тело, но до моей души им дела не было. Я их до сих пор про себя называю «врачи-вредители».

В общем, сами понимаете — медикам я теперь доверять не могу. Слишком горький опыт, слишком я на них обижена. Я ждала от них сочувствия и милосердия, какого-то разъяснения, почему это случилось и как этого избежать в дальнейшем. Ждала, но не дождалась ни ответа, ни хотя бы разговора об этом... Моя судьба, мое материнство, мой ребенок им не нужны и не интересны. Значит, и они от меня не дождутся.

— Сочувствия и милосердия жада, говоришь... — задумчиво повторяет Злая Сказочница. — Горький опыт, значит... Ну ладно, будет тебе «сладкий опыт». Побудешь по ту сторону баррикад.

— Где я побуду? — настороженно спрашиваю я.

— В «Сказке о врачах-вредителях»! — торжественно объявляет она. — В роли доктора Елены Сергеевны — кажется, Сушняковой? — наша замечательная Евгения!

Я не знаю, как она это делает. Несколько фраз, и у меня включается образное мышление, я переношуясь в другую картинку, начинаю думать и чувствовать совсем по-другому, не как обычно... и вот я уже ощущаю себя немолодой усталой докторицей, спешащей на работу хмурым осенним утром. Слякотно, скользко, муторно, серо. Слева и справа топрятся к метро такие же хмурые, недовольные, серые люди.

Я долго трясусь в вагоне, свободных мест нет, так что еду стоя, пересаживаюсь на другую линию, снова трясусь... Можно было бы на машине, но в это время наверху ужасные пробки, так что метро на-дежнее. Ффу-х, приехали. Поднимаясь на длинном эскалаторе, далее пяткалась минут пешком, и вот я уже вхожу в клинику. В вестибюле

у дверей мне преграждает дорогу мужчина. Он широкий, как речная баржа, напряжен, желваки играют на скулах. Я его уже знаю, у нас на сохранении лежит его жена, особыя крайне легкомысленная и не от-дающая себя отчета в серьезности положения.

— Доктор... как они? Есть изменения?

— Пока не знаю. Я же только что пришла.

— Но ведь с ними все будет нормально?

— Пока ничего не могу вам обещать. Надо закончить обследование.

— Так обследуйте же! — тихо рычит мужчина. — Какого черта вы

тинете?

— Дайте мне пройти, — устало говорю я, обходя его. — Я как раз иду делать свою работу, а вы меня задерживаете.

— Имейте в виду, вы мне за них головой ответите! — громыхает мне вслед мужчина.

Отвечу. Я — зав. отделением, я за все отвечу. Но должна ли я отвечать за то, что его благоверная, зная про угрозу выкидыша, продолжает

курить, забывает принять лекарства, целями днями трещит по сотовому (беременным вредно!!) и за пять дней уже дважды сбегала домой, несмотря на гипертонус матки и строгий запрет? Впрочем, вопрос родственникам, персоналу отделения, начальству, госпожнадзору, санэпидстанции и еще много кому. Ничего не поделаешь, я за все в от-

вете — работа такая.

— Елена Сергеевна, та дамочка, из VIP-палаты, недовольна своей кроватью и шумом в коридоре, — докладывает дежурная медсестра.

— По возможности удовлетворить, — распоряжается я. VIP — это отдельная история, они за свои деньги имеют право требовать и получать.

— Она вас хочет!

— Хорошо. Я зайду.

Я уже в кабинете, переодеваясь в белый халат и сразу ощущаю себя защищенной, как рыцарь боевыми достоинствами. Мне предстоит сражаться на стороне жизни против смерти и ее пристеников, всех возможных недугов — как бы высоколично это не звучало.

Звонит телефон. Беру трубку. Это начальство, и оно недовольно. Жалобе. Быть готовыми и во всеоружии. Ладно, нам не привыкать, жаловаться наш народ любит и умеет. Сейчас каждый индивид, независимо от профессии и образования, лучше знает, как лечить, как учить и как управлять страной. Вот и пишут...

Все, день закрутился. Планерка, обход, распоряжение, документы полчаса времени улетело, но все ужено. В коридоре меня ловит Колькова из пятой палаты — у нее безумные глаза, она просит:

— Боли не уходят! Они ни на минуту не прекращаются! Сделайте что-нибудь!

— Успокойтесь. Имейте в палату. Вам нельзя волноваться.

— Что вы меня успокаиваете! Мне все хуже! Я боюсь за ребенка!

— Главное — успокойтесь... Я распоряжусь, доктор к вам зайдет. Кольцова остается за спиной, я спешу по коридору. Я уже знаю, что ей не выносить ребенка до положенного срока; выход один — делать кесарево сечение, но хотя бы на пару недель позже, чтобы плод успел достаточно сформироваться: тогда больше шансов его выхолить. У меня большой стаж и хорошее чутье, в большинстве случаев я предугадываю диагноз и сразу могу сказать, как будет развиваться беременность. Но я помалкиваю, потому что правда может только усугубить и без того тревожное положение. А самое печальное, что я далеко не всегда знаю, как помочь.

Когда я начинала работать много лет назад, патологии беременности, разумеется, наблюдалась, но их было куда меньше. Сейчас — да, конвейер. Здоровая женщина, без проблем вынашивающая рожающую ребенка, становится скорее исключением, нежели правилом. В основном все нуждаются в медпомощи. Неправильное предлежание плода, гипертонус матки, токсикозы и отрицательный резус-фактор кажутся старыми добрыми знакомыми — хоть и неприятными, но понятными, с ними можно договориться и справиться. Но не они сейчас преобладают. По моим наблюдениям, внематочные, самопроизвольные аборты, невынашивание стремительно выходят на первый план. Обесплодии я уже вообще не говорю — гравийное бедствие. Матери не могут зачать и выносить своих детей. И хоть я медик и материалист до мозга костей, привыкла опираться на строго выверенные научные данные, иногда мне приходит в голову бредовая мысль: дети просто больше не хотят рождаться. Вот так вот, «верхи не могут, а низы не хотят», а мы, медики, должны изыскать способ примирить этот внутренний конфликт и сделать так, чтобы все началось и закончилось хорошо, и нам это по большей части удается.

— А-а-а-а!! Нет, нет, нет!!! — слышу я крик в коридоре. Потом топот ног, крик становится гуще... затихает. Послеродовой психоз.

Так бывает. К сожалению, теперь куда чаще, нежели во времена, когда моя карьера акушера-гинеколога только начиналась.

Слышать это тяжело. Я слишком хорошо знаю биохимию организма будущей мамочки, которая вся настроена на двоих. А если один из этих двоих внезапно перестает существовать, нужно время, чтобы все еще раз перестроились. Плюс стресс, плюс боли, плюс переживания, плюс чувство вины... из всего этого и прорастает послеродовой психоз. До революции в госпиталах были сестры милосердия, из монахинь. Они помогали, утешали, разговаривали, читали книжки, в конце концов... Сейчас этого нет. А психолог один на всю клинику — больше думаны скорее для западного склада ума, загадочной русской душе зачастую ими не поможет. Психолог же не Господь Бог, впрочем, как тяжелой психологической ситуации, но кто сейчас ищет в этом опору и поддержку...

На столе, в папке для бумаг, докладная: палатная санитарка Белых была отстранена от работы в состоянии сильного алкогольного опьянения, никакие выговоры и увещевания на нее не действуют. Текущка среди малшего медицинского персонала страшная — зарплаты невеликие, работа тяжелая. Теперь придется затыкать дыры, пересматривать отделении должна быть чистота, идеальная чи-сто-та!

Дверь кабинета распахивается, в нее решительно врывается Марчук из пятнадцатой палаты.

— Что у меня? — сверкая глазами, спрашивает она. — Почему

Мне никто ничего не говорит? Не смейте скрывать! Я должна знать!

У Марчук выявлено новообразование. Скорее всего, злокачественное. Она поздно встала на учет, поэтому и опухоль замечена

позадно — плаоду уже авацать недель. Но гистология еще не пришла, и я пока воздергусь от диагнозов и прогнозов. Вот когда будут все результаты обследования, тогда и будем принимать решение.

— У меня дочке семь лет, я ее одна воспитываю. — Глаза Марчук наливаются слезами. — Что у меня, скажите, ну пожалуйста!

Разговариваю, уговариваю, увещевая нарочито ровным, даже скучным голосом. «Надо потерпеть. Не надо раньше времени паниковать. Я все равно пока ничего не могу сказать. Я же не рентген! Дождемся результатов, потом поговорим. Идите, отдыхайте».

Марчук уходит, вроде успокоилась, больше не паникует. Я взяла ее панику на себя. Но, в отличие от нее, я-то точно знаю, что причины для паники очень даже есть... Но и надежда — тоже есть, так что будем надеяться.

— Елена Сергеевна, там к вам родственники Мурашовой...

— Через пять минут, хорошо? Мне нужно всего пять минут...

Пять минут мне нужно, чтобы подготовиться к тяжелому разговору. Врач ВСЕГДА испытывает чувство вины в случае смерти больного. Независимо от того, мог он что-либо сделать или нет. Зачастую это основной «камень преткновения» для врача — когда ему сложно общаться с родственниками умершего. Мамочки, потерявшие детей, тоже испытывают чувство вины, а если оно становится огромным до невыносимости, направляют его на нас, врачей. Обвинения — как стрель, а защита от них — белый халат. Ну и, конечно же, правило: НЕ ВКЛЮЧАТЬСЯ. Поэтому мы все стараемся выключать эмоции по максимуму.

Мурашова умерла вчера, во время родов: сердце не выдержало. А ребеночка спасли, мальчик, лежит в ковете, под наблюдением. Должен жить. А я должна поговорить с родственниками, объяснить им все, морально поддержать. Или высушивать их горячечные обвинения — и такое может быть. Должны были спасти, но не спасли. А у нее, тридцатилетней женщины, было вконец изношенное сердце, как у глубокой

старухи — когда только и успела его так истрепать? Разумеется, она обо всех возможных осложнениях знала (не могла не знать!) и была предупреждена она никого не слушает. А мы не боги, хотя иногда нам и удается родить чудо. Но в ее случае ничего нельзя было поделать. Только вот как объяснить все это убитым горем родным? Гостюм, дай мне сил...

— Вы — черствая, бездушная кукла! У вас на лице ничего не отражается! Вы же клятву Гиппократа давали, как вы можете! Вы должны объяснить ее спасти! Вы не врачи, вы вредители! — кричит мне кто-то из Мурашовых.

Да, у меня на лице ничего не отражается. Зато у меня все отражаются на душе. Она сейчас корчится и плачет. Она хотела бы провожать розовыми и голубыми ленточками, и получать букеты от обалделых растерянных от радости отцов. Она хотела бы победно рапортовать о том, что здоровье женщин с каждым днем укрепляется, динамика у всех положительная, а медстатистика обнадеживает. Она тонкая и нежная, моя душа, она любит жизнь. И мне приходится прятать ее за толстой коркой профессиональной невозмутимости и уравновешенности, чтобы не перегореть, не надломиться, не согнуться под эти гру兹ом, а завтра снова прийти на работу и руководить, лечить, спасать... а еще надеяться и верить.

* * *

... Господи, да что же это! Я уже не понимаю, кто я — женщина по имени Евгения, потерявшая двух своих детей, или пожилой доктор Сушнякова Е. С., пять дней в неделю проводящая среди болезней и боли и видящая гораздо больше горя, чем я могла бы вынести. Плохо и так, и эдак. Все как-то смешалось в моей белой голове.

И теперь мне (нет, не Жене — доктору Сушняковой!) хочется закричать: «Да поймите же вы: мы, врачи тоже живые люди! Да, многие

из нас далеки от аушевских проблем пациентов, но это — вынужденная мера. Это делает нас психологически устойчивыми к профессиональным нагрузкам (а они, поверьте, часто поистине запредельные), а внешне это выглядит как эмоциональная черствость к переживаниям людей. Нам приходится отключать чувства, чтобы вас лечить, иначе мы просто не выдержим! Простите, если сможете...»

Похоже, я все-таки закричала (или заплакала?), потому что Злая Сказочница мигом возвращает меня в реальность.

— Все, Жень, все. Путешествие окончено. Возвращайся в «здесь и сейчас».

Я возвращаюсь. Сижу, пытаюсь успокоить дыхание. Путешествие «по ту сторону баррикад» оказалось не простым. Да, хорошо обвинять врачей, когда ты сам пациент. Но когда побываешь в их шкуре... «Смогла бы я так работать?» — задаю я себе вопрос и сама же категорически отвечаю: «Нет. Не смогла бы».

— Правда жизни состоит в том, что жизненные ситуации, с которыми приходят пациенты в клинику, — вне компетенции врачей, которые там работают, — тихо говорит мне Сказочница. — Задача врача — оказывать адекватную помощь организму в сложившихся условиях. Целостная человеческая личность разбивается в медицинском сознании на части: жалобы, симптоматика, диагноз, лечение. Это — профессиональная необходимость. Все остальное — сверхуочно и если силы останутся. Жизненная ситуация человека, его переживания, вся эта сентиментальная область — все-таки удал роастивников, друзей, психологов и священников. Ты понимаешь?

Я понимаю. Теперь — да. Я сейчас ясно вижу, почему люди в таких местах вынуждены стать черствыми: иначе они не выживут в постоянном мире боли и страданий. И люди, которые в больницах работают, — это, по большей части, крепкие профессионалы. Но на душе от такой работы появляются грубые мозоли, чтобы была возможность не стиреть, еще кого-то лечить и еще кого-то спасать.

— И еще, я думаю, мы... они боятся **ПРИВЫКАТЬ**, — вслух распонахия, возникает эмоциональная связь, и ты начинаешь переживать за человека. А сейчас очень мало женщин рожают без проблем, почти у всех что-нибудь да есть, если не патология, то просто отклонения. За всех переживать — сколько же они протянут, врачи-то? Вот и дистанцируются, защищаются от горя.

— Верно мыслишь, — отзыается Сказочница. — Так что не суди врачей, девочка. Тут как в старом анекдоте про салун на Диком Западе: «Не стреляйте в пианиста: он играет, как может». Мы сейчас живем на чи — не исключение. Так что не суди, не надо. Это путь в никуда. Они работают, насколько их хватает, а требовать от них душевности... ну, подходит к своей работе по-другому и вкладывает в нее всю душу и на

только такие тебе и попадались. Все изменилось, поверилось, впереди Да, все изменилось. Что-то перевернулось в моей душе. До сих пор я требовала сочувствия к себе, теперь я (может быть, впервые в жизни!) испытала сочувствие к врачам.

— И что ты будешь делать? — спрашивает Сказочница. — Что ты вынесла из «дела о врачах-вредителях»?

— Не стоить их обвинять. От этого все равно ничего не изменится. Не стоит ждать от них того, что они все равно не могут (или не готовы) дать. Надо быть сильной и рассчитывать на себя, а полагаться на Бога. Или на Высшие Силы. В общем, кто во что верит. Вообще не имеет смысла надеяться на кого-то другого: ведь от них мало — А я тебе больше скажу, — говорит мне она. — Все, что появляется в нашей жизни, — «по образу и подобию». Ты создана для себя

очень неприятный образ «врача-вредителя». Ты наелася его особыми качествами: «честрственный», «сухой», «невнимательный», «нетрофесио-нальный», «грубый». Ну так, солнышко мое, считай, что твой заказ принят к исполнению! Такие медики, к сожалению, есть. Именно такие тебе и будут попадаться. Более того, в **ЛЮБОМ** докторе ты будешь искать и находить именно эти черты. Других ты просто не увидишь. Мой тебе совет: хочешь получить другой результат — погибди другим путем. Создай себе образ «хорошего врача». Придумай, каким ты хотел бы видеть его! И начинай его заранее любить. Любовь, которая послана нами, обязательно возвращается в многочисленных отражениях. Ты начнешь притягивать к себе совершенно других специалистов. И даже тех, которых ты раньше осуждала, увидаишь в новом свете. В свете любви все кажутся очень привлекательными и симпатичными! Попробуй — сама удивишься.

— Я обязательно попробую, — обещаю я.

Циничное равнодушие... преступная халатность... безразличие к результату... профессиональная безграмотность... Аутые авторитеты... обычная невнимательность... Да, это все существует! Но оно пройдет мимо, не задев меня. Я большие никогда не стану мыслями, страхами и действиями притягивать к себе ЭТО. И даже если оно войдет в мою жизнь, я сумею дать отпор, смогу выстоять. Я это точно знаю! Моя судьба, мое материнство, мой ребенок нужны и интересны в первую очередь мне самой, и я сделаю все возможное и невозможное, чтобы все сбылось.

Я сделала еще один шаг в свое счастливое будущее. Я буду стараться не терять голову, молиться и уповать на то, что мне посылают свыше посильные испытания. Жизненный путь у каждого человека не прост. Никто не знает, где запнется и что будет самым тяжелым испытанием. И будь ты врач, или пациент, или родственник — только с верой в душу можно пройти достойно ВСЕ, абсолютно все.

Глава 13. МОЯ ПЕРВАЯ СКАЗКА

Свершилось!!! Я написала свою первую сказку.

Это случилось после того, как я побывала в шкуре «врача-вредителя». Из этого путешествия я поняла, что теперь мы никогда не будем по разные стороны баррикад — я не стану противостоять себе тем, кто пытается мне помочь, теперь мы заодно. Это меня воодушевило: словно тучи разошлись, и надо мной раскинулось безоблачное небо. И я, осмыслив совет Злой Сказочки, поставила себе задачу: собственноручно создать, придумать образ «хорошего доктора» — вдумчивого, внимательного специалиста, такого, у кого чувства не отключены, а душевые мозги еще не наростили (или уже отвали!). Так родилось мое первое произведение (честное слово, до этого я о литературном творчестве и не помышляла). По правде сказать, я вовсе не думала сочинять именно сказку, это как-то само вышло. Я как раз намазала лицо и руки питательным кремом, сделала маску для волос, присела к столу, и... из меня полились слова и образы, и я не остановилась, пока не поставила последнюю точку. Сказку свою я называла:

Безоблачная палата

 Порошо, когда рядом есть настоящие друзья! Моя Ирка, на-пример. Ведь это она притащила мне то самое средство для волос, с которого и начались в моей жизни самые не-

вероятные чудеса.
Дело в том, что случился у меня мрачный период, называется «жизнь после развода». То депрессия, то агрессия, то все вместе — в общем,

все плохо. Сами понимаете, с каждым бывает. В голове все время крутились тревожные мысли, потому что я постоянно напряженно думала, как же мне из всего этого выбраться? Ну, видать, и донапрягалась — мои волосы обиделись и стали должно покидать привычные места обитания. Я сразу и не заметила, а вот Ирка — да. Приходит ко мне, вся такая озабоченная, и говорит:

— Ну, все, подруга! Хочешь переживать — переживай на здоровье, только волосы здесь причем? Ты и так у нас несчастная женщина, а если еще и лысая будешь — этого я не переживу: во-первых, как профессиональный парикмахер, а во-вторых, потому, что у меня на «жестики» аллергия. Так что давай если не тебя, то хоть волосы спасем!

— Волосы? А что с волосами? — обеспокоилась я. Посмотрела в зеркало, а там — мама дорогая! — А-а-а!!! — завопила я, хватаясь за остатки былой роскоши. — Нет, нет, нет, я этого не переживу!

— Переживешь, — говорит Ирка. — Потому что я твоим волосам подарочек принесла. Вот тебе эфирное масло, чтобы твоя голова для волос попривлекательнее стала. Через два дня на третий наносить на тридцать минут, потом смываешь — и все.

— Что — все? — спрашиваю.

— Вообще все. Новая жизнь у тебя начнется. Тебе потом и грустить не захочется, потому что масло чудодейственное, из Таиланда привезенное. Контрафактная продукция! Знаешь, сколько стоит?

Ирка сказала, сколько, — я аж попперхнулась: ну, за такую цену и я бы чудодейственной была.

— Ладно-ладно, выдохни и проморгайся, это тебе от меня в подарок, — поспешила уточнить Ирка. — А то знаю я вас, депрессивных, из всего проблему сотворите, даже там, где ее нет и быть не может. А у тебя сейчас одна настоящая проблема — выпадение волос.

В общем, благодаря Ирке я как-то отвлеклась от своих неразрешимых проблем, вернее, переключилась, потому что волосы для женщины

все равно важнее. Тем более что Ирка решила, что я такого стою, а это приятно!

Вообще-то Ирка всегда пытается меня разгорячить, вселить в меня здоровый оптимизм и веру в лучшее, но я всегда сопротивляюсь, мне слова — как об стенку горох. А вот масло — это что-то новенькое. Пожалуй, стоит попробовать.

Вечером открываю коробочку — там три капсулы, красивые танихи. Ага, значит, по капсуле на раз. Ну, приступим! Вскрыла одну, приятный... аромат просто замечательный, легкий, воздушный, очень Но на упаковке только иероглифы какие-то, ничего не понять. Ладно, потом у Ирки спрошу.

Вот я этим маслом всю голову щедро сдобрила, в остатки волос бучила. Смотрю в зеркало: красавица, конечно, — аж жуть берет! Но красота требует жертв, а меня все равно никто не видит — кого стесняться? Так, Ирка сказала, что наносить на тридцать минут, но нееет, раз уж за это заплачены такие бешеные деньги, я посплю с маслом всю ночь, чтобы эффект по полной программе проявился. С тем я и задремала, и вдруг... кто-то приятным голосом говорит над ухом:

— Здравствуйте! Вы — в эфире!

Я от неожиданности подскочила и не пойму: что, кто, в каком еще эфире?? Глядь, а вокруг-то обстановочка радикально поменялась: находясь я в палате какой-то клиники, причем явно элитной: все такое оборудование суперсовременное, потолок с подсветкой, ободрудование суперсовременное, потолок с подсветкой, ся, все как на подбор красавицы с ногами метр пятнадцать, а халатики у медсестер смешные, сзади крыльышки с моторчиком... Может, униформа такая, для детского отделения?

Моргаю и пытаюсь понять, как я скла попала, и брякаю первое, что приходит в голову:

— Я что, заболела?

Медсестры в смешных халатиках замерли и ко мне повернулись, а лица такие удивленные! А потом одна на кнопочку нажимает и говорит:

— Доктор Сон, зайдите, пожалуйста, в Безоблачную палату, тут что-то необыкновенное! Пациентка проснулась! Вопросы задает!

Доктор Сон... Ну и фамилия! Наверное, таинская? Да, скорее всего, какой-нибудь Сон Ду Хван... Но девушка по-русски говорила, значит, уж как-нибудь поймем друг друга.

А тут и мой Сон Ду Хван явился, и я снова удивилась. Больше всего он был похож на Айболита — невысокий, полноватый, щеки румяные и нос картошкой — приятный такой доктор, располагающий к себе. Но вот одет он был странно, в белый пухистый халат. При своей округлой комплекции очень напоминал кучевое облако.

— Доктор, а где это я? И как тут оказалась? — растерянно озираясь, спросила я.

Но он, казалось, был поражен не меньше меня.

— Красавица моя, что у вас на голове?

Я трогаю руками свою голову и понимаю, что у меня шапка с пакетом, а под ней Иркино масло из Таиланда. Зеркала нет, но я представляю, как нелепо я сейчас выгляжу!

— Понимаете, я лома была, маску для волос сделала, — торопливо начинаю я.

— Не волнуйтесь, вы и сейчас дома, — перебивает меня доктор.

— Как дома? Это не мой дом! — вот тут я вправду начинаю нервничать. — Мой дом выглядит совсем не так, и вообще...

Тут доктор Сон принююлся к аромату, исходившему от моей головы, и изумленно произнес:

— Но позвольте-позвольте... Разрешите снять ваш колпачок... Вот джем? А затем, видимо, уснули?

— Так оно и было, — подтвердила я.

У него особенные свойства. И теперь вы — в эфире...

— Да нет же! Эфир — это особенное место, куда душа улетает во время сна.

— А! Так я сплю?

— Не совсем спите. То есть даже совсем не спите! Тело-то спит, бодрствующем состоянии, это совершенно уникальный случай! Так что, будете все слышать и понимать.

— А потом? — я просто не верила своим глазам и своим ушам, но все было очень похоже на действительность.

— А потом вы пройдете по укороченной программе еженочных сеансов «Курс Терапии Нового Дня», который я вам прописал с момента состояния и хорошем настроении.

— Доктор, — взмолилась я, — объясните мне толком. Я ничего не понимаю. Это все-таки клиника? Или это что? И где оно находится?

— Ах, моя дорогая! Как бы это получше объяснить... Вы в Городе Снов, куда все люди во время сна попадают. Но, учитывая ваше духовное состояние, пока не в самом городе, а в пригороде, в Клинике Города Снов, на излечении.

— Так я все-таки заболела?

— Да, и уже довольно давно. Физические заболевания лечат в земных клиниках, а мы специализируемся на душевных. Помогаем перенести горе, вот так.

Тут я вспомнила о своем горе и мигом опечалилась. В тот же момент какой-то аппарат тревожно запищал.

— Ну вот, опять показатели ухудшились, — расстроился доктор. — Зачем же вы себя так терзаете?

— А я терзаю?

— Конечно! Все люди сейчас в Городе Снов, летают, обшиваются, во-плошают свои самые смелые мечты, а вы, дорогая, все в клинике у нас лежите, в Безоблачной Палате. Переносите и переносите свое горе, а видимых улучшений нет.

— Так как же я его перенесу, если оно такое непереносимое?

— То-то под его тяжестью вы так поникли... Ну ничего, вылечим!

Еще будете летать и мечтать!

— А как вы меня лечите?

— Пока человек спит, мы чистим все его мысли, вливаем позитивные энергии — батарейки, так сказать, меняем. Вот как и с вами: почистим — вроде все хорошо: начинаете ходить с расправленными плечами, даже морщинки разглаживаются. А под утро, перед пробуждением, вы хватываете свое горе под мышку — и назад в свою действительность, серую и мрачную.

— Разве я так делаю???

— Увы! Да и не только вы — многие. Лежат в нашей клинике те, кто в горе своем застрял и решил, что надо его всю жизнь нести. А о том, что они его в каждый НОВЫЙ день переносят, и не думают совсем.

— А как его нести надо?

— А никак не надо! Оставьте свое горе, зачем оно вам?

— Да я бы и рада, но как?

— А вы доверялись нам! Ведь наши сотрудники каждую ночь отдаляют жизнь от горя, сны ваши очищают. Небесные доктора делают все возможное и невозможное, сон ведь — лучшее лекарство, вот и лечим, так сказать, по полной программе, согласно самым передовым методикам. А уж фей-мелестры к утру так расслабятся: и рассвет покрасивей нарисуют,

и птицы попросят спеть что-нибудь особенно жизнерадостное и веселое, аппетит хороши для завтрака пошли, а кто зарядку делает — тому бонус: дополнительный заряд энергии. Ведь не зря говорят: утро вечера мудренее, чем правильное. А иногда некоторые наши феюшки, самые опытные, остаются на краю кровати, чтобы человек при пробуждении их сквозь ресницы увидел. Только тут время очень правильно нужно рассчитать, чтобы не испугать человека, пусть останется только воспоминание и вдохновение.

— И я так хочу!

Чтобы утром фея на краешке кровати сидела! — попросила я.

— Так и будет. Стоит только поверить в чудеса! Доктор Сон что угодно вылечит, и не сомневайтесь.

Бот на этом месте я сказку решила пока приостановить, потому что у меня от таких грандиозных свершений и так голова кругом шла. Перечитала то, что написала, — о господи, о чём это я? Куда меня несет? И все ли у меня в порядке с головой? Нет, надо бы с моей Злой Сказочницей посоветоваться..

— Скажите, откуда я все это взяла? — в легкой панике спросила я. — Какое-то масло чудодейственное... Небесная клиника... Доктор Сон... Я просто в шоке, я же ни о чём таком и не думала! А вот взяло — и написалось...

— Каналы почистились, — будничным голосом сообщила Злая Сказочница. — Чего удивляться? Раньше у тебя в голове всякая дурость варилась, а теперь освободилось место для сказок.

— Но это не опасно?

— Да уж не опаснее, чем себя травить плохими мыслями. Тебе что, плохо? Как самочувствие-то?

Глава 14.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД СНОВ

— Хорошее самочувствие, — прислушавшись к себе, доложила я. — И хочется написать продолжение. Я тогда чего-то испугалась и сказку наскоро свернула. Но у меня впечатление, что сказка еще не до конца родилась.

— Испугалась она, — проворчала Злая Сказочница. — Как дурью маяться да тоску зеленую распространять — они ничего не боятся.

Маяться да тоску зеленую распространять — сразу: «Ооой, страшно!». А как высшие каналы открываются — сразу: «Ооой, страшно!».

А как высшие каналы?

— А это точно были высшие каналы? Кстати, совет: Еще бы! Сказки по другим не транслируются. Кстати, совет: когда почувствуешь, что сказка рождается, не тяни, бросай все дела и записывай. Это как процесс родов — ни отложить, ни приостановить. Зато когда рождается — сплошное удовольствие!

— Вы, что ли, относитесь к сказкам, как к детям? — удивилась я.

— А как же еще? Конечно. Все, что ты сотворила, — твои детища.

А ты для них — и Родитель, и Творец, и Создатель.

— Я родила сказку... Надо же! — подивилась я. — Но все-таки, все-таки... Почему такой сюжет? Почему действие происходит во сне?

Вы не знаете?

— Знаю. Но не скажу! — с удовольствием сообщила Сказочница.

— Допиши сказку — сама все узнаешь. Доктор Сон тебе всё-о-о-о расскажет!

А что? И спрошу! Сегодня же вечером попробую написать продолжение... Интересно же, что там было дальше!

Бдохновение — штука капризная и является далеко не всегда. Потому что когда через пару дней я села за сказку, вдруг обнаружилось, что писать мне нечего. В голове было пусто и гулко.

Я дважды перечитала то, что написала раньше, — и ничего не произошло. Выпила чайку — ничего не изменилось. Попробовала выдумывать «из головы» — не выдумывалось. Сказочница звонить пока не хотелось — не могу же я всю жизнь опираться на ее авторитет! Да и опять, наверное, язвить будет...

— Эй, Бдохновение! Ты где? — негромко позвала я. — Приходи, напиши что-нибудь!

Бдохновение не отзывалось. Просто игнорировало меня!

— Ну и ладно! — надулась я. — Подумаешь! Не больно-то и хотелось...

Бдохновение никак не отзывалось, поэтому я, поразмыслив, махнула на него рукой и отправилась принять ванну. Напустила пену, насыпала ароматической соли, приладила на лицо косметическую маску и улеглась. И вот в самый неподходящий момент, когда я, зажмутив глаза, нежилась в теплой водичке, меня вдруг «накрыло». Да так, что я аж подскочила. Впечатление было, что Бдохновение влетело, как опаздывающий студент, роняя на ходу тетрадки и шпаргалки.

— Эй! Ты что? Я сейчас занята водными процедурами! — строго сказала я. Но не тут-то было: Бдохновение хотело творить, причем медленно. Но под рукой не было ни ручки, ни бумаги, ни даже dictaphone. А писать хотелось так, что даже ладошки зачесались! «Так вот ты какой, творческий зуд!» — пробормотала я, хватаясь за полотенце.

Через две минуты, наскоро вытервшись и укутавшись в теплый банный халат, я уже лихорадочно строчила продолжение своей сказки про Город Снов. Мне ничего не приходилось придумывать — я просто записывала, как стенографистка, как будто мне кто-то диктовал.

Город Снов

так, на третий день, перед сном, я, замирая от предвкушения, открыла следующую капсулу с ароматным маслом из

крою пленочкой и шапочкой, живите, растите и крепните... а смывать не будем, нет, ни за что... глядишь, опять приснится что-нибудь волшебное...» — шептала я, изо всех сил надеясь на чудо. И ведь не ошиблась!

— Ой, с прибытием, здравствуйте! — спешит ко мне медсестра в смешном крылатом халатике. — А вы молодец — выглядите гораздо лучше. Вот ваш доктор обрадуется! У вас наметился явный прогресс, совсем другая картина, энергия доверия к миру пошла. Терапия в эти две ночи оказалась успешнее, чем обычно. Думаю, уже совсем скоро мы завершим лечение и сможем отпустить вас в Город Снов!

— А что там, в Городе? — слегка растерявшись от таких новостей, спрашивала я. — Какой он?

— Он у каждого свой, — улыбается медсестра. — Это самое удивительное творение Мира. Там сплошные чудеса! Он существует в воображении, но притом вполне реален. В него может перенестись каждый, но удается не всем. В Город Снов попадают те, кто к этому готов.

— По-моему, я уже вполне готова, — говорю я. — Или нет?

— Или нет, — смеется медсестра. — Иначе бы вы давно уже получили постоянный пропуск в Город Снов.

— А что для этого надо? Мечтать, да?

— Мечтать мало, нужно действовать. Вот, например, человек погулял перед сном, музыку хорошую послушал или книгу

почитал — в общем, набрался позитива! — усну и сам собой оказаться в Городе Снов. А там все необычно, волшебно и невозможное возможно. Это как приятный бонус за правильный образ жизни. Можно получать ответы на волнующие вопросы, разрешать неразрешимые ситуации, встречаться и общаться с невероятными персонажами, мгновенно перемещаться на любые расстояния, путешествовать по разным мирам... И лежать можно свободно — многие так и делают. Это очень просто: раскину руки — и полетел!

— И я хочу летать во сне!

— Скоро полетите, вот увидите! Но для этого вам еще немножечко нужно повысить вибрации. Пока что вас горе к земле прижимает, не дает взлететь.

— Горе... А как оно меня прижимает?

— Видите эти пакеты?

Я оглянулась — да, в углу палаты было сложено много мусорных пакетов; я их еще в первый раз заметила, но как-то не решилась спросить, что это и почему у меня в палате размещено. Думала, так надо.

— Нет, так не надо, — словно подслушав мои мысли, покачала головой медсестра. — Каждую ночь мы вас чистим от негативных энергий и ваше горе собираем вот в эти пакеты. Но каждый раз, покидая клинику, вы упорно прихватываете пакет-другой.

— А зачем я это делаю?

— Наверное, вы лучше это знаете, — пожимает плечами медсестра. — Чем-то это горе для вас привлекательно... Но об этом вам лучше поговорить с вашим доктором.

— Кстати, а где он?

— Я тут! — провозгласил доктор Сон, стремительно влетая в палату. — Прошу меня простить: очень много пациентов. Люди совершенно разучились радоваться жизни и своевременно избавляться от негатива. Но ничего — всех вылечим, все поправим, на то и существует наша клиника!

Я очень обрадовалась, просто невероятно. Он был очень приятный и позитивный, этот доктор Сон. Я в него просто влюбилась!

— Здравствуйте, дорогой доктор! — радостно всплеснула я руками и.. взлетела! Честное слово, как будто поплыла, но только без воды. Так, прямо в воздухе, воспарила над кроватью.

— Любовь окрыля-а-ет! — пропела медсестра и, смеясь, исчезла из палаты.

— Ну, мы прямо семимильными шагами шагаем к выписке, да, милая моя? — бодро спросил доктор Сон. — Ах, какая молодец, какие успехи! Побольше бы таких пациентов, мы бы и число койко-мест сократили в два раза. Лучше бы вообще клинику закрыть, за ненадобностью, но это пока преждевременно. Будем лечить! Будем учить!

— Да, я тоже хочу излечиться и научиться, — сказала я. — Мы тут как раз говорили о горе. Мне сказали, что оно хранится вот в этих пакетах и что я каждый раз прихватываю пару пакетов горя с собой, в дневную жизнь. Это правда?

— Так и есть.

— Но зачем я это делаю?

— Наверное, чтобы им упиваться, — объяснил доктор. — Многие очень любят злоупотреблять горем. Запойные гореголики!

— Как Вы сказали? Это как алкоголики, что ли?

— Да, потому что механизм совершенно такой же. Человек попадает в зависимость от горя и уже не может без него жить. Он ни за что не согласится расстаться с горем и таскает его повсюду, чтобы всегда было под рукой. Кстати, от горя до алкоголя буквально один шаг — иногда и не заметишь, как одно без другого уже и не существует.

— Это когда люди горе алкоголем замывают?

— Пытаются. Но не получается. Потому что человек пропротрезвеет, а горе тут как тут: оно же никуда не делось, только силы набралось. Так что лучше и не пробовать.

— А разве люди не затем алкоголь принимают, чтобы попасть в Город Снов?

— Девочка моя! Да какой же Город Снов в алкогольном опьянении?? Какие полеты?? Недаром говорят «напиться и забыться», именно так оно и получается. Нет, в Город Снов могут попасть только те, кто действует осознанно и засыпает на высоких вибрациях.

— Доктор, я уже не в первый раз про это слышу: «вибрации, вибрации...». А что это вообще — вибрации? Почему они становятся низкими? И как их повышать? Вы мне объясните, тогда я пойму!

— Охотно. Вибрации — это та тональность, в которой звучит человеческий организм, волны определенной частоты, которые он распространяет вокруг себя. Если человек выбирирует на высоких частотах, он летает, парит и творит, он притягивает в жизнь позитивные события, все ему в радость, все получается, везде горит «зеленый свет». Настроение отмичное, энергии для свершений много, жить хочется, а ночи он проводит в Городе Снов и просыпается свежим, бодрым, отдохнувшим.

Другое дело — низкие вибрации. Если вы будете переполнены горькими мыслями, обидами, гневом и прочими «тяжелыми» чувствами, ничего хорошего в вашу жизнь не придет — просто испугается! И во сне увидите не волшебные города, а невнятные кошмары. Утром проснетесь — вроде как и не спали, и жизнь кажется маечкой, и мир — монстриошные разочарования.

— Нет, нет, нет!!! Я не хочу так! Не хочу быть запойным гореголиком. Это как-то лечится?

— Хороший вопрос, и я отвечу на него с большим удовольствием. Конечно, наше лечение уже приносит свои плоды: вы активно освобождаетесь от всего ненужного и вредного, что накопилось внутри. Все перемешивается вот в эти пакеты. Осталось только отнести их внейтрализатор и переработать. Но вот это вы сами должны сделать — такие

правила. Нейтралитатор реагирует только на желание самого пациента. Давайте, действуйте же поскорее! Вас ждет Город Снов!

— А что в этих пакетах?

— Негатив, разумеется. Упакованное горе. Тяжелые воспоминания, которые вы все таскаете за собой, как бесценное сокровище. То, что мешает текущему моменту радоваться. Да и не мудрено: эманации от них такие... тяжелые.

Я окинула взглядом заваленную палату... Эманации точно были — тяжелые и застойные, как в общественном туалете. Ффффу, гадость! Неужели это все я таскала за собой?! Даже не верится...

В палату вкатилась или вплыла тележка, а за ней медсестра-фея в халатике с крыльышками. С собой она принесла штуковину, очень напоминающую весы с чашками, которые на рынке до сих пор встречаются.

— Управлять нейтралитатором просто. Помещаете свое горе вот на эту чашу, а на эту — свое желание с ним расстаться, а потом на кночку жмете — и все нейтрализуется.

— Так просто? — удивилась я.

— Простота зависит только от вашего желания оставить все эти прошлые беды и невзгоды там, где и положено, — в прошлом. Если желание сильное, то нейтралитатор подействует. Давайте попробуем — это так интересно! — воскликнула медсестра. — Я — практиканка, недавно тут работаю и еще ни разу не видела, как это происходит.

Падать лицом в грязь перед подрастающим поколением мне показалось совсем неприличным, поэтому я тут же принялась за дело. Положив первый пакет, я остановилась.

— А где противовес? Где пакеты с желаниями?

— Желание не в пакетах. Оно по весу. Вот гирька, пробуйте!

Я взяла увесистую гирьку, поставила и нажала на кнопку. Но... ничего не произошло.

— Не получается, да? — доктор Сон возник как будто из воздуха, неожиданно, но очень кстати.

— Ага, — с разочарованием кивнула я. — Не понимаю: мне ведь так хочется расстаться с прошлым, я жму на кнопочку, а пакеты не исчезают.

— Возможно, ваше горе такое тяжелое, что перевешивает желание с ним расстаться? — подсказал доктор Сон.

— Может, лучше утаяжелить другую чашу весов? Положите на нее прошение и уважение.

— К кому, к мужу?

— Нет, к опыту! Мироздание так устроено: пока нет у тебя прошения и уважения к полученному опыту — ничего и не жди! Поначала — простила — отпустила.

— С каждым?! Да тут их не одна сотня! — я с ужасом окинула палату.

— С каждым следующим пакетиком будет все легче и быстрее, вы привыкнете, — утешил меня доктор.

Я схватила первый попавшийся под руку пакет и заглянула в него. Там был мобильник, а на экране высветилась та самая роковая смс. Меня бросило в дрожь, и на глазах выступили слезы... На плечо легла теплая рука доктора:

— Не бойтесь, это все в прошлом. Сейчас вы сильно изменились и способны управлять своей судьбой самостоятельно. Теперь никто и никогда не будет писать вам **ТАКИХ** смс, потому что будет ценить ветную смс.

— Доктор, но зачем писать-то? Ему сейчас и без моего прощения хорошо, он уже женился на другой, и у них там ребенок, при чем тут

я? — я понимала, что сейчас расплачусь, и слерживаала себя из последних сил.

— Так мы же во сне, вы просто проводите СВОЮ работу над ошибками. Не путайте с реальной жизнью. Мы иногда слишком уж включаем разум, а действовать нужно от сердца! — посоветовал доктор и испытуюше посмотрел на меня. — Или вам это горе настолько дорого, что вы намерены таскать его в себе всю жизнь?

— Ой, ну конечно не намерена, это же один из самых тяжелых пакетов! — с жаром воскликнула я и схватила телефон. Он оказался не таким, как в жизни, а мягким, как бисквит, и с приятным запахом шоколада. От этого стало немного легче, и я сочинила ответную смс: «Спасибо за такой чудесный подарок, свою любовь обратно принимаю с радостью! Желаю тебе (нет, СЕБЕ!!), в общем, себе-тебе счастья, здоровья и любви!!!» — последние слова я дописывала с улыбкой на лице. — Отправлять, доктор? — спросила я.

— Отправляйте, отправляйте, — кивнул он с одобрением.

Я нажала кнопку «Отправить», закрыла крышку шоколадного телефона, положила его на чашу весов, где гирька, и нажала кнопку. Пакет исчез. Я с удивлением хлопала глазами. Если честно, то я не ожидала такого быстрого результата. На душу стало легче, я схватила следующий пакет и поставила его на нейтрализатор. Ох, и этот тяжелый, зараза. Что же там? Ага, это мои обиды на докторов! Ну, это мы уже проходили, здесь я знаю, чем уравновесить...

— Ну, теперь вы и сами справитесь, а мне пора, — удивил меня доктор Сон своим предупреждением. Обычно он просто появлялся в воздухе и также по-английски исчезал. — Процесс пошел, наблюдаетесь положительная динамика. Продолжайте нейтрализацию! Побольше радости, креатива и позитива! Помните, в этих пакетах — ваш бесценный опыт и больше ничего. А опыт вы и так никогда не потеряете, для этого его не надо за собой таскать. Прощайте себя, прощайте, прощайтесь, прощайте...

...Я открыла глаза. Проснулась, значит. Это что же, я не успела столько всего сделать, теперь остальные пакеты так и останутся со мной?

— Не останутся, — засмеялась мелестра-фея на краю кровати и растворилась в воздухе. Я села на кровати. Ну конечно, никаких фей не просто сон, я получила от жизни большой-пребольшой подарок — урок, как по-настоящему полюбить себя! И это просто чудо, это действительно изменило мою жизнь за десять дней, как и обещала Ирка. ...С этими мыслями я встала и впервые с момента развода вышла на балкон и села на стул. За окном был рассвет. Розовый, золотой, голубой и перламутровый, очень нежный и переливающийся, как шелк на ветру. «А ведь я всегда мечусь, вся в своих мыслях и делах, пытаюсь все успеть. А для кого тогда медсестры-феи рисуют такое красивое и такое разное небо?» — подумала я и сама удивилась тишине внутри своей души. Моеи душе было радостно и спокойно. «Может, это и сон, но тогда я хочу, чтобы он мне снился как можно чаще! — подумала я. — Хочу уравновесить прошлое горе нынешней радостью. И пусть нейтрализуется все, что мешает мне жить и быть счастливой!»

— Да ты, оказывается, вон какие таланты скрывала! — с изумлением в голосе говорит мне Злая Сказочница. — Сказка — супер! Горжусь знакомством!

— Сама не знаю, как у меня получилось, — смущенно говорю я. — Никогда ничего подобного не делала.

— Все когда-нибудь происходит впервые, — с улыбкой говорит она. — Стоит перестать быть Жертвой, и сразу появляется возможность стать Творцом.

— Ох, не знаю... Это же всего лишь одна сказка, — сомневаюсь я.
— Первая сказка. Первая! — с нажимом говорит она. — Теперь тебе есть чем поделиться с миром, и дело пойдет. Добро пожаловать в Сказочную Жизнь, моя дорогая!

В Сказочную Жизнь... боже, как приятно это слышать! Я очень хочу в Жизнь, где всегда есть волшебные помощники, где то и дело происходят чудеса и где все всегда заканчивается хорошо, а добро побеждает зло. Как в сказке!

Я уже другая, друга-ая, друга-я-я!!! Я распеваю эти слова в душе и на кухне. Я убеждаю себя в этом каждую свободную минутку. Разум, душа и тело должны действовать заодно, и пением я их вдохновляю.

Моя апатия ушла в прошлое — я делаю зарядку и пробежку по утрам, я стремительно обретаю прежнюю форму. С каждым днем я чувствую, что энергия прибывает, а вместе с ней и интерес к жизни возвращается. И немудрено: ведь у меня появился мощный мотив — разобраться в своих ошибках и изменить линии судьбы. На многие вопросы ответы уже пришли, но вот один мучает меня до сих пор, и это очень трудная тема. Думаю, не только для меня...

— Отлакивать не родившегося ребенка или нет? Он ангел? Это был все-таки уже ребенок или еще не совсем?

Когда я говорю об этом, я чувствую шемящую нежность, и жалость, и беспомощность, у меня голос начинает дрожать и на глаза наворачиваются слезы.

Но Злая Сказочница, как обычно, мигом слергивает меня с небес на землю.

— А ну, кончай себя жалеть! Все эти рыдания-страдания ты себе придумала, чтобы нервы пошкодить. Я в эти игры не играю, имей в виду. Ну, злыдня... Всю сентиментальность как рукой сняло, теперь я обижена, возмущена и булькаю от негодования. Я ей тут самые интимные переживания доверяю, а она...

— О, нормально, энергия пошла, — с удовлетворением констатирует Сказочница. — Когда ты злишься, у тебя разум включается. А то: «Ах, ох... куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?»

Глава 15. НАЧАЛО СВЕТА

— Как вы можете над этим смеяться? — возмущенно говорю я.

— А с чего ты взяла, что я смеюсь? Я вполне серьезно. Навыдумывают себе каких-то ангелов, а потом слезы льют, последние смытыми перекрывают.. Хватит заниматься ерундой!

Теперь я переполнена холодным негодованием. Да как она смеет так — о святом!

— Кстати, уточни, пожалуйста: а что такое для тебя «совсем ребенок»? — задает каверзный вопрос она. Я беру себя в руки и начинаю формулировать:

— Ну-у-у... Когда он двигается, пишит... глазками моргает, лицо морщит... когда его потрогать можно, на руки взять.

— Собственно, ты сама и ответила на свой вопрос, — безжалостно заключает она. — Значит, «не совсем». Для тебя это так, и мне добавить просто нечего.

— Но я же его сразу, еще в животе, воспринимала как ребенка! — протестую я.

— Ты уже подумай и наконец-то определись, — сурово сдвигает брови она. — Сама себе противоречишь. «Воспринимаю как ребенка», но в то же время ощущаю как «не совсем ребенка». А в общем, если хочешь знать, это противоречие легко объяснимо. Ты его спешально придумала, чтобы как можно качественнее пострадать. И это тебе вполне удается!

— Ничего я не придумывала, — недовольно бурчу я. — И не для того, чтобы пострадать. Я просто запуталась...

— Давай попробуем распутаться. Я думаю так: ребенок, даже если его тело еще не сформировалось, — уже ребенок! Нас действительно сильно запутал медицинский подход к внутриутробному периоду жизни человека, такие понятия, как «эмбрион», «плод», «изгнание плода»... Это нивелирует чудо развития новой жизни, превращая его в рядовой биологический процесс. Но все-таки новая жизнь начинается в момент слияния материнской и отцовской клеток. Решение принято,

процесс запущен. С момента зачатия ребенок — уникальное существо, которого никогда раньше не было в истории человечества и никогда не будет снова. Ну и что, что он прожил такую маленькую жизнь? От этого она не становится менее ценной.

— Да, да, да, — лепечу я. — И я так чувствую!

Му ребенку, и оплакать его ты имеешь полное право. Горе — это способы восстановиться после потери, а боль — это символическая плата за исцеление. Но нельзя платить всю жизнь, это тебе не ипотека.

Я пропускаю «ипотеку» мимо ушей: то, что она говорит, расставляет все по своим местам. Да, каждая беременность уникальна, да, это был, может, и не «совсем ребенок», но «совсем человек», да, я понимаю, что горевание нужно не ему, а мне — чтобы выпустить из себя все эмоции, всю боль и снова жить.

— Горевание — это важная часть отпускания, — продолжает Сказчи. Они приходили на похороны и кричали по покойнику. Не просто искусно сплетали слова в образы, умело взвинчивали чувства, так что все кругом тоже включались в плач. Рыдали, выпускали свое горе, освобождались от него. Это нужно, чтобы не застремлять и жить дальше.

— Сейчас, как я понимаю, профессии такой уже нет, — отвечаю я. — Это значит, каждый теперь сам себе плачальщик?

— Получается, так. К любому расставанию, к любой потере надо подходить осознанно. Признать факт потери. Пережить боль потери. Выстроить новое отношение к утраченному.

— Факт я признала, даже дважды. Боль... ну, переживаю. А вот новое отношение — это как?

— А новое отношение выстраивается в процессе нашей работы. Разве нет?

— И все-таки... Как представляю, что мои ангелочки смотрят на меня сверху, такие пухленькие, кудрявые, с крыльшками... не могу сразу рыдания душат.

— Опять авадать пять... С чего ты, собственно, взяла, что ребенок — ангел? — обреченно вопрошают меня Злая Сказочница.

— Как «с чего»? — Я в замешательстве: а действительно, с чего? — Ну, так говорят... Принято так считать...

— Мало ли что говорят и принято считать, — пожимает плечами она. — Ты первоисточник читала? Библию, Священное Писание? Где там хоть одно упоминание, что дети и ангелы — одно и то же? Нет его! Ангелы описаны как бесплотные существа, называемые Небесными Силами, они имеют ум, несознанно превосходящий ум человека, собственную личность и наделены свободной волей. Земного материального тела не имеют, не подчинены земным законам времени и пространства, бессмертны. Цель и смысл их существования — любить Бога, прославлять Творца, а также нести в наш земной мир волю Всевышнего — быть вестниками Бога на земле. Кстати, «ангел» слово греческое, переводится как «вестник». Цитирую по памяти, но очень близко к оригиналу.

— Но на картинах великих мастеров, опять же, ангелы — детки с крыльшками, — слабо обороноюсь я.

— Вздор! — отрезает она. — Ангелов в искусстве изображают также в виде прекрасных юношей, в виде светоносных фигур и одиннадцати столпов, в общем, кто как придумает. Ну надо же как-то изобразить бесплотное и бесстелесное существо! А вот зачем ты себе придумала, чтобы твой ребенок теперь был ангелом?

— Ну, мне так легче... вроде бы он теперь оттуда, сверху, меня охраняет.

— Ну ты этониистка! — изумленно крутит головой она. — Только о себе и думаешь. Охранять ее, видите ли, надо! А то, что ему заново вспоминается нужно, — об этом ты не подумала? Стало быть, вместо

этого, пока ты тут будешь переживания переживать и слезы по нему лить, он должен бессмысленно над тобой порхать и осипать одноразовыми платочками? Ха-а-арошеньку же судьбу ты ему уготовила!

— Ничего я такого ему не желаю! — сконфуженно возражаю я. — Хотеть воплощаться — пусть воплощается, я разве против?

— Вот-вот! Нечего его удерживать и мешать ему жить. «Дать жизнь» — это не просто родить. Дать жизнь — это отпустить, перерезать пуповину, при рождении, позже, в отрочестве, — в содружестве, — в содружестве: впервые материю выпадает и такой нелегкий удел — отпустить в мир иной. Так не держи его сейчас, отпусти его, подари ему жизнь! Тебе кажется — это конец света, но любой конец — это одновременно и начало. Понимаешь?

— Не очень.

— Положи минутку. Сейчас, наайду и скину тебе... Готово. Открыла? Читай. Ты уже умная, так что поймешь.

Это, разумеется, опять сказка. Только какая-то необычная, не простая и местами даже непонятная. Но она вызывает во мне волнение, будоражит и тревожит.

Конец Света

Посвящается всем, кто ушел, и всем, кто родился.

Тогда-то неподалеку громыхнуло, и по поверхности мира прошла дрожь. Я остановился и поднял глаза, всматриваясь в Купол Неба. Там угадывалась какая-то рябь и хаотическое движение, словно Купол растягивался и скимался, из последних сил сохранивая свою привычную форму. Похоже, все-таки не смог: небо suddenly выгнулось и стремительно полетело вниз — туда, где были я побежал. Я не оглядался, не до этого было. Я молился — как умел,

бормоча слова, которые первыми приходили в голову. «Мир, ты всегда был добр ко мне. Почему же ты ополчился на меня сейчас? Что я такого сделал? Чем я прогневал Купол??» Закончить мне не дали: новая судорога сотрясла мир, меня встрихнуло и сбило с ног, и я покатился по склону вниз, увлекая за собой тысячи мелких камешков. «Ну, все...» — успел подумать я, кубарем катясь вниз.

— С прибытием.

Голос раздался совсем рядом и был негромким и, по-моему, слегка насмешливым. Я перевернулся, сел и открыл глаза. Он сидел на камне, поджав одну ногу и обхватив руками колено, и рассматривал меня. Это был мужчина, не слишком старый и не очень молодой, в свободном белом костюме, открытых сандалиях, с длинными волосами, схваченными ободком. Обычная одежда, сейчас полмира так одевается.

— А куда я прибыл?

— На край света.

— Ааа... Мне-то казалось — на край жизни, — неловко пошутил я.

— Можно и так сказать, — серьезно кивнул он. — На краю света жизнь тоже становится тонкой и хрупкой. Всегда так бывает. Но и к этому можно привыкнуть...

— Ты здесь живешь? — спросила я.

— Нет. Я здесь работаю.

— Кем?

— Спасателем.

— Тогда я по адресу, — сказал я, вытирая кровь с поцарапанного подбородка. — Спасай меня поскорее.

— А что с тобой случилось?

— Со мной все в порядке — что-то случилось с миром. Все кругом рушится, а Купол Неба перестал быть надежным и твердым, он падает на меня, как будто хочет раздавить.

— «Качнется купол неба, большой и звездно-снежный, как здраво, что все мы здесь сегодня собрались», — пропел он. Песня была

незнакомой, мелодика — непривычной, но в целом мне понравилось, я даже немного успокоился.

— Может, я сошел с ума. Или это мир сошел с ума? Мне кажется, что он меня возненавидел и хочет уничтожить.

— Да? А как?

— Землетрясения. Наводнения. Вулканы. Смерчи. Тайфуны. Камнепады. И раньше бывали катаклизмы, но редко и далеко. А теперь... второй всегда был вечным и незыблемым, теперь мне угрожает... Я рехнулся, да?

— А твои близкие что говорят?

— Они ничего такого не замечают. Или кажется, что все как прежде и идет своим чередом. Поэтому то жалеют меня, то сердятся. А ты — ты-то видишь, что мир сошел с ума?

— Вижу, — задумчиво сказал мужчина. — Твой мир действитель но перестал быть комфортым... для тебя. И он выталкивает тебя. Да, это так.

— И что это значит?

— Все просто. Твое время здесь подходит к концу. Пора покидать этот мир...

— То есть...

— Меня ожидает верная смерть?

— Ну, можно и так сказать. Хотя, опять же, — с какой стороны посмотреть.

— Да с какой стороны ни смотри, смерть — это конец.

— Конец одного сна. Начало другого. Возможно, на той стороне тебя ожидает не верная смерть, а верная жизнь.

— Ты хотел сказать «вечная жизнь»?

— Или так. Это просто игра слов.

— Да, это все слова. Болтология.

— Ты прав. Пока сам не попробуешь — это и будут только слова, пустое сотрясение воздуха.

Снова послышался гул, Купол Неба накренился и пополз в сторону а земля напряглась, выгнулась, заходила ходуном. Я успелся за ближайший камень и уперся ногами в другой. Удалось удержаться, пока длились судороги мира.

— Практически каждые десять минут, — пожаловался я. — Вернее, так было вчера. Теперь, пожалуй, даже чаще.

— Скоро интервал еще больше сократится, — пообещал Спасатель. — Когда будет через каждые три минуты, с равными промежутками, Ты не сможешь здесь оставаться. Но пока что у нас есть время. Так что страшивай.

— А ты чего это такой спокойный? — спросил я. — Конец Света, мир рушится, а он сидит тут.. Не боишься, что ли, смерти?

— Мне еще рано бояться, мой Конец Света еще не скоро, да и вообще — я на работе. К тому же это твой мир рушится, мой — в порядке.

— Как такое может быть? Мир одинаков для всех.

— Ничего подобного. Мир — это набор элементов для построения снов. Каждый строит свой сон.

— Хочешь сказать, это я мирно сплю? — саркастически спросил я, растирая ушибленное колено.

— Да нет, мирно ты спал раньше. Сейчас твой сон стал тревожным. Колбасит тебя.

— Кол... басит? Это что?

— Не обращай внимания. Словечко такое... на диалекте одного далекого племени. Запомни его, может, пригодится. Я тебе другое пытаюсь втолковать: вся наша жизнь — она вполне реальная, и в то же время она — твой собственный сон. Вот тебе кажется, что ты долго бежал из родных мест, преодолел кучу препятствий, ушиб колено и разодрал в кровь подбородок, а на самом деле ты сейчас лежишь где-нибудь в безопасном месте, уютно свернувшись в клубочек, палец сосешь и видишь сладкие сны про то, как ты бежишь, преодолеваешь, падаешь и так далее.

Небо снова хнуло и затрепетало, готовясь обрушиться на мою голову. Сверху глох зарокотало и посыпались камни.

— Не бойся, это же только сон, — поспешил успокоить меня Спаститель.

— Ну да, сон... — проворчал я, ощупывая шишку на макушке — камень «из сна» безошибочно нашел цель. — Чтоб тебе такие сны снились...

— Придет время — приснится, — улыбнулся он. — Не гарантирую, что один-в-один, но это у всех бывает более-менее похоже.

— Значит, по-твоему, я сейчас где-то там сплю, свернувшись калачиком. Тогда почему мне так плохо? Почему мир, всегда такой добрый и щедрый ко мне, вдруг перестал меня любить? За что он изгоняет меня? Я ведь сейчас реально страдаю!

— Страдаешь, потому что тебе страшно и не хочется уходить с на-мываешь. «Не любит...», «изгоняет...». Любят! Приводят! Стимулируют к росту!

— Бульжником по темечку?

— «Бульжник — оружие пролетариата», — непонятно изрек Спаститель. — Тебя бульжником по кумполу не отмотивирай — ты ж разве войдешь в Пещеру?

По спине скользнула непрятный холодок. Пещера... то, что ожидает каждого в конце жизненного пути. То, о чем каждый может знать только понаслышке, потому что из Пещеры еще никто никогда не возвращался.

— Похоже, мне уже не отвертеться?

— Точно, — кивнул Спаститель. — Только ты не бойся. Пещера новая, скоро кончится. Просто или на свет. Выберешься, а там... Там

— Мне и старая нравилась, — непримиримо пробурчал я.

— Вот чудак-человек! Да ты же новой еще не видел! Может, она в сто раз лучше этой!

— Потому что сжимаясь с этой болью, — объяснил он, рассматривая вынутую занозу. — Да, маленькая, а вредная. Хорошо, что ты с ней расстался. Зачем тебе в следующем сне проблемы с сердцем?

— Еще меня мучает то, что я не успел попрощаться с мамой.

— Передай, чтобы она не переживала за меня. Что я был не очень внимательным сыном, и что мне жаль. Если бы все начать сначала, я бы уделял ей больше времени и не стеснялся говорить, что я ее люблю.

— Считай, что послание уже у нее. Впрочем... там у тебя будет возможность сказать это лично. Встретится еще...

— Ну, тогда, пожалуй, все. Слушай, а почему ты меня не спасаешь, Спасатель?

— А я что делаю? — удивился он. — Я помогаю тебе пережить конец света с наименьшими душевными и физическими потерями.

— А он еще долго будет длиться?

— Пока не перестанешь сопротивляться. Расслабься и позволь миру довершить начатое. Разреши своему сну просто быть. Доверься Куполу!

Мир взмыл, выгнулся дугой, свалил меня с ног, и я кувырком покатился к Пещере. Я больше не сопротивлялся — доверился. Делай, что должно, и будь что будет. А что должно, если наступает конец света?

— Прошай! — успел я крикнуть Спасателю.

— Прошай! — отозвался он.

Я почему-то думал, что по Пещере меня понесет неведомая сила, но вышло не так. Пещера оказалась тесной и душной. Я попытался развернуться, посмотреть назад — ничего не получилось. Я замер, радуясь оттыху и тишине. Оказывается, Пещера — это не так уж страшно. Можно полежать, поразмыслить... может, даже поспать...

Как бы не так! Стенки Пещеры задрожали и стали угрожающе сжиматься, словно пытаясь меня раздавить. Видимо, катастрофа там, наверху, сдвигала и какие-то глубинные пласти. Я активно заработал

всем телом, продвигаясь вперед. Спасатель говорил, что Пещера немногая, и стоит поскорее ее преодолеть. Не знаю, что там, на выходе, но если уж умирать — то на просторе.

Вскоре я пристособился к ритмам Пещеры. Она успокаивается — я отдаюю. Она начинает шевелиться — я изо всех сил ползу, извиваюсь, как червяк.

Здесь, перед мгновением смерти, перед мной пролетела вся моя жизнь. Странно было вот так, со стороны, наблюдать за самим собой. А жизнь-то оказалась очень даже ничего! В ней было много всего — хорошего и плохого, но сейчас мне все казалось хорошим. Потому что там я жил во всей полноте, и все мелкие неприятности, которые когда-то казались мне чуть ли не концом света, были всего лишь скользкими поворотами моего же придуманного сна. Я ясно понимал, где я стоял перед выбором, и почему принимал те или иные решения, и то, что ошибки вовсе не были ошибками, а враги, по сути, были учительчики... многое что я успел передумать, пока длилась Пещера. Кое-где я застrevал, замирал в изнеможении, но Пещера не давала сильно расслабляться: она вновь начинала сокращаться, подталкивая меня... куда? — наверное, на выход...

Спасатель оказался прав: это длилось не так уж долго. Впереди мелькнул свет, я рванулся к нему... еще и еще... и вот уже моя голова вывалилась наружу. Глаза резанул острый, ослепительный свет — совсем не такой, как в моем родном мире. Я зажмурился и замер. Но никто не заставил бы меня вернуться в Пещеру, и я отважно ринулся туда, наружку. Я бы упал, но добрые руки мира подхватили меня. Вот странно — я чувствовал свое тело, но не мог в полной мере владеть руками и ногами: они меня не слушались, двигались неуверенно и беспорядочно. «Сломан позвоночник?» — панически подумал я, разлетаясь веки. Передо мной маячило что-то размыто-белое, живое. Опять Спасатель?

— Ууууу... ггтуууу... — вокруг раздавались низкие гудящие звуки, которые я доселе не слышал, просто не с чем было сравнивать. Мне стало страшно, захотелось крикнуть, но язык тоже не слушался... звук

резанул слух — как пальцем по мокрому стеклу, это я, что ли, такое из себя исторгаю? Я в панике задергалася.

— Тише, тише, — прошептал голос. Я сразу узнал Спасателя. — Не надо так волноваться, дружище. В новом сне все по-новому, надо сначала привыкнуть.

— Я ничего не вижу: нет резкости, — попытался сказать я, но язык меня не слушался — получалось какое-то невнятное блеяние. Но он понял.

— Спокойно. Слушай меня. Конец Света уже закончился, началось кое-что принципиально новое. Ты прошел Пещеру, и это уже совсем другой мир и другой сон. И Купол здесь совсем другой — высокий, обширный, нежного голубого цвета. Зрение, слух и прочие функции еще какое-то время будут казаться тебе странными — нам понадобится время, чтобы закончить настройки. Пусть тебя это не тревожит. Захочешь есть, пить, спать — подай звуковой сигнал, тебя поймут. Помни: мир по-прежнему добр. Расслабься и получаи удовольствие.

Я расслабился и закрыл глаза, позволяя миру укрыть меня чем-то теплым и положить на что-то мягкое. Странно: я ощущал, что Купол, который совсем недавно меня исторг, выдавил из жизни, где-то совсем рядом, но я теперь не под ним, а над ним. Я — вне мира? Но тогда — где я? Я умер? Но я же живой!!! Впрочем, чего удивляться? — сон как сон, надо просто в него погрузиться, отдаваться его течению, куда-нибудь для выплыть.

Вокруг меня кто-то был. Я их не видел, но чувствовал. Среди них и впрямь были те, кого я уже знал — когда-то, в прошлой жизни. Это точно, я чувствовал их. Я не мог их слышать, но ощущал — кожей, душой... Похоже, я стал куда чувствительнее, чем раньше. Все было как-то по-другому... это необходимо исследовать.

— Ты пришел. Мы тебя любим. Мы снова вместе, — шептали голоса, в которых я узнавал знакомые вибрации. Мы явно уже встречались. Или мне это кажется? Сознание ускользнуло,

размыкалось, ужасно хотелось спать. Меня положили на что-то тепл и невыразимо приятное, связанное с домом и едой, и я с облегчением расслабился и затих.

— С прибытием! — сказал Спасатель. — Счастливо оставать и до следующей встречи!

Какое-то время я молчу, осмысливая и переваривая эту историю (почему-то язык не поворачивается назвать ее сказкой!).

— Это описывалась смерть? Или рождение?

Злая Сказочница молчит.

— Но получается, что процессы очень схожи! И там, и там — сне тоннель и переход, свет в конце, и... Так я не поняла — он умер или родился?

Она молчит.

— Или... Но тогда выходят, что смерть и рождение — это вообще попадаем в другой? И этот круговорот бесконечен?

Она улыбается.

— Так мои малыши... они живы?? Просто живут не со мной, а где-

то в другом месте? Выходит, смерти... нет?

— Смерть-то есть — небытия нет, — наконец размыкает свои уста Сказочница. — Уходя, невозможно попасть «в никуда». Обязательно «куда-то». Это недоказуемо, но я в это верю. Если хочешь, верь и ты.

— Мне пока трудно сказать, насколько я в это верю, — говорю я. — Но точно могу сказать: если им сейчас хорошо, то и мне легче. Наверное, любой мамочки было бы приятно знать, что у ее детей все в порядке?

— Да, моя дорогая, конечно! Но при этом нужно уметь отпускать.

Ведь дети однажды уйдут, и надо помнить: это не конец света. Это начало нового. Для всех — и для детей, и для матери.

— Для меня это все еще сложно принять. Умом-то понимаю, а вот сердцем... Но я буду стараться! Я буду готовиться. Мне понравилось, что конец света — это вовсе не конец, а только начало. Есть в этом какая-то точка опоры!

— Бывает так, что нам трудно отделиться от чего-то или от кого-то, — говорит Сказочница. — Обычно это то, с чем связаны дорогие нашему сердцу воспоминания или личное благополучие. Это называется «привязанность», и многие считают это хорошим качеством. Но это не так. Привязанности, наполняя нас изнутри, маскируют нашу душевную пустоту. Если то, к чему мы привязаны, исчезает из нашего поля зрения, нам плохо: нет ни точки опоры, ни смысла жизни. А то, от чего мы вплыли в зависимость, у нас обычно забирают. Тем или иным способом. Прости, если сделала тебе больно.

Ого, что-то новенькое... Она впервые озабочилась тем, больно ли мне... Но мне уже не больно. Грусть, сожаление, горечь потери — да, это есть. Но так всегда бывает, когда теряешь что-то чрезвычайно дорогое.

— Вопросы есть?

— Только один. Главный! Так я смогу все-таки выносить ребенка? — с надеждой смотрю на нее я.

— Не знаю, — задумчиво качает головой она. — Может быть, да. А может быть, и нет. А что ты будешь делать, если все-таки НЕТ?

Я молчу. Если честно, временами я ее ненавижу. Только я обрету какую-то надежду, она тут же меня «приземляет». И что за методы у этой Злой Сказочницы? Но я не знаю, что отвечать. Вернее, я знаю, что я буду делать, если «да». А вот если «нет»... даже думать об этом не хочется.

— И все-таки подумай, — советует она. — Это нужно. Это важно. Это домашнее задание. А завтра мы об этом поговорим.

Глава 16. ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТИ

Я честным образом выполнила домашнее задание. Я почти не спала — размышляла на заданную тему: что же будет, если я так и не смогу родить.

Должна искренне сказать: если так случится и в третий раз, это будет сильным ударом для меня. Поэтому я готова сделать все, чтобы такое не повторилось. Все — это значит ВСЕ: изменить образ жизни, сменить род деятельности, простить всех на свете, совершивший паломничество к святым местам, поменять мировоззрение... список можно продолжать до бесконечности. Вот только знать бы, что из этого реально поможет мне нормально выносить и благополучно родить. Может, и ничто, а решение лежит совершенно в другой области.

— И ты совершенно права, — поддерживает меня Злая Сказочница. — Давай рассмотрим разные варианты. Чисто теоретически! Если чисто теоретически, то не всем женщинам дано иметь детей, даже если физически они здоровы. Это не наказание — это судьба. С судьбой можно бороться, можно попытаться договориться с ней, а можно просто принять.

— Вспомни про Мать Тerezу, — напоминает мне Сказочница. — Она не имела своих детей, но стала матерью для всего мира и принесла в него много света и добра. У нее было столько душевной теплоты, что она согрела многих. Мать Тереза наполнила свою жизнь великим смыслом Служения.

— Великое Служение... это да. Этим я намерена заняться уже прямо сейчас. Сначала книга... потом ее продвижение... форум по теме... поддержка женщин, с которыми это случилось... у меня много задумок, и я буду их воплощать независимо ни от чего.

— ...И этот проект на какое-то время станет твоим детищем, — подхватывает она. — Ты будешь им заниматься, вкладывать в него любовь и душу, вращиваясь, как собственного ребенка. Преодолевать препятствия, переступать через страхи и сомнения... Возможно, это действие докажет и тебе, и миру, что ты способна и достойна вращи-

— Да, — с удивлением осознаю я. — С этой точки зрения я не рассматривала, но вы, пожалуй, правы. В этом что-то есть. Я действительно УЖЕ ощущаю этот проект своим детишем.

— А как насчет суррогатного материнства?

— Нет, — решительно мотаю головой я. — Нет. Возможно, для кого-то это и выход, но не для меня. Я никого не осуждаю, но моя сама идея «ребенка за деньги» глубоко неприятна.

— Что ж, твой выбор. Есть еще один путь, на свете много детей, оставшихся без родителей — по тем или иным причинам. Они очень очень нуждаются в родителях!

— Я уже думала об этом, — медленно говорю я. — Думала и дак-
кое-что узнавала. Но пока не готова на такой шаг. Знаю, что по закону
усыновляющая семья должна быть полной, а я сейчас одна. Но не это
главное. Эти детки — «раненые нелюбовью», и нужно иметь в себе
очень, очень много любви и уверенности, знаний и мудрости, чтобы
отогреть их сердца. А я пока еще в самом начале пути к себе. Мне еще
тоже надо... подрасти.

— Уважаю. Очень взвешенное решение, — кивает Сказу-чипса.
Любовь.. Я тебе уже рассказывала историю мамы Любы?
— Нет, такой сказки пока не было, — отрешительно качаю головой я.

— А это и не сказка. Самая что ни на есть бывль. Все события произошли в действительности, и все совпадения следует считать случайными.

Мама Люба и ее семья

 ила-была Женшина, которая верила в волшебство семь родных и близких душ. Он и Она — это двое, да родились у нее трое ребятишек — вот уж и пятеро... Но до СЕМЬИ доянутся ли? А мечтается! Вот ведь раньше ребятишек в семьях было, и какая благость жила в этих семьях! Мечтается.. и до поры времени не верилось, что сбудется. Но ведь в мире нет ничего невозможного — в это Она свято верила. А если ты веришь в чудо, то оно в тебя верит. И вот оно, чудо, здравствуй!!!

Два года назад у них появились новые дети. Родные брат и сестра, а также дети, как много чудес и открытый связано с ними, как много было, и какая благость жила в этих семьях! Мечтается.. и до поры времени не верилось, что сбудется. Но ведь в мире нет ничего невозможного — в это Она свято верила. А если ты веришь в чудо, то оно в тебя верит. И вот оно, чудо, здравствуй!!!

Зачем, для чего и почему сложилось так, что они вместе? Уже да прислушивалась Она к Вселенной, с благодарностью принимая подсказки, участь илити по дороге Сердца, когда происходящее не сразу понятно и подчас непредсказуемо, участь читать знаки Вселенной и свечей внутренний голос, объясняющий и толкующий эти знаки...

Первая встреча. Он — любящий детей, умеющий с ними общаться — представитель попечительского совета общественного объединения профессионалов рынка недвижимости, курирующего детский дом. Вместе с другими неравнодушными людьми из попечительского совета Он ездит в детский дом на праздники, организовывает интересные экскурсии, просто походы в кино, приносит подарки, открывает детям мир за дверьми детского дома, дарят добро и свет, которых ЕСТЬ в них как и во всех людях. Это Он привез ребятишек прямо на работу, где она впервые посмотрела вот так, вблизи, глаза в глаза.

Он уже принял решение насчет этих двоих — чаще общаться, помогать, назначить стипендию. Она смотрит на детей — они такие светлые и родные, открытые миру и готовые принять любовь и помочь.

Пронзющая мысль: какие стипендии! — надо брать в семью. И одновременно страх и слезы на глазах: как же так, о чём я, зачем мне это?

Но видела Она луч от сердца своего к сердцам детей, и крепло чувство потребности, чтобы они просто были рядом. Всегда.

Оформление бумаг — непростая бюрократическая процедура, а внутри грызет червячок сомнения — все-таки надо ли? Но Она не могла иначе. «Давай попробуем! — сказал Она своему мужу. — И чего нам бояться? Прокормить — прокормим. Не знаю, насколько сроднимся, но все равно ведь поможем детям и научим хоть чуть-чуть жить, как сами умеем». Но сомнения и страхи поднимаются из темной глубины и возражают, приводят все новые аргументы... Что же в Ней сильнее — страхи, порождения Тьмы, или Свет Любви?

Дети — лекарство от эгоизма. А чужие дети — быстродействующее лекарство, это точно, — прожито и прочувствовано. Одно дело — общение на определенном расстоянии, но совсем иное — родительская ответственность и принятие чужого, принятие через сердце.

— Давай посмотрим, как распорядится Вселенная. Если получится оформить бумаги, если разрешат нам забрать ребят, то так тому и быть, а уж если не надо это нам, то и не выйдет ничего.

Не торопимся, движется своим чередом процедура оформления... Из окна автомобиля на проезжей части плакат: «Чужих детей не бывает!» — врезается в сознание, растет внутри вера. ЗНАК!

Сначала оформили временно разрешение, на выходные летом брали домой: познакомиться, привыкнуть... А там такой недостаток любви — «черная дыра», столько сил и чувств уходило!

— Не могу так.
— У нас получится!

Сорваны первые маски взрослых — «хороших людей». В истине это есть, и есть право на это, и у нас, и у них. Приходится искать коридушевых сорняков, совершать прополку. Облагораживаем Сад Душ Растем!

Вернулись и свои ребяташки с каникул от бабушки. Общаются они в гости по выходным.

— Мы так хотим с ними познакомиться!

А познакомились, общаются и играют вместе: у детей все прошёл. Как описать эти чувства? И еще разговор с родными ребяташками (том, как бы они отнеслись, если бы у них появились старшие брат и сестра), — стали жить с ними вместе?

— Мы согласны! А когда они уже навсегда останутся у нас?

Надо. Все сложилось — бумаги, разрешения, детская дружба. И вот мы вместе. Началась новая жизнь. Всех нас, всех семерых... Сбылось,

— Принятие, принятие, принятие... В них и в себе. Зеркала. Противоположности. Яркое проявление того, что во взрослых искусно замуровано и скрыто глубоко внутри. Невежество. Страхи. Эгоизм. Неумение любить, благодарить, прощать и т. д. и т. п. Чтобы что-то объяснить другому, нужно сначала самому это принять.

А внутри вопрос — зачем все-таки, почему они пришли в Её жизнь? Нет, даже не так. Зачем Она их ПОЗВАЛА в свою жизнь?

Укладывая ребяташек спать, Она с девчонками обычно ложится в кровать, обнимает, целует и поет колыбельные песенки. И со взрослой, недавно пришедшей в жизнь дочкой, тоже. Хоть ей уже пятнадцать лет, но она все равно ребенок. Девочка тонко чувствует, откликается, но

Никогда не засыпает... А тут уснула, голова у Нее на груди, а губками, словно малышка, рядом с грудью причмокивает. Дитя...

Она вспомнила состояние, которое запомнила на всю жизнь, состояние душевного полета, легкости и безмерной радости, в глазах — голубое небо и плавущие по нему белые живые облака... Ее первенец родился. Я — МАМА! Блаженство — быть на Земле и Небе одновременно, это не забывается! Родная моя, доченька! А внутри картинки из забытого прошлого — я с беленькой девочкой на руках, в одиночестве, посреди избушки... Я — это мир. Мир — это я. Всё во мне. Благодарю тебя, род мой небесный, память моя родовая, за эту подсказку... И Она бросила когда-то своего ребенка... И теперь учится прощать себя, принимать себя просто человеком, который совершает ошибки, и тех родителей, чьи дети сегодня в детских домах. У них свои уроки.

У них была своя мама. Она видела ее однажды, когда та приходила поздравить сына с днем рождения в детский дом. Она почти Ее ровесница, но с виду и не подумашь. Иначе выглядит отпустившийся человек, старее своих лет. Запах алкоголя, тосклиwy потухший взгляд, невнятные слова. А родные дети стоят рядом с чувством страха и боли. Но ей уже все равно, она не живет — доживает. Она умерла в прошлом году, когда ребята уже были в новой семье, а ее младшему исполнилось двенадцать лет. Он младше сестренки. Меньше разумности, но его невежественность ближе естественности, чувства и душа нарасташку. Сколько жалости в нем было! Как он любил жалеть себя и чтобы его жалели! И он умел ею пользоваться, воздействуя на взрослых и добиваясь желаемого.

— А ты хочешь быть мужчиной?

— Да!

— Тогда нужно принять и отпустить жалость. Ведь она со временем превращается в безжалостность того, кто еще вчера жалел. Собою быть, трудом, самостоятельно добиваться результата, а не выпрашивать с жалостливым взглядом. Вот и учитель в школе — раз

пожалели, ава, а потом — безжалостные войки — то, что действительно заслужил. Понимаешь, в твоей маме было очень много жалости. Она жалела себя все время, не верила в себя, поэтому так и сложилась ее жизнь. Давай примем жалость в себе и отпустим ее. Жалость нужна в этом мире тоже, она — в чем-то предтеча любви. В ней, если она есть, есть и человечность. Даже пословица есть такая русская: «жалеть — значит, любить». Но! Жалость — это не любовь. Сам посмотрите — почему она может привести человека...

И Она труditся с ним, и он духовно труditся. Он открыт и в любви. Вот она, душа мамы, появилась. Он повторяет слова и прощает свою родную маму, принимает, любит, на глазах его слезы. Спрашивает душу мамы, хотела ли она узнать, что такое небесная божественная любовь и как ей открыться. Да! Он видит ее и видит, как она изменяется. Как изменяется ее выражение лица, на нем появляется человеческое вместо жалости, и еще робкая надежда.

— Вот для чего ты пришел. Ты — волшебник. Мама не знала, что такое любовь, не верила в Свет! Ты смог научить ее! Ты дал ей надежду. Душа бессмертна, своим прошением ты уже поднял ее выше...

Мурашки по коже. На глазах меняется и мальчик после этих слов. Он верит. Начинает верить в себя, в себя светлого и очень нужного этом мире.

С девочкой другая история. Разумная, добрая, светлая девочка. От уже давно выбрала быть хорошей, быть противоположностью мамы.

— Давай попробуем ее простить.
— НЕТ!

Здесь уже иной подход: чтобы дойти до чувств, подавленных чувств, нужно сначала убедить ее разум. Здесь уже не жалость.

— Но ведь это уже безжалостность и бесчувственность, сорышко! Нужно принять и отпустить безжалостность. Она есть в этом мире, тоже нужна. Как хирургу, к примеру, без нее? Безжалостность имеет разные оттенки, она и строгость, без которой нельзя, но бе-

Люби — это жестокость, неумолимость, бесчеловечность. Оглянись, ты же видишь и сама так часто говоришь, разве можно жить без чувства? Вот и мама твоя — она ведь не стала безжалостной, она оставила себе чувства до последнего своего вдоха, но это была не любовь, а жажда. И ведь она не делала специально зла, она не сама бросила вас. Она просто не умела любить, у нее не хватило сил, знаний и разумной строгости к себе, чтобы потихоньку, шаг за шагом стремиться к вершинам и их достигать, она не умела жить, веря в себя и свет. Вас забрали у нее, наверное, правильно полагая, что это плохой для вас пример. Но ведь она до последнего приходила к вам... такая, какая есть. Она не выучила своих уроков, не смогла. Так не надо же быть к ней безжалостной! Ведь ты сама говоришь, что каждый, независимо от совершенного поступка, должен иметь шанс, чтобы измениться, должна быть надежда... Она — в тебе. Пройди ее (и свои) уроки. Она не умела прощать других, мир, себя, копила обиды, вину и падала под этой тяжестью. Прости ее. Научись прощать. Тебе стыдно за нее?

— Да!

— Так смотри, КАК ТЫ ЕЕ ЛЮБИШЬ! Ведь это не ты сделал, не ты так жила, но она тебе такая родная и любимая, что ты впитала в себя это чувство вины, не свое, ее!

— Да...

— Изменилось отношение к маме?

— Да.

Жертвенность, жертвенность! Как давно Она с тобой познакомилась, как долго Она тебя отпускала. Но вот ты вновь перед Ней, такая тонкая и такая губокая одновременно!

— Жертвенность и Самопожертвование, приветствую вас! Чем больше становится Солнце его душ!¹ Любовь проявляется и распространяется волною, освещая то, что еще вчера пугало и куда не проникал свет. Жертвенность, ты в чем-то предтеча большой, всеобъемлющей Любви!

Она поблагодарила Жертвенность и Самопожертвование за уроки. — Благодарю тебя, что открыла моему сознанию мой свет — потребность творить добро, любить и светить, постоянно расширяясь. Но ты не Любовь, Жертвенность! В тебе есть Некоторые мои к себе, желание отдать себя всю без остатка, жизнь свою отдать, поэтому твоя обратная сторона — крутой спуск вниз, во Тьму, в Никуда! И еще — неумение светить для самой себя, а включать внутренний свет через внешние включатели...

«Ведь даже б Солнце не светило, когда бы не было меня!» — поэт с любовью Марк Бернес, открывая для Нее Ее саму, любимую... Самопожертвование рождает у другого огромный долг души. Желание пожертвовать собой приходит, как огромный удав, охотящийся за тем, для кого можно пожертвовать собой и взамен попросить, потребовать любви. Поэтому подчас душа того, кому предлагается жертвенная любовь, самопожертвования не принимает, подозрительно избегая огромного долга... Чего желаешь другому, то обратно и возвращается. Самопожертвование возвращается, и сам становится его жертвой, желающего жертвовать собой. И чем тоньше человек, чем больше он готов отдать, тем сильнее поражающая сила этой энергии. И тогда приходит неприятие себя, до тошноты, до головной боли... Она увидела это, и стала принимать в себе энергию самопожертвования и самоуничтожения, и отпускать, и прощать себя.

— Прошла этот урок, выбираю Любовь. Люблю себя! АБОЛЮ! Не стану больше себе вредить.

Легко на душе стало, давнишний запутанный узелок внутренний развязался.

шее человек открывает свое сердце и расширяет свой разум, тем ярче, тем больше становится Солнце его души! Любовь проявляется и распространяется волною, освещая то, что еще вчера пугало и куда не проникал свет. Жертвенность, ты в чем-то предтеча большой, всеобъемлющей Любви!

Она поблагодарила Жертвенность и Самопожертвование за уроки. — Благодарю тебя, что открыла моему сознанию мой свет — потребность творить добро, любить и светить, постоянно расширяясь. Но ты не Любовь, Жертвенность! В тебе есть Некоторые мои к себе, желание отдать себя всю без остатка, жизнь свою отдать, поэтому твоя обратная сторона — крутой спуск вниз, во Тьму, в Никуда! И еще — неумение светить для самой себя, а включать внутренний свет через внешние включатели...

«Ведь даже б Солнце не светило, когда бы не было меня!» — поэт с любовью Марк Бернес, открывая для Нее Ее саму, любимую... Самопожертвование рождает у другого огромный долг души. Желание пожертвовать собой приходит, как огромный удав, охотящийся за тем, для кого можно пожертвовать собой и взамен попросить, потребовать любви. Поэтому подчас душа того, кому предлагается жертвенная любовь, самопожертвования не принимает, подозрительно избегая огромного долга... Чего желаешь другому, то обратно и возвращается. Самопожертвование возвращается, и сам становится его жертвой, желающего жертвовать собой. И чем тоньше человек, чем больше он готов отдать, тем сильнее поражающая сила этой энергии. И тогда приходит неприятие себя, до тошноты, до головной боли... Она увидела это, и стала принимать в себе энергию самопожертвования и самоуничтожения, и отпускать, и прощать себя.

— Прошла этот урок, выбираю Любовь. Люблю себя! АБОЛЮ!

Не стану больше себе вредить.

Легко на душе стало, давнишний запутанный узелок внутренний развязался.

— Благодарю, род мой небесный, хранители и покровители мои небесные, за помощь!

...А после этого во сне Она увидела маму своих старших ребяташек. Не как при жизни — сейчас такая красивая, белокожая, с румянцем на

шеках. Она дышит свободно, но как-то еще не очень смело, словно только учится дышать. Они общаются во сне.

— Но ты же умерла?

— Я ушла. Но я жив.

И поделилась с Ней, что легче ей стало, видит она в Мире Свет, страхов уже поменьше у нее, говорит.

«Как девочка моя на нее похожа», — отметила Она про себя... А на

Её душе легко и весело — значит, еще один узелок развязался. Проснувшись утром с четким пониманием, что душа мамы детей жива. Души бессмертны, это совершенно точно. И еще их души как-то связаны. Чем? **ЛЮБОВЬЮ!** Словно сестрами Они были когда-то... Она приняла в свою жизнь детей сестры, а как же иначе?

...И снова чудо, свеженькое, — в конце четверти у моего мальчика четыре четверки! По физике, информатике, истории и обществознанию! Такое случилось впервые. УРА!!!

История мамы Любы очень меня впечатляет и еще раз укрепляет в том, что я правильно не тороплюсь. Она, пережив многое, получив свой личный опыт, уже готова применять его на практике и передавать другим. А самое главное, что это не сказка, это быть, реальная история реальной женщины, которая тоже проходит свои непростые жизненные уроки. Это наполняет меня ощущением единения. Я не одна, не одна!

Семь-Я... семья... как же меня греет это слово! И каким глубоким содержанием оно наполнено у мамы Любы! А я ведь знаю реальные случаи, когда детей берут из детдома, а потом туда же и возвращают, с мотивировкой «не получилось контакта», а по сути — как развод, «когда сошлись характерами». Ну как можно??? Это же двойное предательство по отношению к детям, новая душевная травма!

— Не суди, — обрывает меня Сказочница. — Не суди, и не суди-
ма будешь. Да, это нелегкий путь, не все справляются и не все готовы.
Поэтому и говорю тебе: уважаю твое решение не торопиться. Придет
время, и ты все сделаешь правильно — я в тебя верю.

Благодаря Злоей Сказочнице я теперь тоже в себя верю. Но у меня теперь возникли другие вопросы, на которые меня навела история мама Любы.

— Скажите, почему люди теряют способность к любви? Если конкретно — почему это происходит с ЖЕНЩИНАМИ? Ведь они должны по определению любить своих детей?

— Мммм... Хороший вопрос. Скажи, а по какому такому определению? Кто и когда его дал?

— Ну, так в природе устроено.

— Да нет... И дикие животные, и домашние, бывает, отказывают-
ся выкармливать потомство. И человек — тоже. Тут другие механизмы

работают. Есть женщины настолько опустошенные, что им просто не-
чего передать своим детям. Скорее всего потому, что они сами этого
не получили от своих матерей. А те — от своих. Вот и нарушился в роду
поток любви. Да что я тебе голову морочу... Может, лучше сказку?

— Давайте! В сказке всегда понятнее разложено и не только на ум
ложится, и на струнках души тоже играет.

— Вот-вот... Значит, сказка...

Первая в своем роде

На холотропное дыхание я потащилась не из праздного лю-
бопытства, а с тем, чтобы разобраться со своими детскими-
родительскими отношениями.

Дело в том, что я — недолюбленный ребенок. Мама относилась ко
мене крайне сурово, доброго слова я от нее не слышала — только по-
преки и недовольство, никогда я для нее хорошей не была. А отец меня

вообще не замечал. Он выпить любил, и трезвым я его редко видела, а потом он и вовсе умер. И теперь у меня никак не получается личную жизнь устроить. А всем известно, что если ребенок любви в детстве недоложил, во взрослой жизни с этим тоже сложности будут, потому что самооценка ниже плинтуса. Я столько психологических книг на эту тему перечитала — ужас просто! Сама уже могу консультации давать...

Ну так вот, отправилась я на холотроп. Насколько я знала, это такое специальное дыхание под музыку, которое вводит в особенное состояние, где можно получить ответы на все твои неразрешимые вопросы. А у меня с моей хронической недолюбленностью таких вопросов — воз и маленькая тележка, они-то и мешают мне жить счастливой и полноценной жизнью.

Все так и случилось, как я читала. Объяснили нам, что и как тут будет, разбили на пары (один дышит, другой помогает), включили музыку — и в добрый час. Улеглась я и стала старательно дышать. Сначала долго ничего не было. Гыхчч, как паровоз, аж живот заболел, слева и справа — такое же сопение, музыка грохочет, мне аж тошно стало. Думаю, и чего это я сюда притянулась? Так-то я и дома, на диване могу упражняться.. Только пока я так думала, вдруг что-то изменилось: словно переключилось что-то в голове, и оказалась я в странном месте. Вроде как сон мне снится, только не совсем сон, потому что мозги работают и все наблюдают.

Вдруг передо мной возникает свет, а из него — женщина, немолодая уже, полноватая, в длинной юбке и белом чепце, приветливая такая, уютная, глаза добротой светятся.

— Здравствуй, детка, — говорит, — ждала я тебя! Добро пожаловать!

— Здравствуйте, а вы кто? — спрашиваю.

— А я — прародительница твоя, первая женщина твоего рода. Имя мое затерялось в веках, а ты зови меня Матушкой.

— Вы — первая женщина моего рода? Это как же? Это же, наверное, давно было?

— Очень давно, — смеется она. — Да ты не считай века — Ты спрашивай. Чего тебе надоально?

— Разобраться мне надобно. Проблемы у меня.

— Я — недолюбленный ребенок: папа не замечал, мама шпыняла,

и теперь не могу отношения построить, семью создать. И о себе я мнения крайне невысокого. Это потому, что мама мне внушала, что я серость и никчемность. Я и решила, что я — последняя в крайнем ряду, дальше некуда.

— А сколько тебе лет, деточка?

— Тридцать на той неделе было. Молодость, можно сказать, уже прошла, а я все еще не разобралась со своим недолюбленным детством...

— А что ты уже сделала для того, чтобы разобраться?

— Ой, я много чего сделала. Книжек умных перечитала невероятное количество, к психологу ходила, тренинги посещала, родителей простить неоднократно пыталась, — в общем, не сидела сложа руки.

— Родителей, говоришь, простить хотела... А за что?

— Ну как за что? За то, что любви недолали. А должны были!

— Вон оно что... А с чего ты взяла, что они тебе что-то задолжали?

— С чего? Да это же всем известно! Вон сколько уже про это написано! Что если родители своих детей любят, они вырастают полноценными и самодостаточными, в себя верят, будущего не боятся, и все у них в жизни складывается.

— Если бы... — говорит Матушка, и усмехнулась так невесело. — Знала бы, как ты ошибаешься! Иной раз и у любящих родителей такие детки вырастают, что слезы одни... Не в том дело. Я вот тебя спросить хочу: ты себя до сих пор маленькой считаешь?

— Да нет, мне рано повзрослев пришлось. Выучилась, работать пошла, и живу отдельно. Самостоятельная я.

— Стало быть, родители тебя на свет произвели, выкордили, вырастили, выучили, на крыло поставили, а все еще чего-то должны остались?

— Я ж говорю, любви не было. Не хвалили, не ласкали, не поддерживали морально. Я до сих пор из-за этого страдаю!

— Страдала, значит... А что ты о страданиях-то знаешь, летошка? О голоде, о войнах, о нищете, о потерях безвозвратных? Небось, только в книжках читала?

— Какие войны? И причем тут нищета?

— Смотри сюда, покажу тебе кое-что... Видишь? — И она достала откуда-то из складок одежды небольшой предмет. Я присмотрелась — это была шкатулка. Не особо красивая, простая, деревянная, потемневшая от времени, с какой-то незатейливой резьбой на крышке.

— Скажешь, неказистая на вид? А вот так? — И она подняла крышку шкатулки, а там... Оттуда такой несказанный свет хлынула, что я аж зажмурилась.

— Нравится?

— Да, очень... — Я смотрела как завороженная, теперь шкатулка казалась мне невероятно прекрасной.

— Это не простая шкатулка, в ней хранится любовь нашего рода, — пояснила Матушка. — Стоит ее открыть — и она весь мир осветит и согреет. Я эту шкатулку своей любовью наполнила и дочери передала, а она — дальше по роду. Это наше родовое сокровище, неотчуждаемое наследство по женской линии.

— Но я никакой шкатулки не получала! — говорю я. — Да если бы я такое увидела, разве бы я забыла? Видать, затерялось наследство где-то в поколениях.

— Не может оно затеряться. Говорю же, неотчуждаемое оно. Только вот ее все время любовью полировать надо, тогда и вид у шкатулочки будет совсем другой. Заиграет, засияет, засветится!

— А кто же ее полировать должен?

— Тот, кто владеет ею сейчас, сию минуту. Кому она по роду досталась. Стало быть, сейчас ты и должна.

— Я должна?? Да я не против... Только откуда мне ее взять, если я сама ее в наследство не получила?

— Такого быть не может. Каждая девочка рода, появившись на свет, получает такую шкатулку. Она незримая, но вполне реальная. Только бывает так, что закрыта она на семь замков, да и свет в ней поиссяк, и задача женщине — открыть ее и добавить любви, чтобы передать своей дочери снова сияющей и наполненной.

— Это что же выходит? Что я наследство получила, но ничего о нем не знаю? Потому что шкатулка закрыта, да? Но тогда скажите, почему моя мама ее не открыла, не показала мне Свет Любви? Вы же сами говорите — у кого шкатулка, тот и должен это сделать!

— Не у всех на это силен хватает, — тихо сказала Матушка. — Глянь сюда, покажу тебе, что женщинам нашего рода перенести пришлось...

Я глянула — и обомлела. Она словно занавес откинула, и передо мной стали проноситься разные картины, как в кино, и в каждом эти зоде присутствовала шкатулка. Чего там только не мелькало! Война, беженцы, бабка шкатулку в лохмоля прячет, или укутывает, а у самой руки обмороженные, распухшие... А вот лесоповал... на ветру, под снегом, женщины в ватниках плюют сопны, все замученные, едва шевелятся, и шкатулка валяется в ледяной каше, раздавленная чьим-то сапогом... Вот молодая женщина — муж ее бьет, колотит, поносит на чем свет стоит; потом она, вся в слезах, на шкатулку кровью запятнанную,amberный замок прикладывает, а ключ потом — в глубокий колодец, только булькнуло... А вот вижу шкатулку в руках у девочки, замок прежнему висит, только, видать, много лет прошло, потому что ржавый уже, старый... Девочка пытается его сковырнуть, посмотреть, что там, в шкатулке, да ничего не получается, только палец порезала да ноготь

сорвала. Тогда она ее бросает в угол, где всякий хам пытается, и лежит шкатулка, только крови на ней добавилось. Вот мама моя — вся зажатая, озабоченная, замороженная будто, и глаза невеселые. Папу я тоже увидела, как холода ему и неуютно, и он к бутылке тянутся, чтобы забыться... И еще много чего я видела в этом «кино» — только вспоминать не хочется, уж очень грустно все это...

— Матушка, страшно-то как! — вырвалось у меня.

— Сама видишь — иная женщина такую судьбу проживает, что ей свою любовь не раскрывать, а прятать приходится. Кажется ей, что если она свою любовь надежно укроет да на семь замков запрет, то так лучше будет. Не так болно... Не все ведь ее принять и оценить умеют, любовь-то...

— Выходит, мама моя тоже не смогла шкатулку открыть? Наверное, она тоже любви в жизни недополучила, потому и мне ничего не передала...

— Вот именно, — кивает Матушка. — И я спросить тебя хочу. Тебе вот тридцать уже, а ты все еще веришь в мамины слова о том, что ты «серость и никчемность» и «последняя в крайнем ряду»?

— Выходит, так. Поверила я в это. Да и кому же верить, как не маме?

— А что ты за это время сделала, чтобы другой стать?

— Да я всю жизнь старалась ей доказать, что я другая! — пожаловалась я. — И дома, и в учебе, и на работе вообще все делала на «пять с плюсом». Я всю жизнь из кожи вон лезу, чтобы доказать свое право на существование! И получить прилагающуюся мне любовь!

— А зачем? Если ты появилась в этом мире, то твое право на существование бесспорно. То, что ты не серость и никчемность, уже давно всем понятно. Ты уже всем все доказала! А любовь... Она в этой шкатулке, которая по праву рождения твоя. Осталось только открыть ее, и Свет Любви хлынет в твою жизнь, осветит ее, согреет, еще и другим дастается.

— А как это сделать? Как мне шкатулку открыть?

— Есть к ней ключ, называется он «сочувствия». Когда ты перенешь предков своих осуждать, что любви тебе недодали, а от всей души посочувствуешь им, что они сами ею обделены были, вот тогда и откроется шкатулка и разольется Свет Любви.

— Сочувствие, говорите... А мне кто посочувствует? Кто меня по-жалеет?

— Знаешь, пока ты будешь жадить жалости да сочувствия, не открыть тебе шкатулку. Разве ты дитя малое, чтобы сироткой прикрадываться? Взрослый человек, Владимира родового наследства. Пора бы тебе самой Свет Любви в себе открыть.

— Но мама...

— Мама твоя такая, какая есть, так уж жизнь ее сложилась. А ты так и будешь до пенсии чудес ждать, пока она изменится? Так может, этого никогда и не случится. Смотри, так и жизнь мимо проходит... Давай-ка решай прямо сейчас — берешь шкатулку или нет? А то мне пора...

И она действительно начала тянуть, исчезать.

— Беру! — закричала я. — Беру наследство!

Я была первой — и ты будешь первой. Свет Любви в твоем роде. Я была первой — и ты будешь первой. Первой по-настоящему счастливой за долгие годы, девочка, запомни это! — донеслось до меня из сияющей дырки.

Я ощутила, что шкатулка непостижимым образом оказалась в моих руках. Я ее как наяву чувствовала — теплую, уловатую, тяжеленькую. И вдруг такая музыка заграла чудесная, что я заплакала. Я испытала его, это самое сочувствие... Словно на себе ощутила все то, что пережили женщины моего рода. Такая тяжесть на меня навалилась, что я просто взвыла! Я рыдала, как никогда в жизни, и со слезами из меня вышли все обиды, все претензии, все горе от непонимания и не-любви...

лицо моей напарницы.

— Ну ты и ревела, — проговорила она. — Думала, все тут зальешь.. А что с руками?

Я взглянула — руки были сложены так, будто я все еще держала в них шкатулку. И на ощупь — словно она все еще там была.

— Наследство получила, — сказала я. — Неотчуждаемое...

Вот так я подышала на холотропе... Прошло совсем немного времени, но я чувствую себя совершенно другой. Не знаю, как это получилось, мне отдала. И слова ее помню: «Ты будешь первой женщиной рода, по-там недолголична? Мама — это мама, а я — это я. И я хочу передать родовую шкатулку своей дочери (а она у меня обязательна будет!), да не пустую, а наполненную Светом Любви. А кто же ее напомнит, если не я?

После сказки вопросов не остается. Наревелась (в который уже раз!), прониклась и сочувствием, и сопреживанием, и понимание всем другое появилось. Откуда берутся дети... Не от сознания, не из любви, то и чужой ребенок роднее родного. Значит, сначала надо вразживать в себе любовь, а дети — это ее следствие. Они прилетят на свет — погреться от тепла твоей души.

— А что такое холотропное дыхание? — спрашиваю я. — Вроде

— Это метод современной групповой психотерапии. Работает с нашим бессознательным. Особенное дыхание и специально

подобранные музыка позволяют человеку погрузиться в глубину транса, где начинают всплывать болезненные, травмирующие телесные ощущения, тяжелые эмоции из прошлого. Они выводятся через крик, громкое движение, и следом наступает освобождение. Раз ушли — больше не будут или, по крайней мере, их влияние значительно ослабевать.

— Любыe проблемы можно таким образом нейтрализовать: я страшно заинтересована, я жажду подробностей. — Так это же просто панацея!

— Нет, девочка, не надейся. Средства «от всего» вообще не существует, а кто тебе скажет, что у него такое есть, не верь. И в холотропе поднимется не то, что тебе хочется, а то, что готово к проработке: почистить и тело, и душу, и мозги он может здорово! Только имея виду: беременным этот метод резко противопоказан. Так что если и применять, то превентивно, в качестве подготовки.

— А еще что вы мне рекомендуете? Ну, чтобы с родовыми проблемами разобраться? Нет, насчет «всех простить» я уже уразумела вот практически?

— Практический! Системные семейные расстановки по Хеллингеру

— Тоже дыхание, только уже в режиме полной осознанности

— Нет, дышать будешь обычным способом. Это похоже на спеченный, в котором будут задействованы члены твоего рода, и ты в числе, только твою роль будет играть кто-то другой. А сама ты сможешь наблюдать развитие ситуации со стороны и делать выводы. И тогда полезно бывает посмотреть на себя со стороны: многое в другом свете видится.

— И все? — Я несколько разочарована.

— Не торопись делать выводы. Не все! Часто бывает достаточно сделать одну-единственную расстановку, чтобы в твоем роду восстановились порядки любви. А это, как ты сама знаешь, на потомков ой как влияет!

— О, это то, что надо.

Я беру на заметку и холотроп, и расстановки. Не факт, что я туда пойду, но с информацией ознакомлюсь и отзывы почитаю. Я же решила — не пренебрегать ни одной возможностью! Так что держись, Интернет, ты мне очень понадобишься!

Глава 17. ПРОБА ПЕРА

Я по-прежнему являюсь активным посетителем тематических сайтов. Хотя нет — не по-прежнему. Если впервые я зашла на них в полном смятении и растерянности, то теперь я с удивлением обнаруживаю, что ко мне все чаще обращаются за советом, просят о помощи. И я отвечаю, помогаю, разъясняю. А модератор поставил мне статью «Эксперт». Это, конечно, лестно, хотя какой из меня эксперт? Я сам только-только начала кое-что понимать! Но я себя одергиваю: ведь если я могу реально помочь тем, кто пока в смятении и растерянности, надо просто делать это. Сегодня, например, отвечая на вопрос сразу нескольких несчастных, запутавшихся в хитростях судебных судеб женщин, я написала такой пост — целую статью!

Существует конструктивное и деструктивное чувство вины. Конструктивное подразумевает, что за переживанием следуют действия. Например: обидел кого-то, помучился, попросил прощения или (для верующих) покаялся, исповедовался, причастился. Деструктивное чувство вины — это многодневное внутреннее самоистязание, за которым не следуют никакие действия.

Деструктивное чувство вины, к большому сожалению, свойственно многим, и это не является результатом данного печального события — этот рюкзак с камнями мы тянем на себе из далекого детства.

Обратной стороной чувства вины всегда является обида. Она также деструктивна, как и чувство вины. Нередко они волнами сменяют друг друга: либо человек обижается на людей и обстоятельства, либо винит себя — это замкнутый круг. Возникает же он вследствие того, что родители в своих воспитательных мерах нередко вызвали чувство

вины, вызывая тем самым у ребенка или обиду на родителей, или это самое чувство: «я не справился», «я ошибся», «я виноват», «я плохой». Родители наивно думают, что таким образом можно сформировать ответственность — а на самом деле формируется чувство вины. Ответственность — это когда ребенка направляют, доверяя ему самому принимать решения и двигаться вперед, осознавая все возможные варианты развития событий. А вот чувство вины исключает право на неудачу и ошибку и часто заставляет впадать в ступор, уходить от действий вообще.

Кроме того, чувство вины свойственно людям, которые склонны осуждать других. А поскольку все мы не идеальны, то нередко этим объектом осуждения становится сам человек. Свои стрелы ранят подчас больнее чужих.

Чтобы разорвать этот замкнутый круг, нам нужно принять не-

сколько важных решений.

- Решиться отказаться от осуждения своих родителей. Совсем!
- Простить родителей за все их ошибки. Вы не обязаны любить своих родителей, но почитать их, уважать их судьбу — это то, что дает вам право использовать Силу Рода.
- Дать внутреннее согласие не осуждать других людей: на все есть свои исторические причины, которые не поддаются поверхностному взгляду.
- Заменить осуждение анализом, пониманием и прощением их поступков. А если не хватает информации для анализа, то — невежеством («не мое дело», «мне не дано видеть всей картины», «Господь все управит»).
- Принять решение не осуждать и не винить себя. Вину и осуждение нужно заменить осознанием своих желаний, поступков и планированием действий.
- Простить себя как за необдуманные действия, так и за свое чувство вины по их поводу.

Прошение себя — это не оправдание или успокоение себя («Я виновата, потому что...») — это осознание и признание своей ошибки, беспомощности и даже немощности в определенных случаях. Прошение — оно не «потому что я тут ни при чем», а «несмотря на мое участие в этом». Это большой удар по гордыне, урок скромности и смирения и способ развития способности любить.

Да, с вами случилось то, что вы не смогли родить ребенка. Возможно, вы в чем-то действовали неумело и неправильно. Не казни себя за это!

Если анализ истории этой бременности не дает поводов упрекнуть себя в целенаправленных злонамеренных поступках, не стоит копаться в случайных действиях и заниматься самонаказанием. Таки тутиковые способы, как самоедство, избегание контактов, попытка уменьшить значимость проблемы, подавление сильных переживаний, свидают огромное количество энергии, которое может быть потрачен на более продуктивно. Есть множество конструктивных стратегий выхода из сложных ситуаций: учитесь, развивайтесь, общайтесь, занимайтесь самоанализом, помогайте другим, попробуйте творчески переработать ситуацию (вести дневник, рисовать, музицировать, писать рассказы и т.д.). Пусть жизнь этого ребенка, даже такая короткая, принесет свои плоды — значимые изменения вашей жизни.

Если это произойдет — вы сможете испытать безмерную благодарность этому малышу, себе и Небесам за подобный опыт! Я перечитываю свой пост и сама себе не верю: это кто, я? Может ли такое быть? Нет, я незнакома с этой женщиной... Она сильная, умная уверенная в себе, не боязняющая высказывать свое мнение и совершающая это тут же! Но тут вступает другая моя часть, и она говорит мне: «Да звать, носить маски, поастраиваться под обстоятельства. Ты ЕСТЬ! И я варуя смеюсь от облегчения и радости — да конечно же! Так оно и есть! Несчастья не сломили, а закалили меня. И теперь все, все

В моей жизни будет складываться по-другому — так, как я сложу! И У меня вмиг, на одном дыхании, слагается такая вот веселая, озорная сказка:

Сиреневый

одном синем-пресинем море жил-был дельфин. Юный дельфин немножко сиреневого цвета. Ему все так и говорили: «Эй, Сиреневый, а ну посторонись!» — или: «А вот этот сиреневый неправильно плавает: у него слишком плавник торчит». Сиреневому всегда было обидно, но со временем он и сам стал себя называть просто Сиреневый... А имя? По имени его к тому времени называть было некому: мама уплыла как-то вечером вслед за русалками, а папа всегда был мечтательно-невнимательным дельфином и Сиреневого просто не замечал. А Сиреневому хотелось быть... Обычным, просто обычным дельфином слегка синего цвета, со своим именем и даже, может быть, семьей.

Но имя Сиреневый и сам забыл, а окружающие были настолько заняты своими делами, что никому и в голову не приходило предложить ему какое-нибудь имя. Сам Сиреневый пробовал придумывать себе имена, например, Василий. Или Сергей... Да вот только окружающие сбивали его, и он забывал свое придуманное имя.

Старая креветка, которая всегда давала ему дельные советы, говорила, что у дельфинов не принято помогать друг другу, а уж тем более давать имена. Сиреневый всегда верил тому, что говорила старая креветка, но в душе было сомнение: а вдруг она не все знает про дельфинов? Тем более что ему смутно помнилось, что когда-то у него было имя (ведь мама как-то же его называла?), и он надеялся, что обязательно вспомнит свое имя, оно придет ему — может, во сне...

Только вот время шло. Сиреневый ждал свое имя, ждал, но оно почему-то так и не приходило. Два раза Сиреневый сильно болел, и в

коралловой лечебнице врачи — морские звезды — записали его в журнале один раз просто «дельфин № 31», а другой раз почему-то написали «Гузики». Вот Гузиком Сиреневый быть точно не хотел, поэтому демонстративно не отзывался, и все опять стали звать его Сиреневым.

Вот так вот он и жил и прожил бы всю жизнь, наверное. Но... в сказках со злом борется добро. А в нашей, с отсутствием имени, кто может побороться, кто станет спасителем? Конечно же, раз уж речь идет о море, то это царь морской Нептун, повелитель глубин.

И вот как-то заплыл Сиреневый в пучину морскую, оцепленную не заметил и оказался на пути у самого Нептуна. Остановилась карета Нептуна перед Сиреневым. Выглянул Нептун из своей кареты и зычным голосом как закричит: «Кто пустил дельфина на правительственною трассу?» Из свиты тут же кинулись к дельфину служивые морские коньки и давай его расспрашивать, кто он такой и что он здесь делает... А дельфин и сам не рад, страшно ему. Хорошо, у Нептуна настроение было мирное — бушевать не стал. Он узнал, что дельфин имя свое ищет, и дал ему имя Зак. Небрежно так, мимоходом, как и раздают подарки высочайшие особы. Вот так наша сказка и подошла бы к концу — да ведь нет, не можем мы ее так закончить. Потому что вроде вот и имя есть, а счастья все равно нету.

Мучается наш дельфин Зак, ведь клювом дельфинным такое имя произнести-то не получается. Нептуна, конечно, благодарит и грамоту о назначении имени всем показывает. А произнести все равно никто не может... Неделю мучается, другую... Уже окружающие дельфины стали его стороной отпывать: думают, лучше вообще к нему не обращаться. Лежит он на дне, всплыивает только иногда воздуха глотнуть, даже с креветкой общаться перестал. На третью неделю встретил он все-таки креветку, а она смеется, говорит: «Ну что, дождался милости, Зак? Был раньше дельфин как дельфин, плавал себе в синем море, а теперь лежишь в водорослях и пухнешь без физической нагрузки и свободного плавания. Вот занесет тебя илом и ракушками, и вообще искупаемым

станешь. Тогда тебе имя и придумается. „Морская Реликвия“, например! Или „Затонувшая Надежда“!»

И так слова креветки разозлили Сиреневого, что поплыл он без оглядки в непонятную сторону и плыл, пока из сил не выбился. Забылся он в беспамятстве и вдруг слышит через какое-то время: «Ой, смотрите, Сиреневый!» Приоткрыл он глаз и увидел незнакомую стаю дельфинов. И все такие разноцветные — черные, синие, голубые, изумрудные, всех оттенков моря! А главное — вроде как дружелюбные, смотрят, улыбаются. Ну, и он им в ответ улынулся.

И так вот стал он опять Сиреневым, только теперь с бaaaальшим удовольствием. А та дельфиниха, которая его первая нашла, через какое-то время стала его верной подругой и спутницей жизни и родила ему сначала одного дельфиненка, а потом еще и еще. Теперь Сиреневых в море не один, а целая стая, и называются они — СЕМЬ-Я.

О чем это я? Да о том, что каждый человек — уникален, теперь я это четко понимаю. Наша задача — не подстраиваться под других, а понять, КАКАЯ ТЫ НА САМОМ ДЕЛЕ. Научишься принимать себя — легче будет принимать других, а что все разные — так это же куда веселее! Иногда для усвоения этой простой мудрости приходится пройти немало испытаний. Как вот мне, например...

Сиреневый — мой любимый цвет. Море — мое любимое место отдыха. Дельфины — мои любимые животные. Я — моя любимая девочка. Теперь я точно знаю, что люблю и чего хочу. Я люблю жизнь, я хочу жить, я знаю, как сделать свою жизнь счастливой, и мне есть что передать потомкам. И за все это я благодарна в первую очередь им, двум моим деткам, живущим пока где-то в других мирах. Если бы не они, когда бы я еще до этого доросла?

Благодаря им у меня теперь есть и точка опоры, и смысл жизни я все чаще думаю о Книге. О тои, что медленно вызревает во мне наполняет меня, растет, чтобы когда-нибудь появиться на свет. Я беременна этой идеей! И, прислушиваясь к себе, я понимаю, что Книга рождается скоро. Совсем скоро!

Да, нужно срочно поделиться этим открытием с моей Злой Сказочницей!

Глава 18. КРУГ СИЛЫ

— То, что она говорит, повергает меня в шок. Вместо того чтобы обсудить, похвалить или поругать, разить тему книги (в общем, как-то поучаствовать!), она говорит совсем другое...

— Ну что, дорогая, не пора ли заканчивать наше длинное совместное путешествие?

— Как — заканчивать? — я огорожена, я ошеломлена, я растеряна. — Неожиданно как-то, — мамлю я. — Я уже привыкла к нашим встречам...

— Привязалась ко мне? — прищуривается Сказочница.

— Что вы, нет, конечно! — горячо отвергнула эту идею я, а потом под ее пристальным взглядом сознаюсь. — Ну, немножко привязалась... Но я понимаю, не могу же я всю жизнь быть... при вас. У вас, наверное, и других дел много, а я уже далеко не такая беспомощная. Так что если наше общение закончится, я не разрушусь.

— Клиентом можешь ты не быть, а вот коллегой стать обязана... — непонятно говорит Сказочница.

— Что?

— Девочка выросла. Девочка крепко стоит на ногах. Девочка уже сама может многое. Девочка видит волшебные сны и пишет чудные сказки. Девочка консультирует других девочек. Мое почтение, коллега!

— Вы шутите? — недоверчиво спрашиваю я.

— Нисколько. И теперь пришла пора сделать следующий шаг, очень важный. Сегодня ты будешь принята в Круг Силы.

— В Круг Силы? — я помню, что-то такое она говорила, еще в самом начале нашего знакомства... — А что я должна делать?

— Просто довериться старой Злой Сказочнице, — усмехается она. — Что ты должна? Видеть внутренним взором и слышать сердцем, а еще включить воображение на полную катушку. Ты уже отличн^и умеешь это делать. Так что просто закрываю глаза и следуй за мной.

Я закрываю глаза и слушаю ее голос. Он баюкает, он завораживает, он ведет за собой... и вот уже вспыхивает картишка, она мне знакома, я это уже видела... давно, давно, как будто в прошлой жизни...

Тьма и пустота. Тьма и пустота внутри, тьма и пустота снаружи, и там, среди этой тьмы и пустоты, затерялась я — маленькая точка в огромном пространстве. Но мне не страшно. Я чувствую себя центром этой пустоты, ее великолепным содержанием, важной и нужной ее частью.

Сначала ничего не происходит, но вдруг в беспросветной мгле появляется ясный огонек. Он мерцаает и колышется, кажется, будто где-то вдалеке горит свеча. Я спокойно жду — я знаю, что все свершится в свое время.

И вроде бы огонек не увеличивается в размерах, но становится четче и ярче, и я уже вижу, что это действительно свеча, я даже смутно различаю руки, которые ее держат. Это женские руки. «Здравствуй, сестра, мы с тобой», — этот голос звучит не снаружи, а внутри меня. — Мы пришли... мы идем на твой свет».

На мой свет?? Я отглядываюсь — и с удивлением вижу, что у меня в руках тоже есть свеча и она горит ровным, ясным пламенем. А сколько рядом еще огоньки... и подаль... и совсем далеко. Это выглядит так же, как звезды в ночном небе — мерцающие жемчужинки в кромешной пустоте: каждую свечу держат чьи-то руки. «Но здесь же никого не было» — потрясенно говорю я. «Были всегда. И ты тоже была всегда. Просто теперь ты тоже зажгла свою свечу».

Да, теперь я вижу. Здесь много людей, и свечи становятся все больше. Я уже различаю фигуры, даже лица. «Кто это?» — спрашиваю

я. «Это я, Мудрая», — отвечает мне одна. «Это я, Видящая», — говорит другая. «Это я, Несущая Надежду». — «И я, Танцующая на Радуге». — «Я, Прославляющая Жизнь». — «И я, Которая Верит».. Их много, этих женщин — я слышу тысячи имен — и у каждой в руках зажженная свеча. «Это я — Любовь». — «Это мы... и это все Ты»...

Я испытываю огромную радость, детское ликование, как будто после долгой разлуки встретилась со своими родными, с семьей... с собой. Они улыбаются, они разговаривают со мной.

— Ты думала, что Бог тебя любит, но если нарушить его заповеди, он накажет тебя. Но это всего лишь человеческое заблуждение. Ты просто не помнила, каково это — когда тебя любят без всяких условий. Ты просто слишком мало знала об истинной любви. Ты вспомнила.

— Раньше души шли на Землю за опытом, теперь они идут на энергию любви. Они необычные, эти дети, и с ними не просто. Зато как интересно духовно расти вместе с ними! Теперь Ты Знаешь.

— Жизнь — это не застывшая картинка, она динамична и все время видоизменяется, чудеса случаются, нужно просто поверить в себя и научиться себя любить так, чтобы притянуть душу для воплощения. Только Любовь, накопленная в клетках организма, может излучаться, концентрироваться и притягивать. Теперь Ты Можешь.

— Наказания не существует. То, что мы расцениваем как крушение, на самом деле — начало нового. Это великолепный сигнал, что что-то в нас не так. Не стоит винить указатель за то, что он указывает путь. Теперь Ты Понимаешь.

— Ты обрела больше, чем потеряла. Ведь когда все «по шерстке», гладко да легко, зачем верить? И так хорошо. Ты стала счастливой в настоящей жизни, в которой «хорошо» достигается разными способами. Иногда через боль. Ты — избранная, ты лучшая из всех, кого рассматривала душа ребенка, выбирая себе помощницу. Это доверие, это признание в любви. Ты, и только Ты, могла дать этой душе шанс

получить ее опыт так легко и быстро. Откажись ты от этой роли, прислоилось бы Малышу родиться в других условиях, и кто знает, какими окольными путями пришлось бы идти к своей цели душа этого человека? Но и тебе он сподвигнул стать другой. Теперь Ты Веришь.

— Ты прошла сквозь Тьму и обрела свой внутренний Свет. Теперь ты одна из нас. Становясь же в Круг Силы, сестра!

Я уже в кругу. Я ощущаю себя частью единого целого, я наполняюсь спокойной, мудрой силой и уверенностью. Пожалуй, я готова... но к чему?

И вдруг я вижу, как вдали возникает какая-то точка. Она не летит по плавной траектории, а движется зигзагами и рывками. Она уже близко, и теперь я вижу, что это молодая женщина — растерянная, измученная, с заплаканным лицом. Она изо всех сил всматривается во Тьму, но я понимаю, что она нас не видит, она вообще не видит ничего, кроме своего горя. Я сама недавно ощущала себя совершенно так же.

И тогда я поднимают повыше свою свечу и тихонько говорю ей: «Спокойно, девочка, ты не одна. Или на свет... просто или на свет!» «Спасибо, я так боялась, мне было так одиноко, так страшно, я была одна на всем белом свете!» — взволнованно лепечет она.

— Одна? — удивляюсь я. — Этого не может быть. Посмотри вокруг...

Она оглядывается — и с удивлением видит, что совсем рядом есть еще огоньки... и поодаль... и совсем далеко. Я знаю, какая дневная, грандиозная картина предстала перед ее взором. Это выглядит как звезды в ночном небе — мерцающие жемчужинки в кромешной тьме. Или как свечи в огромном пустынном зале. И они не висят в пустоте: каждую свечу держат чьи-то руки.

«Но здесь же никого не было!» — потрясенно говорит она.

«Были всегда. Просто ты никого не хотела видеть, — отвечает я. — Ты позвала — и узрела свет. Так всегда бывает, стоит только позвать.»

«Но кто это?»

«Это ты. Все поймешь и узнаешь, но в свое время. А пока просто
ощути, почувствуй каждой своей клеточкой — ты не одна!»

«Я не одна... — шепчет она. — Боже мой, благодаря тебе, я не
одна!»

Мы все полним свои свечи повыше, мы послываем ей свет сво-
ей любви. И тьма начинает потихоньку отступать...

КНИГА – ПОЧТОЙ

Вы можете заказать книги нашего издательства
любым удобным для вас способом:

- По телефонам: (812) 323-76-70, (812) 329-08-80.
- По электронной почте: rech-spb@mail.ru.
- На сайте издательства: www.rech.spb.ru.
- По почте: 199178, Санкт-Петербург, а/я 96,
Издательство «Речь».

Вы делаете заказ, указав:

- 1) фамилию, имя, отчество, телефон, e-mail;
- 2) почтовый индекс, регион, район, населенный
пункт, улицу, дом, корпус, квартиру;
- 3) название книги, автора, количество экземпляров.

Мы высылаем вам книги в течение трех дней
После принятия заказа!